

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

15

1986

15

1986

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

15

1986

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир Малинкович

РАЗГОВОРЫ О РЕФОРМАХ — ЧТО ДАЛЬШЕ?

Первый год правления Горбачева — это год необычайно высокой советской активности на международной арене. Поездка Горбачева в Париж, женевская встреча с Рейганом и следующие одна за другой «мирные инициативы»: Создается впечатление, что Советский Союз действительно готов пойти на значительное сокращение вооружений и соответствующий контроль при условии отказа США от развития системы космической обороны. Горбачев спешит — если будет продолжаться гонка вооружений, если придется догонять США еще и в космическом оружии (или компенсировать его отсутствие значительным увеличением производства ракет с ядерными боеголовками), военная промышленность потребует таких капиталовложений, что всякие планы экономической перестройки превратятся в неосуществимые прожекты.

Ради такой перестройки производится и смена руководящих кадров во всех звеньях управления страной — Горбачев сместил несколько членов Политбюро, секретарей ЦК, руководителей компартий союзных республик, очень многих министров, секретарей обкомов и т. д. Чтобы править «по-брежневски», такая перетасовка всего высшего звена власти не нужна: тем более, что она сопряжена с определенным риском. Если же намечаешь радикальную перестройку, нужно быть уверенным, что прочно сидишь в седле, что консерваторы тебе не страшны, что есть люди, на которых можешь опереться, которые умеют работать и обязаны тебе карьерой.

Но что менять и зачем? Почему Горбачев, наконец дорвавшись до власти, не успокоился, не почил на лаврах, а

затеял какие-то преобразования? Ответ прост: новый руководитель партии, а значит и государства, получил власть в стране, находящейся в глубоком идеологическом и экономическом кризисе. И он знает об этом. Он *вынужден* что-то менять, у него нет иного выхода. Уже хотя бы потому, что без перестройки экономики не сохранить военный паритет с США.

Новый НЭП или модернизированный сталинизм?

Кризиса идеологии коммунист может и не заметить, но приближение экономической катастрофы не увидеть нельзя. Даже коммунисту. Если бы Горбачев сам этого не заметил, он узнал бы о кризисе от советских же социологов и экономистов. Вот что сказала три года назад в докладе «О необходимости более углубленного изучения в СССР социального механизма развития экономики» (докладе, с которым Горбачев был, несомненно, знаком) академик Т. Заславская:

«... ухудшение экономических показателей имеет место в большинстве отраслей и районов... причина... — в неспособности системы обеспечить полное и достаточно эффективное использование трудового и интеллектуального потенциала общества. Основные черты действующей системы государственного управления экономикой СССР сложились примерно пять десятилетий назад (т.е. в начале 30-х годов, при Сталине, после того, как было покончено с ленинской «новой экономической политикой» — В. М.). С тех пор эта система... ни разу не подвергалась качественной перестройке, отражающей принципиальные сдвиги в состоянии производительных сил.»

Об этой системе академик А. Аганбегян — директор Института экономики Сибирского отделения Академии Наук СССР (где сектором социальных проблем руководит Т. Заславская) — писал еще двадцать лет назад:

«Мы имеем самую плохую и отсталую среди развитых стран структуру производства... Наша система экономических рычагов ничего общего с планом не имеет, она — против интересов хозяйства.»

В последние двадцать лет негативные стороны советской

экономической системы проявлялись все больше и больше (хотя, казалось бы, куда уж хуже). Это вынужден был признать и Горбачев на XXVII съезде партии:

«В течение ряда лет ... проблемы в развитии страны нарастают быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления.»

По всей вероятности, Горбачев еще до прихода к власти обещал ученым-экономистам провести радикальные хозяйственные реформы. Иначе, почему же Аганбегян еще в 1984 году публично утверждал, что нас ожидает время «революционных» преобразований, а через несколько недель после того, как Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК, писал в «Известиях»: «Мы живем в особый период» (уже в настоящем времени — *В. М.*) ?

Особенность «горбачевского периода» заключается пока только в разговорах об экономических реформах да в хозяйственных экспериментах, которые, хотя и дали в целом неплохие результаты, остаются всего-навсего отдельными экспериментами. Никакой реальной перестройки еще нет — есть несколько нововведений, имеющих ограниченное значение и директивы плана экономического развития на ближайшую пятилетку и до 2000-го года, принятые на только что закончившемся XXVII съезде партии. И все. Но тема реформ активно обсуждается, высказывания стали более критическими и конструктивными, чем в «брежневские» времена. Они позволяют выявить две тенденции в подходе к решению экономических проблем.

Сторонники радикальных реформ предлагают:

1. Заменить «ведомственный» (бюрократический) централизм на централизм плановый, т.е. ликвидировать ненужные промежуточные инстанции (вплоть до министерств) между предприятием и Госпланом. Госплан же должен осуществлять научное прогнозирование и планировать лишь эффективность предприятий в соответствии с

общими для всех экономических нормативами, главные из которых — прибыль и рентабельность.

2. Отношения между предприятием и государством, между различными предприятиями, между предприятием и поставщиками, между предприятием и потребителями его продукции должны строиться на полном хозрасчете, на основе законов стоимости. Предприятия должны перейти на самофинансирование. Они должны стать рентабельными, иначе будут закрыты. Даже услуги по управлению и координации работы различных предприятий (т. е. то, что сегодня, в принципе, обязаны делать министерства) оплачиваются этими же предприятиями. Разумеется, они будут платить лишь за те услуги, которые им необходимы, и в результате количество бюрократических операций (и, соответственно, бюрократический аппарат) резко сократится.

3. Все предприятия должны быть максимально самостоятельными. Они сами будут планировать объем и ассортимент производимой на основе заказов потребителей продукции (сверху будут спускаться лишь задания общегосударственного значения), будут иметь возможность свободно распоряжаться значительной долей получаемой прибыли. В этой ситуации руководитель предприятия будет сам искать заказы, а не избегать лишней нагрузки, как это он делает сегодня.

4. Руководство предприятия должно обладать правом свободного перераспределения фондов предприятия (в том числе и фонда зарплаты) и самостоятельностью в проведении кадровой политики. Это позволит сократить управленческий аппарат и лишние производственные звенья, значительно улучшить оплату труда хороших работников и уволить тех, в чьем труде предприятие не заинтересовано, т. е. осуществить на деле принцип оплаты «по труду».

5. Основным производственным звеном на предприятии должна стать бригада, работающая на подряде. Труд рабочих такой бригады оплачивается не по отдельным операциям, а в зависимости от выполнения бригадой заказа, т. е. от конечного результата совместного труда нескольких рабочих, каждый из которых будет заинтересован, чтобы работа была выполнена в срок, качественно, с наименьшими

затратами труда и материалов. Такие бригады уже работают на многих предприятиях, однако из-за того, что сами предприятия не самостоятельны и руководители не могут адекватно оплачивать труд рабочих, эффективность метода «бригадного подряда» меньше, чем могла бы быть.

6. В сфере обслуживания населения должны получить широкое распространение различные хозрасчетные организации (бюро услуг, ремонтные мастерские, поликлиники), которые, расплатившись с государством за помещение и инструмент и отдав ему строго определенную часть прибыли, могут свободно распоряжаться остальной ее частью. Допускается и труд «частника» — таксиста, например, или мастера-ремесленника, отношения которого с государством строятся на том же принципе.

7. Естественно, необходимо также широкое использование в производстве современной технологии (особенно, компьютеров), и предприятия, активно внедряющие в производство достижения науки и техники, должны быть материально в этом заинтересованы, а научные учреждения должны работать с производителями в едином научно-производственном комплексе.

Таковы, упрощенно, представления «радикалов» о необходимой перестройке в промышленности. В сельском хозяйстве, где особенно очевидна беспомощность существующей ныне системы производственных отношений, предлагается провести аналогичные реформы:

1. Объединить сельское хозяйство, сферу переработки и хранения сельскохозяйственной продукции в единый Госагропром СССР. Это уже сделано. Госагропром управляет производством более 30 % валового общественного продукта и 70 % всего товарооборота страны. Почти вдвое сокращен бюрократический аппарат: вместо 10 министерств, 206 главков и управлений, 49 объединений, занимавшихся сельским хозяйством, сейчас в подчинении Госагропрома находятся 4 министерства, 10 крупных отделов и 26 объединений. На местах перераспределением средств, отпущенных для сельского хозяйства, занимаются республиканские, областные и районные агропромышленные комитеты.

2. Планировать не все государственные закупки сельскохозяйственной продукции, а лишь обязательные поставки. Все, что колхоз или совхоз хочет и может производить сверх поставок, он планирует сам. Причем и обязательные поставки следует планировать в зависимости не от достижений колхоза, а от его ресурсов.

3. Закупочные цены для всех предприятий, работающих в сходных природно-экономических условиях, должны быть едиными, стабильными и в то же время гибкими, согласованными с ценами на промышленную продукцию, прежде всего с ценами на сельскохозяйственное оборудование.

4. Колхоз или совхоз должен иметь возможность сам определять — как, кому и по какой цене продавать излишки продукции (но цена не должна превышать определенного, установленного комитетом цен, потолка) и, выплатив также строго определенный налог на прибыль, свободно распоряжаться своими доходами.

5. Основная производственная единица в колхозе-совхозе — безарядное звено, т.е. все та же «подрядная бригада», где труд колхозников оплачивается по конечному результату работы всей бригады. Причем (и это кажется особенно интересным) подряд может быть семейным, бригада — семьей. Например, семья, обслуживающая молочную ферму, отдает колхозу по внутрихозяйственной цене, определяемой уровнем прямых затрат, строго определенное количество молока, а остальное молоко продает либо колхозу по более высокой цене, либо непосредственно на рынке. (Систему «семейных подрядов» предлагается использовать и в промышленном производстве, и, особенно, в сфере обслуживания).

Противники радикальной перестройки предлагают добиться повышения производительности труда за счет мер по укреплению трудовой дисциплины, борьбы с коррупцией, жесткой регламентации всех отношений в процессе производства, возрождения так называемого «стахановского» движения (т.е. искусственной организации «производственных рекордов»), морального и материального (в виде премий, но не адекватной оплаты труда) стимулирования

трудового энтузиазма, бережного отношения к машинам и материалам (искусственно подогреваемого штрафами) и широкого внедрения компьютеров и новой техники.

Если «радикалы» предлагают, по существу, «венгерско-китайский НЭП», то предложения консерваторов — это не что иное, как преодоление «брежневщины» при помощи «сталинизма плюс компьютеризация».

Точку зрения «радикалов» в различных вариациях выражают в печати видные экономисты и социологи (Заславская, Аганбегян, Лукинов, Беспяхотный, Костаков, Бунич, Шубкин, Лацис, Пошкус и др.), директора предприятий и председатели передовых колхозов (и, видимо, председатель Госагропрома Мураховский), а позиции консерваторов в основном защищают партработники, юристы и... многие рядовые граждане. Да, как ни странно, простые советские люди. Воспитанные массовой пропагандой, они плохо представляют, в чем заключается их подлинный интерес, и мыслят порой в соответствии с установившимися шаблонами. В письмах читателей высказываются, например, предложения «взять под контроль доходы и расходы каждого гражданина страны» или бросать за решетку всех «шабашников», считать преступлением продажу товаров с приусадебного участка колхозника на рынке и т. д.

Все это, правда, далеко не однозначно. Некоторые «рядовые» читатели в своих письмах в прессу очень резко критикуют существующую в стране систему социальных отношений, причем не только «отдельные недостатки», но и саму суть этих отношений. В одном из писем в «Известия» читатель, например, прямо заявляет, что *«большинство»* (выделено мною — В. М.) колхозов и совхозов убыточны, не способны справиться со своими задачами». Любопытно, что газета это письмо опубликовала.

Кажется очевидным, что предложения «радикалов», будь они реализованы, могут в определенных условиях помочь выходу страны из состояния стагнации, тогда как меры, предлагаемые консерваторами, в лучшем случае приведут к кратковременному и очень небольшому подъему, за которым последует еще более глубокий кризис. Но вскоре

после публикации статьи Отто Лациса в «Известиях» за 25 июля прошлого года — статьи, где наиболее полно отражена суть предполагаемых реформ и где автор утверждает, что вопрос о таких реформах уже «в принципе решенный», — неожиданно началась кампания в прессе за возрождение «стахановского» движения, за дисциплину и бережливость и т. п. Дискуссия о реформе поутихла, и к концу прошлого года казалось, что она вот-вот совсем прекратится. К счастью, в последние месяцы разговоры о радикальной перестройке возобновились, и в докладе Горбачева на XXVII съезде многое из того, о чем говорили «радикалы», уже признано в качестве основных задач партии в экономике. Более того, Горбачев прямо заявил, что хозяйственная политика будет проводиться по образцу ленинского НЭПа:

«По сути речь идет о творческом использовании ленинской идеи о продналоге применительно к современным условиям».

Не нужно быть слишком проницательным, чтобы утверждать: Горбачев хочет и боится «радикальной» перестройки. Но почему боится? Какие опасности связаны с хозяйственными реформами?

Главные экономические опасности — инфляция и безработица.

Ведущий советский экономист Костаков недавно признал, что модернизация хозяйства приведет к тому, что 13-19 миллионов человек потеряют работу. Часть из них уйдет на пенсию, но многие останутся какое-то время безработными. Чтобы проблема была не столь острой, необходимо (пересмотрев закон об уголовной ответственности за «тунеядство») приступить к созданию системы социальной помощи безработным и широкой сети школ переквалификации. Для этого нужны будут значительные средства, которых у государства, по-видимому, нет, а резко повышать прямые налоги оно боится — это вызовет недовольство трудящихся и укрепит позиции противников реформ.

Выход может дать разрешение мелкого частного предпринимательства. В первые годы, пока рынок для частников будет свободным, оно может привлечь большое

количество свободных рабочих рук. Когда же рынок в основном будет насыщен, у государства уже будут средства для создания системы социальной помощи по западному образцу.

Очевидно, в случае проведения реформ у советских людей появятся деньги, на которые им трудно будет приобрести необходимые товары. Какое-то время дефицит товаров будет ощущать и промышленность. Однако и эту проблему в принципе можно решить — нужные товары охотно поставит Запад, заинтересованный в новом обширном рынке сбыта. Возможно и привлечение, в ограниченных размерах, западного капитала в страну. В Венгрии, например, фирмы с привлечением западного капитала производят 7% всего объема промышленной продукции. Хорошие результаты дает привлечение западных и японских фирм к участию в экономике красного Китая.

Наверняка, возникнут проблемы и с ценообразованием. Следует, видимо, ожидать, что последовательное проведение реформ будет сопровождаться ростом цен на некоторые товары. В Китае, к примеру, цены выросли в прошлом году в среднем на 9%, но тем не менее изменение политики цен оказало, по мнению вице-премьера Китая Тянь Чжуна, благотворное воздействие на китайскую экономику. В отдельные месяцы 1985 года рост товарного производства превышал 20% (невероятные, даже слишком высокие, показатели для сегодняшнего Китая).

Словом, экономические трудности преодолеть можно — сложнее с трудностями идеологическими.

Преодолимы ли идеологические барьеры?

«Реформы — да, либерализм — нет!» Так оценивают политическую линию Горбачева многие западные обозреватели. Уверен, что новый генсек действительно хотел бы проводить такую политику, но также убежден и в том, что из этого ничего не выйдет.

В Советском Союзе уже детям рассказывают в школе, что труд из-под палки (а укрепление трудовой дисциплины, борьба с коррупцией, штрафы за плохое качество — все та же палка) менее производителен, чем свободный труд. Знают

там и марксов тезис о тесной связи между производственными отношениями и идеологической надстройкой. Правда, у советских руководителей есть опыт, которого не могло быть у Маркса. В сталинские времена в «шарагах» (тюрьмах-лабораториях — см. «В круге первом» А. Солженицына) удавалось палкой принуждать зэков-ученых даже к творческому труду. К счастью, «успехи» в развитии марксистской теории имели все же локальное значение. Как не стараются советские вожди превратить хозяйство страны в единую «шарагу», у них ничего не выходит — общее научно-техническое отставание государства развитого социализма от Запада очевидно. (В проекте новой партийной программы советский «социализм» уже называли не «развитым», а «цельным», но это определение мне кажется неверным. Социализм в СССР скорее не *цельный*, а *сепарированный*: сливки — номенклатуре, сыворотка — всем прочим).

Видимо, и Горбачев (как ни как, муж специалистки по марксизму) понимает, что прежде чем творчески работать, советский человек должен получить позволение творчески мыслить и выражать свои мысли. Чтобы участвовать в создании нового, люди прежде всего должны попытаться более или менее адекватно оценить нынешнюю ситуацию. Без критики «недостатков» не обойтись. Нужно позволить хоть что-то высказать в официальной печати, чтобы не все уходило в самиздат, чтобы контролировать выход недовольства. И клапаны приоткрыли, меру дозволенного увеличили. И люди стали высказываться. По-разному. В меру своего разума. Одни, как мы знаем, — что следует еще ужесточить контроль, другие — что колхозно-совхозная система никуда не годится. Прокурор — о том, что «шабашника» следует немедленно отправлять в тюрьму и надолго, экономисты и наиболее смелые журналисты — что его труд должен быть узаконен.

«Недостатков» оказалось так много, что советские люди, читая советские же газеты и журналы, не могут не ужасаться: не хозяйство вели, а десятилетиями грабили и разрушали страну.

Сибирь.

Писатель Валентин Распутин спрашивает:

«Кому на благо пошел погубленный лес, которым выстелены сейчас берега Братского и Усть-Илимского морей? Ни одна сосна не была вывезена из зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС, все пошло под воду. Уже сейчас ясно, что пропадает лес и в зоне затопления Богучанской ГЭС.

Простите, по какому праву? Пусть ответят мне и моим землякам министры энергетики, лесного хозяйства, Госплан: по какому праву транжирился наше богатство?...

Двадцатилетний опыт показал — целлюлозный комбинат в Байкальске травит славное, бесценное море... сотни тысяч гектаров усохших и усыхающих лесов, изменение состава воды в почти половине акватории озера, уменьшение — от двукратного до пятикратного — веса различных популяций байкальского омуля, нарастающая гибель эпишуры, основного биологического санитара воды, и т. д. и т. п.» И как выяснилось: «Не нужна была байкальская вода, не годился байкальский лес. Байкальская целлюлоза — своего рода тормоз для производства надежных шин на мировом уровне... Как же тогда все это называется?..» («Известия» от 3. 11.85 и 17. 2. 86).

А вот что рассказывает в очерке «Земля» Анатолий Иващенко («Новый Мир», N 1, 1986):

Казахстан, целинные земли.

«Не предупреждали ли знатоки степного земледелия в самом начале распашки ковылей в Казахстане, что при таком подходе быть беде? Предупреждали. Целина закурилась дымным пожаром уже через четыре года.»

Крым

«Чем дальше в лес — тем больше дров. Крым тогда же объявил, что начинает освоение «горной целины»... Смело те участки — 10 тысяч гектаров!»

Украина

«Все протесты специалистов против строительства Каховской плотины легли под сукно. ГЭС построили. Мощности у нее с гулькин нос, а так как закона сообщающихся сосудов не отменишь, то начало заливать

шахты. Для откачки воды каховских киловольт не хватает. К тому же затопленными оказались десятки и десятки тысяч гектаров бесценных украинских черноземов, а те, что не достались морю, подтапливаются... Озимая пшеница тут вымокает, ячмень в воду да в грязь не посеешь.»

Центральная Россия.

«Специалисты прикинули — и вышло, что только в России список погибающих малых рек содержит около 100 тысяч названий. Еще горше, чем каховское море. Там вода губит черноземы, здесь снесенная земля убивает воды...

...Мы не только в горевое лихолетье народных бедствий, а постоянно подтачиваем хлеборобную силу земли. Отрадно, что куб земли из Каменной степи и сегодня хранится в Париже как мерило самого большого богатства планеты. Но он и укор нам, напоминание о том, каким русский чернозем был в прошлом. Век назад специалисты подсчитали — и вышло, что если плодородные поля Центрального Черноземья, откуда берут истоки самые лучшие, твердые и сильные пшеницы России, совсем не удобрять, то гумусного потенциала хватит, чтобы получать урожаи в 30 центнеров с гектара на протяжении пятисот лет... Сейчас здесь берут не больше 18-20 центнеров и считают такой урожай нормой.»

Средняя Азия.

В статье «Зачем пустыне болота?» («Известия» от 6. 12. 86) В. Кулешов приводит данные: в Тедженском оазисе из 70 тысяч гектаров орошаемых полей 48 тысяч засолены, из числа других 400 тысяч, подлежащих дренированию, 280 тысяч гектаров почти погублены — в песчаных почвах образуются ... болота! Уже и столицу Туркмении Ашхабад нужно спасать от заболачивания. А власти планируют перебрасывать на юг северные реки!

Анатолий Иващенко сокрушается:

«Вот оно — покорение природы, вот оно — „и на Марсе будут яблони цвести“. С одной стороны, конституционное положение о рачительном отношении к окружающей среде, законы о земле и ответственности за нее. С другой — пробей соответствующие визы и заливай ее, бессловесную, морями,

уродуй столбами электролиний, прокладывая дороги, как твоему ведомству выгодно, оно ведь тоже государственное... В центре Нью-Йорка на Манхэттене квадратный метр земли стоит 40 тысяч долларов. Наши политэкономы до сих пор не предложили, как оценивать землю в эпоху социализма. У нас она бесценна только потому, что на нее нет цены.»

И не хотел бы Горбачев касаться проблем идеологии, решая хозяйственные проблемы, да не получается — шило из мешка само лезет.

«Сталинизм, — сказал Горбачев в интервью газете «Юманите», — понятие, придуманное противниками коммунизма, и широко используется для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом.

С тех пор, как на XX съезде партии был поднят вопрос о преодолении культа личности Сталина и принято постановление ЦК КПСС по этому вопросу, прошло тридцать лет. Скажем прямо, это были нелегкие для нашей партии решения.»

Это утверждение внутренне противоречиво. Ведь замена выражения «Сталинизм» выражением «культ личности Сталина» ровным счетом ничего не меняет. Важно ответить на вопрос — преодолен или нет этот самый культ? Кроме того, термин «Сталинизм» придумали как раз не враги Советского Союза и социализма, а его друзья — те, кто хотел бы возложить ответственность за пороки существующей в СССР системы на одного диктатора Сталина, а не на идеологию социализма вообще и его марксистско-ленинского варианта в частности.

Самое разумное, что можно было бы сейчас сделать — это признать, что последствия культа Сталина в СССР еще не преодолены «полностью и окончательно», и объяснить существующие трудности наличием пережитков «Сталинизма». И тогда многое сразу же стало бы на свое место.

Ведь политика НЭПа, начатая Лениным, прекратилась при Сталине. Ведь принципы управления экономикой страны — те самые, что сегодня нужно менять, — установил Сталин. Ведь колхозная система, погубившая миллионы людей и

Тот, кто вчерашние жертвы забудет,
может быть
завтра жертвой будет.»

На съезде писателей РСФСР тот же Евтушенко призывает не забывать о трагических ошибках прошлого (вспоминает и сталинские методы коллективизации). Это выступление поэта «Литгазета» опубликовала в наполовину сокращенном цензурой виде. Помнить о прошлом, ибо там «родословная всех наших проблем», — предлагает и главреж МХАТа Олег Ефремов.

В уже упомянутом очерке «Земля» Анатолий Иващенко изображает Сталина, склонившимся «над картой страны, разбитой зелеными лесополосами на равные квадраты». Это по сталинскому «Плану преобразования природы» *Большой Академик* Лысенко губил землю. Правда, в конце очерка Иващенко спохватывается: времена, мол, тогда были трудные.

На сцене московских театров появилось несколько острых пьес, и среди них пьеса «Говори...», поставленная театром им. Ермоловой по мотивом очерков В. Овечкина — первых послесталинских и антисталинских деревенских очерков, опубликованных в 50-х годах «Новым миром».

Антисталинские настроения присутствуют и в романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». А Булат Окуджава прочел со сцены Театра на Таганке свои резко антисталинские стихи о генералиссимусе.

Есть и другие примеры. Но об антисталинской тенденции говорить еще рано. А главное — если такая тенденция и существует, то лишь как проявление настроений определенной части творческой интеллигенции, а не как позиция партийного руководства. Новый генсек в разделе своего доклада на XXVII съезде, посвященном вопросам идеологии, повторял все те же заезженные фразы, что были в ходу и при Брежневe, и при Сталине:

«Коммунистическая партия проделала гигантскую преобразующую работу. Ее результаты — выдающееся завоевание социализма, обогатившее мировую цивилизацию... Мир без угнетения и эксплуатации... нерушимая дружба народов... советский народ как качественно новая социальная общность.» А с другой стороны — «Развязанная

империалистами психологическая война... особая форма агрессии, политико-психологическая подготовка к войне, не имеющая ничего общего со свободным обменом идей...»

Пустые, ничего по существу не означающие слова, назначение которых в том, чтобы заставить стереотипно мыслящего слушателя поверить, что партия всегда права — и когда убивает голодом миллионы крестьян в 33-м и расстреливает «врагов народа» в 37-м (при Сталине), и когда оказывает советскими вооруженными силами «братскую помощь» Венгрии в 56-м (при Хрущеве), Чехословакии в 68-м (при Брежневе), Афганистану (сегодня, при Горбачеве).

И все же — хотели того или нет советские руководители, но, приоткрыв клапаны, увеличив допуски, они разбудили общественную жизнь. И, надеюсь, общество в свою очередь сможет оказать давление на власть.

Еще одна серьезная проблема — национальный вопрос. Национальная политика партии не претерпела по существу никаких изменений с тех пор, как Сталин в начале 30-х взял курс на принудительную русификацию нерусских народов и создание единой московской империи. (Здесь не было и хрущевской оттепели). Эту же политику продолжает и новое партийное руководство. Цель — ассимиляция всех народов Союза в «единый советский народ», который (якобы ради всеобщего удобства) говорить должен на русском языке. Политика эта угрожает существованию нерусских народов как наций.

Очевидно, нашлось достаточное число «деятелей национальной культуры», которые, желая угодить «московскому начальству», пропагандируют партийный курс. Их угодничество порой не знает пределов. Кинорежиссер из Таджикистана Давлат Худоназаров, например, писал в «Правде»:

«Чувство благодарности и долга... расширяет границы моей родной земли, стирает этнические и языковые различия».

По словам Худоназарова, в годы войны люди разных национальностей, защищая родную землю, любовно называли ее Россией.

Конечно, таджикский кинодеятель не может не понимать, что утверждение о стирании различий между русским

языком и, скажем, таджикским — бессмысленно, абсурдно. Русский язык не может слиться с таджикским в какой-то новый язык — он попросту вытесняет его в Таджикистане, лишая социальной функции.

Руководителей советского государства не волнует судьба языков и культур нерусских народов Союза, как не волнует их и тот факт, что нынешняя политика Кремля находится в явном противоречии с ленинской линией в национальном вопросе, которая была закреплена в резолюции XII съезда партии. В этой резолюции утверждается, что все разговоры о преимуществах русского языка и русской культуры сейчас и в будущем являются «не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности», т. е. проявлением «великорусского шовинизма».

Многие граждане нерусских республик, в отличие от партийных вождей, глубоко обеспокоены перспективой гибели их наций. Сопrotивление русификации принимает все более широкие размеры, что косвенно вынужден был признать и Горбачев в своем докладе на XXVII съезде. Сегодня большинство политзаключенных в СССР — участники национально-правозащитных движений.

Еще при Брежневe сплотились в так называемую «русскую партию» русские националисты, пользующиеся относительным благорасположением властей. При Горбачеве эта партия чувствовала бы себя не менее прочно, если бы... если бы некоторое расширение рамок дозволенного не дало возможности и противникам имперско-славянофильских мифов высказать свою точку зрения. В последнее время полемика между двумя направлениями обострилась. «Новый мир» опубликовал повесть С. Есина «Имитатор», главный герой которой — откровенный негодяй — удивительно напоминает одного из лидеров «русской партии» художника И. Глазунова. Еще в конце 1984-го была напечатана в «Неве» повесть Виктора Сосноры «Спасительница отечества» (о временах царицы Екатерины II) — пожалуй, наиболее острая за последние годы сатира, высмеивающая российско-имперские мифы (в советской, разумеется, литературе).

Неославянофилы неуклюже отбиваются — легче было, когда оппонентам не давали слова. Владимир Бондаренко в

декабрьском (за 1985 год) номере «Нашего современника», в статье «Игра на понижение», обвиняет своих идеологических противников в забвении великих идеалов. Илья Глазунов в «Правде» (!) нападает на художников-авангардистов. Это типично для «русской партии» — выступать в роли охранителей традиций социалистического реализма от «всякого рода» модернистов.

Самые сложные, по-видимому, проблемы — правовые. Решая вопросы права, нельзя (как в том, что касается НЭПа или межнациональных отношений) опереться на авторитет Ленина — правовым советское государство не было никогда. А между тем, новые формы хозяйствования требуют новых, четких и, главное, гарантированных, форм правового регулирования.

Суть конфликта в этом вопросе проявляется в диалоге журналиста Ю. Феофанова с профессором права В. Лазаревым («Известия», 24. 1. 86).

Юрист предлагает построить систему права, допускающую расширительное (другими словами, произвольное) толкование юридических норм. Аргументация Лазарева такова: «Даже при идеальной правовой системе в ней остаются пробелы, а следовательно, нельзя обойтись без их преодоления практикой». Т. е. то, что разрешено одним, можно запретить другим, поскольку, мол, это наносит «значительный ущерб» или «противоречит интересам государства». Так, собственно говоря, происходит и сегодня. В одной газете мы читаем славословия в адрес председателя колхоза, который произвел внеплановую продукцию и продает ее в своем магазине в городе. Из другой газеты узнаем, что директор обувной мастерской, который, расширив ассортимент и количество продукции и, получив разрешение горисполкома, продает излишки этой продукции в лавке мастерской на городском базаре, обвинен в совершении уголовного преступления.

Юрий Феофанов настаивает: «Нужен хороший и четкий закон... практика требует: дайте мне точную норму, а не общие начала... „буква“ надежнее „духа“». Он, безусловно, прав. Журналист демонстрирует лучшее знание принципов

права, чем доктор юридических наук. Необходимо четко определить, что запрещено, а все что не запрещено — то возможно. Так и определится поле деятельности для инициативных, творческих людей, а от этого, в конце концов, будет зависеть успех или неуспех реформ.

Журналист Феофанов прав, но точка зрения юриста, уверен, ближе позиции верхов. Власти согласны многое допустить, но хотят сохранить за собой возможность в любой момент произвольно ограничить предоставляемую свободу. Им нужна система права, в которой их волевые решения были бы выше закона. Их не смущает, что такая система, в сущности, уже не будет правовой.

Страх властей перед четкой юридической нормой и гарантией ее соблюдения объясняется соображениями политическими. Статьи уголовного кодекса об «антисоветской агитации и пропаганде» и о «клевете на строй», по которым обвиняют сегодня инакомыслящих, потеряют значительную часть своей силы, если отказаться от их расширительного толкования и четко определить, что является «антисоветским» и «антигосударственным». Гарантии строгого соблюдения закона (в том числе, конечно, и защита гласностью) затруднят и фабрикации уголовных дел против диссидентов. А диссидентов новое руководство, как и старое, боится панически.

Никаких изменений к лучшему в области прав человека нет. При Горбачеве не уменьшилось количество арестов правозащитников, не прекратились фабрикация против них уголовных дел, продолжают насильно помещать инакомыслящих (в том числе и борцов за мир и разоружение) в «психушки». Уже при Горбачеве погиб в концлагере выдающийся украинский поэт Василь Стус. Не изменилась и эмиграционная политика (отдельные случаи ровным счетом ничего не меняют), разъединенным семьям не позволяют не только воссоединяться, но и даже встречаться.

Горбачев утверждает, что в СССР нет политзаключенных, а есть около 200 человек, осужденных за призывы к уничтожению советского государства или шпионаж. Это неправда. Нам поименно известны около тысячи узников совести, которые никогда не призывали уничтожать государство и не занимались шпионажем. И мы понимаем: известны

нам имена далеко не всех политзаключенных. Всего их, вероятно, около десяти тысяч.

Страх перед инакомыслием у власть имущих просто мистический, затуманивающий рассудок. Ни для кого не секрет, что амнистия политзаключенным (или, по крайней мере, высылка их за границу) и изменение эмиграционной политики способствовали бы значительному улучшению отношений с Западом, что создало бы благоприятные условия для проведения внутренних реформ. И конечно же, это привело бы к оздоровлению общественной жизни в стране, без чего никакие реформы невозможны. Но что здравый смысл, если еще Сталиным воспитана вера в то, что страны свободного мира только и заняты «наращиванием подрывной деятельности... и враждебными происками» против СССР. Естественно, следует «проявлять бдительность, выдержку и твердость в борьбе с любыми посягательствами...». Т.е. продолжать сажать в тюрьмы, лагеря и психушки инакомыслящих.

Заключение

Страна, действительно, переживает переломный момент. От того, какие тенденции победят в ближайшие годы, зависит ее будущее на десятилетия вперед.

Если утвердится «сталинизм плюс компьютеризация», то очень скоро надежды многих сменятся разочарованием. Старая система функционировать больше не будет, нужна радикальная перестройка. И не только в экономике. Повидимому, необходимо:

- возвращение к ленинскому НЭПу (в его современном венгерско-китайском варианте);
- возвращение к ленинской (времен XII съезда партии) национальной политике;
- внесение изменений в законодательство, приведение его в соответствие с нормами международного права, гарантии соблюдения «буквы» закона и амнистия политзаключенным.

Разумеется и отказ от агрессивной внешней политики (прежде всего — вывод советских войск из Афганистана), но в

этой статье разговор лишь о внутренних проблемах СССР.

Реформы возможны. Мешает их проведению убежденность партийно-советских руководителей в том, что политика партии в принципе всегда была правильной, а недостатки были «отдельными» и «временными». Как в известной песенке:

«Все хорошо, прекрасная маркиза, за исключением
пустяков...»

тридцати лет «культа Сталина»,
десяти лет «волюнтаризма» Хрущева,
двадцати лет брежневского застоя...

«А в остальном все хорошо!»

БЕСПРОГРАММНАЯ ПРОГРАММА

(О программе КПСС 1986 года)

I. Под видом новой редакции

С момента принятия в 1961 году на XXII съезде последней, третьей Программы КПСС прошло почти 25 лет. Программа эта была рассчитана до 1980 года. Таким образом, пять лет партия жила без программы. Казалось бы, теперь на XXVII съезде должна была бы быть принята новая Программа. Но тогда ЦК вынужден был бы раньше отчитаться за выполнение старой Программы. Однако сказать, что она выполнена, невозможно, даже используя виртуозный «советский» антиязык, — ведь весь мир, в том числе и советский народ, знает, что это не так. Сказать же открыто, честно, все как есть, т.е. признать, что она не выполнена, — значит расписаться в собственной несостоятельности... Как же быть? Вот и придумали выход: говорить лишь о *новой редакции старой* Программы. Тогда ее выполнение может быть отложено еще на уйму лет — и, как говорится, концы в воду...

Но получилась ли в самом деле «просто» новая *редакция* старого текста? Сравним:

I* «Ныне Коммунистическая партия Советского Союза принимает свою третью Программу — программу построения *коммунистического общества*».

II* «Третья Программа КПСС в ее нынешней редакции — это программа планомерного (...) *совершенствования социализма* (...) Это программа (...) *социального прогресса*». (Но что же конкретно имеется ввиду? Не пытайтесь искать — не найдете во всем тексте. — А.-Е.)

---

* I — Программа КПСС, принятая единогласно 31 октября 1961 г.

** II — Новая редакция Программы КПСС, принятая единогласно на XXVII съезде в 1986 г.

I. «Коммунизм утверждает на Земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье».

II. (Это расширение девизов французской Революции в новой редакции исчезло).

I. «Построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа (...), оно подготовлено всем предшествующим развитием».

II. «Упорный труд (...), крупные успехи вывели нашу страну на новые исторические рубежи, открывшие этап развитого социализма. В порядок дня встала задача всемерного (...) *совершенствования* социалистического общества, *более полного* использования его возможностей».

I. «В ближайшее десятилетие (1961-1970) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения (...); (...) всем будет обеспечен материальный достаток; *все* колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства.

В итоге *второго десятилетия* (1971-1980) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая *изобилие* материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество».

II. (Поток неопределенностей): «стратегический курс партии, нацеленный на качественное преобразование всех сторон жизни общества, совершенствование общественных, отношений, глубокие перемены»...

I. «Главная экономическая задача партии — (...) в течение двух десятилетий создать материально-техническую базу коммунизма».

«Полностью построение коммунистического общества завершится в последующий период».

«В результате СССР будет располагать невидан-

ными по своему могуществу производительными силами, превысит технический уровень наиболее развитых стран и займет *первое место в мире* по производству продукции на душу населения».

(Обо всем этом в «новой редакции» — полное молчание.)

I. «КПСС намечает увеличить объем промышленной продукции: в течение ближайших 10 лет — примерно в два с половиной раза и превзойти уровень промышленного производства США; в течение 20 лет — не менее чем в 6 раз и оставить далеко позади нынешний общий объем промышленного производства США.»

II. «Уже (!) до конца 2000 года должно быть достигнуто удвоение производственного потенциала страны». (Таким образом, горбачевское руководство растягивает Программу и на XXI век, — только вот не пишут: на часть его или на весь. — А.-Е.)

I. «Обеспечить самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма;

«(...) отмена налогов с населения»;

«(...) переход к бесплатному пользованию коммунальными услугами».

«Уже к концу первого 10-летия в стране не останется низкооплачиваемых (...)».

«Во втором 10-летии начнется переход к осуществлению бесплатного общественного питания (обедов) на предприятиях и в учреждениях и для (...) колхозников».

«Введение во всех школах бесплатных обедов».

«Советский Союз значительно продвинется по пути практического осуществления коммунистического принципа распределения по потребностям».

«В итоге 20-летия (...) бесплатное обеспечение медикаментами и санаторное лечение, (...) бесплатное пользование квартирами, а также коммунальными услугами, (...) бесплатное пользование транспортом, (...) некоторыми видами бытового обслуживания».

(Всё это «новая редакция» похоронила. Вместо этого: «в ближайшее 15-летие намечается удвоить объем ресурсов, направляемых на удовлетворение потребностей народа». Но и удвоение от нынешнего мизерного

объема — ох, как это далеко от даже минимального обеспечения необходимыми продуктами. — А.-Е.)

Кончается III Программа так:

«Под испытанным руководством коммунистической партии, под знаменем марксизма-ленинизма советский народ построил социализм. Под руководством (...) построит коммунистическое общество.

Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

«Новая редакция» кончается так:

«Под руководством партии, под знаменем марксизма-ленинизма советский народ построил социализм.

Под руководством (...) построит коммунистическое общество».

(И всё, — конец. Ну, а где же торжественное провозглашение? Его ветром сдуло, оно проглочено новым Политбюро.)

Итак, вместо ясной (но утопичной) Программы построения II фазы коммунизма (при его главном принципе — распределения по потребностям) к 1980 году, «новая редакция» сулит лишь начало совершенно неопределенного «усовершенствования» (что это, — никто так и не знает) социализма (с принципом распределения, якобы, по труду), что будет продолжаться и в XXI веке неизвестно сколько времени... Если это лишь новая редакция старой Программы, то что же есть полное изменение ее? Остаются нетронутыми лишь абстрактно-идеологические места. При чем всё тонет в ворохе фраз, начинающихся с ни к чему не обязывающих антиконкретных словосочетаний, вроде «неуклонное улучшение, значительное повышение, ускорение прироста, быстрый рост, линия на значительное уменьшение...» и т. д., и т. п. Шаг ли это вперед или два шага назад по сравнению со «старой редакцией» III Программы?

Главный вопрос, однако, в другом — программа ли это вообще?

II. Фиаско.

«Новая редакция» Программы КПСС по существу замалчивает полный провал III Программы. Она не только

не выполнена ни по одному пункту (кроме введения всеобщего среднего образования, — и то в определенной мере формального, поскольку огромен отсев учеников из старших классов, которые среднюю школу так и не кончают), но положение в стране во многом стало даже хуже, чем было за 25 лет до принятия Программы (с 1961 до 1980). Страна превратилась из поставщика хлеба и других сельскохозяйственных продуктов на мировой рынок в закупщика этих товаров. Положение в сельском хозяйстве настолько плачевно, что в ряде городов в провинции мясо и мясные изделия выдают по талонам, по карточкам (об этом недавно говорил на VI съезде писателей РСФСР даже Евгений Евтушенко — правда, это место из его речи в прессе было опущено). Налицо, стало быть, не только полная экономическая стагнация, бег на месте (что заметно в промышленности), но даже в некоторых отношениях движение вспять. Преуспевает только военная промышленность — и то потому, что она трансплантирует западную технологию и высасывает все соки из народа. Не от хорошей жизни вместо хрущевской Программы изобилия Политбюро при Брежневе приняло «Продовольственную программу», которая к тому же не выполнена.

О I и II программах партии сказано в «новой редакции», что они были выполнены. А по поводу III Программы начинается уже нечестный крутеж: «Время, прошедшее после принятия третьей Программы, подтвердило правильность ее основных теоретических и политических установок. *Вместе с тем* накопленный опыт, научное осмысление (...) дают возможность *точнее и конкретнее* (подчеркнуто мною — А.-Е.) определить перспективы развития советского общества...».

Так выполнена все же или не выполнена III Программа? Ответа нет — и не ждите: этого не сказали и на XXVII съезде. Словесный же вираж «вместе с тем» означает фактическое признание того, что Программа не выполнена, — вот только признать это открыто Политбюро не в силах: язык не поворачивается. Ну, а каковы «точность» и «конкретность» новой редакции, мы уже видели.

«Новая редакция» не уточняет и не конкретизирует III

Программу, а начисто *отменяет* ее: не только нынешнее поколение не увидит коммунизма, как ушей своих, но и следующему поколению это не обещается. А что обещается? *Усовершенствование* уже полного, окончательного, зрелого социализма. А что сие значит, — никому, как уже сказано, неизвестно, ибо *ничего точного и конкретного* в «новой редакции» и в помине нет.

Но почему же не выполнена III Программа ни в одном пункте, и почему ничего конструктивного не предлагает «новая редакция»? Ведь авторы III Программы, принятой к тому же единогласно, заверяли, что «намеченная программа может быть с успехом выполнена в условиях мира». В чем же дело? Разве за прошедие 25 лет не было условий мира? Войны, слава Богу, не было за все эти годы (если не считать войны с «Чешской весной», т.е. оккупации Чехословакии, или агрессии в Афганистане...). Почему же всё-таки не выполнена программа? Почему не только избыток нет, но народ просто не накормлен? При наличии огромных природных, материальных, технических и людских ресурсов — только лишь потому, что в стране господствует такой антидемократический режим, который не дает развернуться творческой инициативе трудящихся, в том числе научно-технической интеллигенции, не обеспечивает их заинтересованности в труде.

Партия уже 33 года идет без Сталина по... сталинскому пути. За 30 (!) лет после XX съезда *ничего* существенного в сталинской системе власти не изменилось: в стране нет *никакой* демократии, права человека совершенно не обеспечены, а без этого не могут быть построены не только «вторая фаза коммунизма» или «усовершенствованный социализм», но даже самый элементарный социализм.

Прежде, чем говорить об усовершенствовании социализма, надо раньше убедиться, есть ли вообще социализм в СССР, да и есть ли сам СССР как СССР. Так, в «новой редакции» Программы (в 1-й главе) значится:

«Социализм — это общество (...), в котором:
— средства производства в руках народа, навсегда покончено с эксплуатацией человека человеком (...), властью привилегированного меньшинства, нищетой (...);

— открыт широкий простор (...) развитию производительных сил (...), неуклонное повышение благосостояния всего народа (...);

— обеспечено (...) справедливое вознаграждение в соответствии с принципом «от каждого по способностям, каждому по труду» (...);

— женщинам предоставлено действительно равное право с мужчинами (...);

— утверждено братство всех наций и народностей;

— установлена (...) подлинная демократия — власть, осуществляемая (...) самим народом, обеспечивающая все более широкое и полноправное участие граждан в управлении производственными, общественными и государственными делами;

— идеи свободы, прав человека, достоинства личности наполнены реальным, жизненным содержанием;

— господствует подлинно гуманистическая марксистско-ленинская идеология;

— сложился основанный на социальной справедливости (...) социалистический образ жизни (...), возвышающий его (человека труда—А.Е.) как творца (...) собственной судьбы.

— В порядок дня встала задача всемерного и всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ».

Все это выглядит как замена утопизма и волюнтаризма здоровым и реалистическим подходом: надо не о второй фазе коммунизма трещать, а хотя бы усовершенствовать первую фазу — социализм. И такой, якобы серьезный, подход подкупает на первый взгляд. Но на деле *трескучие* лозунги старой редакции III Программы заменены всего лишь *бессодержательными* лозунгами «новой редакции» ее. Лозунг «Усовершенствовать развитой социализм» бессодержателен не только потому, что нет никаких конкретных параметров этого усовершенствования и никаких временных рамок его осуществления, но — и это главное — усовершенствовать-то *ничего*: все то, что «новая редакция» объявляет социализмом, на деле в нашей стране, к великому огорчению, отсутствует.

Так, средства производства в руках народа не находятся: ими распоряжаются не производители, не народ, а

госаппаратчики, назначенные «сверху»; производители не принимают никаких решений на производстве, не определяют, что производить, по каким нормативам, куда сбывать продукцию и по какой цене, как распределять доходы. Не распоряжается хозяйством народ и опосредованно — через государственных представителей, выбранных им. Ибо никакого выбора на «выборах» у нас, как известно, нет (в избирательных бюллетенях значится один кандидат на одно депутатское место; это равносильно тому, как если бы Бог подвел к Адаму Еву и сказал: «Выбирай себе жену»).

С эксплуатацией человека человеком, с властью привилегированного меньшинства вовсе не покончено: возник новый господствующий «класс» (номенклатурный госпартаппарат), который имеет огромные привилегии; пользуется всякими спецраспределителями, спецквартирами, спецлечебницами, спецдачами и т. д. (и этого новое, горбачевское, руководство отменять не собирается*). Норма эксплуатации трудящихся в СССР оказалась, к сожалению, намного большей, чем в капиталистических странах. Что касается нищеты, то с нею, увы, не только не покончено, а она просто процветает: дефицит необходимых товаров, множество низкооплачиваемых, мизерные пенсии инвалидов и т. д. Неуклонное повышение благосостояния народа только снится.

Справедливой оплаты по труду нет, ибо элита получает не по труду, а по потребностям, трудящиеся на селе получают за равноценный труд гораздо меньше, чем в городе, и т. д.

Равные права женщин с мужчинами «осуществлены» так уродливо, что женщинам приходится выполнять самые тяжелые физические работы (особенно в колхозах), а мужчины при этом выполняют роль бригадиров-надсмотрщиков, которые ходят «руки в брюки».

Братство всех наций извращено уже тем, что в «Союз республик» их загнали силой штыков: никогда ни одного референдума, плебисцита по вопросу о том, желают ли они войти в Союз, у этих наций не было (а ведь слово «союз» по определению означает «добровольное объединение»); боль-

---

* Больше того, на пресс-конференции в дни XXVII съезда Алиев под привилегии партийной элиты подвел даже «теоретическую базу».

ше того, имеется ряд «наказанных народов», которые выселены с их территорий или притесняются процентной нормой (крымские татары, немцы, евреи и др.).

Подлинная демократия не установлена, власть самим народом не осуществляется: никакой фактической власти не имеют Советы, вся власть принадлежит не им (как обещала Октябрьская революция), а Политбюро партии, стоящему над Советами, в том числе и над Верховным Советом, который ни одного решения самостоятельно не принимает, а лишь проштамповывает указания Политбюро. Короче говоря, Советской власти как формы демократии нет, — и первыми антисоветчиками являются именно члены Политбюро. Нет и участия граждан в управлении: на предприятиях есть лишь производственные совещания, которые могут только советовать, но не решать. Всенародные же обсуждения — это фарс: никто нигде никогда не опубликует высказывание кого-либо по принципиальным вопросам (хотя бы по тем, которые мы тут поднимаем).

Идеи свободы, прав человека, достоинства личности не только не наполнены реальным жизненным содержанием, в стране не только не господствует гуманистическая идеология, не только нет социалистического образа жизни и социальной справедливости, народ не только не творец собственной судьбы — всё, абсолютно всё наоборот: царит полное бесправие человека и народа, страна превращена в огромную закрытую Зону с сетью концлагерей и психушек, которые существуют и по сей день.

Если все это социализм, то что же такое его отсутствие?

Ну, а коль социализм отсутствует, то как возможно его усовершенствовать? Разве возможно совершенствовать то, чего нет?

Все трудящиеся, все народы надеялись, что в результате Октябрьской революции в России впервые в истории будет установлено общество социальной справедливости, но, увы, КПСС предала интересы рабочего класса, предала социализм и привела страну к созданию общества совершенно иного типа. Если, по Марксу, основное противоречие капитализма — это противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения, то основное противоречие

современного «советского» общества — это противоречие между общественным характером труда и корпоративной (мафиозной) формой присвоения узурпаторским партгосаппаратом.

Из всего сказанного здесь следует, что и название нашего государства — СССР (*Союз Советских Социалистических Республик*) — не соответствует действительности: это, государство, к нашему огорчению, — *не союз, не советских, не социалистических и не республик*, о чем мне уже приходилось писать.

Поэтому реальная программа партии сторонников социализма, которая соответствовала бы, как я уверен, подлинной воле советских народов, должна была бы от утопического трезвонства уйти не к демагогической (по сути — трусливой) эквилибристике по поводу *усовершенствования отсутствия*, а к тому, чтобы поставить своей серьезной целью создание *действительного* социализма, который возможен лишь при *действительной* демократии, поскольку только она может обеспечить фактическую передачу средств производства в руки производителей, народа (с чего социализм и начинается).

III. Паралич мысли

Но на это составители Программы, члены Политбюро, не способны: для этого они должны были бы перестать быть собой, должны настолько поумнеть (и иметь мужество), чтобы восстать против собственного «класса», который их же и поставил у кормила власти, т. е. пойти на новую, подлинно социалистическую революцию сверху (революции сверху в истории бывали). Ну, а раз они на это не способны, то им остается одно: выкручивать руки у логики — что и приводит их к параличу мысли, который они пытаются скрыть при помощи какого-то квази-теоретического творчества.

Так, агитпроп придумал термин «*реальный* социализм» и не заметил, как этим сам себя высек. Ведь тем самым было признано по существу, что у нас не тот социализм, о котором мечтали настоящие социалисты — не «идеальный», не истинный, а «реальный», видите ли. И надо-де брать наш «социализм», как он есть (т. е. с социальным неравенством, с

эксплуатацией, дефицитом товаров, отсутствием свободы слова и передвижения и т. д.) и быть довольными, и не роптать, не критиковать, иначе ...будете репрессированы.

Потом, в 70-е годы, когда почувствовали, что III Программа терпит крах, агитпроп родил новый термин «развитой социализм» (а вскоре ввели еще словечко «зрелый социализм»), чтобы как-то успокоить население и при помощи магии слов создать новый пропагандистский бум. Но вот подошел зловещий срок, когда — *volens nolens* — надо чем-то заменить III Программу, время которой давно (еще в 80-м году) истекло. Чем же? Опять объявить целью Программы построение 2-й фазы коммунизма — значит снова выставить себя на посмешище; объявить же целью Программы построение полного или даже развитого социализма — тоже курьезно: уже ведь объявляли, что это достигнуто. Как же быть? И наступил полный паралич мысли у членов Политбюро — даже при том, что они ныне «юные». В состоянии этого паралича они смогли породить лишь новую смехотворную пустопорожнюю формулу «новой редакции» III Программы: «усовершенствование развитого, зрелого социализма» ... Ну, а что же будет в IV Программе? *Усовершенствование усовершенствованного социализма* (конечно, полного, окончательного, развитого, зрелого)? Правда, мы зря обеспокоены: четвертая Программа уже не понадобится. Почему же? «Новая редакция» настолько «тонко» продумана, что не обозначает никаких, как сказано уже, временных рамок, как и содержательных: усовершенствование — понятие настолько широкое, что может длиться бесконечно.

Словом, большевики пришли к формуле «заклятого ревизиониста» Бернштейна, которую так высмеивали: «Движение — всё, цель — ничто»... Иначе говоря, налицо *беспрограммная Программа*. «Программа» без конкретной цели — это не программа. У современного Политбюро хватает *трезвости* отказаться от утопизма III программы, но не хватает *честности* отказаться при этом от фальши: «реальный» социализм — это фальшь, а усовершенствование его — это усовершенствование фальши.

Такая позиция Политбюро и приводит его к беспреце-

дентным намеренным аберрациям. И III Программа, и «новая редакция» ее утверждают (вслед за Сталиным), что социальная структура советского общества определяется наличием рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. «Преодоление различий между этими классами, — написано в «новой редакции», — утверждение в нашей стране общества без классов произойдет в основном (...) в рамках первой (...) фазы (...)». В действительности же — это фиктивная проблема (для замазывания другой, действительной): между рабочими, колхозниками и массовой интеллигенцией в их социальном положении давно нет почти никакого различия, ибо все они лишены средств производства и эксплуатируются господствующим «классом», являются его наемными работниками (это касается и колхозников, ибо «колхозы» колхозами фактически не являются, так как ими полностью распоряжается всё тот же партгосаппарат). Ввиду этого социальная структура нашего общества выглядит *совсем иначе*, чем ее рисует «новая редакция»: с одной стороны — новый господствующий класс (аппаратчики вкупе с генералитетом и академическо-технократической элитой), с другой стороны — «масса» городских и сельских тружеников, которые являются одновременно и *наемными работниками*, и государственными *крепостными* (ибо не могут жить там, где хотят, обязаны работать только у Государства, иначе их объявляют «тунеядцами» и репрессируют). Но о том, когда же будет преодолено это действительно классовое расслоение, «новая редакция» молчит, как молчала и прежняя. Результатом такой же аберрации является и пункт о «все более полном осуществлении социалистического самоуправления народа на основе повседневного, активного и действенного участия трудящихся(...) в решении вопросов государственной и общественной жизни». Здесь, что ни слово, то неправда: в стране нет абсолютно никакого самоуправления народа — не народ управляет, а им управляют, да так, что ему и пикнуть не дают, никакого участия трудящихся в решении государственных вопросов никогда не было в нашей стране. Писать же о «*всё более полном осуществлении*» того, чего в жизни нет, — не кощунство ли это?

Продолжая курс на манипулирование массовым созна-

нием с помощью мифов, софизмов, антилогик и антиязыка, составители «новой редакции» решили, что их спасение в том, чтобы утопить пункты Программы в потоке выражений, ничего определенного не выражающих и ни к чему не обязывающих. Вся «новая редакция» от Введения и до последней главы изобилует ими: «необходимость глубоких сдвигов», «дальнейшее продвижение», «на путях ускорения», «глубокие перемены», «повышение роли», «дальнейшее упрочение», «полное утверждение», «высокий уровень», «быстрый рост», «кардинальное ускорение», «значительное повышение», (это выражение употребляется уйму раз), «борьба за (...), борьба за (...), борьба за (...)» (несчетное множество раз), «серьезные изменения», «ключевая роль», «главная роль», «первоочередная задача», «главная задача», «основная задача», «неотложная задача», «повысить», «добиться значительного роста», «укрепить», «укрепление и преумножение». В этом каскаде фраз, тянущихся на многих страницах, не на чем остановиться мысли, невозможно уловить какой-либо конструктивный смысл. И именно в этом главная особенность «новой редакции» Программы КПСС.

И всё же, «несмотря» на то, что «новая редакция» является кладезем фальши, в ней под занавес прорисовывается и нечто «принципиально» новое: если в старой редакции III Программы значится, что «партия в период развернутого строительства коммунизма» стала «партией всего народа, *расширила* свое направляющее влияние на все стороны общественной жизни», то для «новой редакции» такая роль партии уже представляется недостаточной. Вслед за брежневской Конституцией-77, узаконившей господство партии (а фактически Политбюро) над государством (на что даже Сталин не отважился), составители «новой редакции» провозглашают *ugbi et ogbi*, что «партия — ядро политической системы советского общества. *Под ее руководством* функционируют *все (!)* другие звенья этой системы — Советское государство, профсоюзы, комсомол, кооперативные и иные общественные организации (...) КПСС *направляет и координирует* работу государственных и общественных организаций» (курсив мой — А.-Е.).

Итак, державой руководит не Верховный Совет, а не уполномоченная народом Партия, — так прямо, без обиняков, и написано.

Всё подчиняется Партии, Политбюро которой и является фактическим правительством в стране. Политбюро, которое никогда не избиралось народом или его представительными органами — *никогда!*

Резюмируя, следует заметить, что Программа фактически подтверждает «узаконенную» Конституцией многоэтажную социально-политическую иерархию:

Политбюро — коллегиальный Вождь (или единоличный, каким был Сталин и может стать Горбачев)

↓
Номенклатурная элита

↓
Партия

↓
Государство

↓
Общество

↓
Коллектив

↓
Гражданин

Стало быть, граждане находятся под гнетом шестизетажной иерархии. Но при этом составители «новой редакции», ничтоже сумняшеся, объявляют, что «КПСС будет постоянно заботиться о том, чтобы *все* советские люди сознательно участвовали в выработке политики партии». Воистину, язык без костей...

IV. И всё же жизнь диктует...

Но что же конкретно намерено делать новое руководство в Кремле? Вот здесь-то мы и наталкиваемся на самое «парадоксальное»: новая Программа твердит об усовершенствовании *социализма*, в докладе на XVII-м съезде генсек провозглашает стратегию (!) ускоренного развития *социализма* же, а советологи на Западе и некоторые наши политэмигранты узрели во всем этом, наоборот, тенденцию Политбюро двигаться к... новому НЭПу, т. е. к разворачиванию частного «несоциалистического» хозяйствования. И — в

какой уже раз — возникли упования на отход СССР от советского «социализма», т. е. от системы госпартэкономики.

Но действительно ли наблюдается у Горбачева и его команды подобная тенденция? В чем разглядели упомянутые упователи признаки нэпизации? «Следует, — сказано в докладе генсека, — дать право предприятиям и организациям самостоятельно реализовать *сверхплановую* продукцию». В этом усматривают также и начало децентрализации. Но, милейшие, это ведь уже было: это уже проговаривали Хрущев и Косыгин... Тут как раз все дело в том, что количество переходит в качество: можно дать такой план предприятиям, что сверх плана останется на местах лишь «с гулькин нос», и самостоятельная реализация будет только фиговым листком. Да и при чем тут НЭП? Ведь НЭП означал, прежде всего, сдачу множества предприятий в аренду частному капиталу, — а здесь речь идет о том, что предприятия (все — а не только «командные высоты») остаются в руках государства, и директора-единоначальника по-прежнему назначает государство. (А треск в докладе Горбачева о самоуправлении — это лишь словесные мыльные пузыри...). Точно то же и в сельском хозяйстве: о замене плана-*директивы* планом-*заказом*, о праве продавать сверхплановую продукцию на колхозном рынке объявлено давным-давно, но все это превращается в несусветную фальшь, если вместо плана, что сеять, колхозу дают твердый план, что и сколько продать государству (ибо чтобы столько-то продать, надо раньше столько-то посеять), и если твердый план-заказ продажи государству настолько огромен, что сверх него почти ничего не остается...

Так же обстоит дело с упованием на то, что «широкое распространение получат подряд и аккордная система на уровне бригады, звена, семьи с закреплением за ними на *договорной срок* (в цитатах подчеркнуто всюду мною—А.-Е.) средств производства, включая землю». В этом многие (и особенно А. Бабич, см. «Русскую мысль» N 3611) увидели начало введения НЭПа в сельском хозяйстве, тем более, что Горбачев вспомнил ленинский продналог. Но продналог вводился для *единоличного* хозяйства, когда земля у крестьян была в *бессрочном* пользовании. А что значит

«договорный срок»? Это значит, что всем командует «колхоз», т. е., по сути дела, всё то же государство. На этой земле семья, бригада, звено не могут производить то, что хотят. Такое фактическое закрепление за семьями участков, например, по возделыванию сахарной свеклы проводится уже не один десяток лет (это было и в то время, когда я работал председателем колхоза), и ничего принципиально нового в этом нет. Что же касается бригадно-звеньевое подряда, то мы, к примеру, еще в 1957 году явочным порядком вводили этот метод, за что я был обвинен в «потакании мелкобуржуазным соблазнам», хотя никакого отношения к мелкобуржуазности всё это не имеет. С тех пор прошло 30 лет, а воз всё там же...

Словом, Горбачев и те, кто с ним, собрали крошку из ленинского «продналога», сталинского «хозрасчета» (вспомните «6 условий товарища Сталина»), хрущевских и косыгинских «реформ», добавили к абсолютно централизованной системе несколько капель децентрализации и выдали всё это чуть ли не за III большевистскую революцию...

И все же, хотя ничего принципиально нового нам не поведали, но осуществление, под давлением обстоятельств, под давлением того, что диктует жизнь, даже палеативных экономических мероприятий в сочетании с перетряхиванием престарелых кадров (что народ принимает как поход против осточертелых ему прохиндеев), борьбой с коррупцией и закручиванием дисциплинарных гаек может в первые три-пять лет освежить обстановку, что-то сдвинуть в деле увеличения продовольственной продукции, производства товаров широкого потребления. И это на первых порах заглушит горечь народа, который устал от трудных условий жизни и бесконечных очередей в безмясные годы...

Результатом этого может быть, с одной стороны, жестокое подавление малейших попыток поднять голову оппозиционного и демократического движения, а с другой стороны, раздувание нового культа личности вождя.

Но Горбачеву и К⁰ всё-таки не удастся оказаться на пороге III-го тысячелетия с подобным грузом: придя в себя, народ начнет оглядываться окрест, сравнивать свою жизнь с уровнем жизни на Западе, начнет четче осязать свое бесправие, будет расти и потребность преодолеть духовную

.нищету, на которую обрекает народ режим, поднимется вновь оппозиция, появятся новые формы освободительного, демократического движения... Конечно, все это будет сопряжено с состоянием мировой конъюнктуры.

Поэтому не будем гадать, как и когда это конкретно будет происходить, но, думается, неоспоримо (ибо основные проблемы так и останутся нерешенными горбачевской «революцией»), что неизбежное должно случиться еще до начала XXI века.

СВОБОДНЫЙ МИР ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТА

«Форум» N 14 уже опубликовал ответ 8 эмигрантов на анкету журнала. В этом номере на вопросы отвечают известный югославский диссидент, литератор и общественный деятель Михайло Михайлов (Мюнхен), художник и редактор журнала «А-Я» Игорь Шелковский (Париж), поэт и художник Вилен Барский (Дортмунд).

1. Считаете ли Вы государство, в котором живете, правовым государством? Полагаете ли Вы, что права граждан здесь обеспечены в достаточной мере?

2. Можно ли западное общество считать обществом равных возможностей? социальной справедливости? Если нет, почему?

3. Чувствует ли человек здесь себя свободным? Может ли он реализовать свой творческий потенциал? Чувствует ли он себя уверенно?

4. На чем основаны отношения между властью и обществом в свободном мире? Есть ли здесь у рядового человека шанс оказать существенное влияние на политику государства?

5. Какова роль капитала в западном мире?

6. Как Вы оцениваете место прессы и других средств массовой информации в западном обществе?

7. Чем отличаются взаимоотношения между людьми в СССР и на Западе?

8. Каков общий духовный климат в странах свободного мира? Какую роль играет церковь?

9. Ваше мнение о месте художника в западном мире? Как складываются отношения

между художником и читателем-зрителем здесь и в Советском Союзе?

10. Какие ценности западного мира Вам особенно дороги?

11. Способен ли, по Вашему мнению, Запад отстоять свои ценности?

Михайло Михайлов

1. Я только полгода живу в Германии и семь лет прожил в Соединенных Штатах Америки. Очевидно, Америка — по сравнению с другими странами, тем более «социалистическими» — правовое государство. Права граждан обеспечены в США благодаря отсутствию политических монополий. Какой бы демократичной ни была американская конституция, права граждан в Америке были бы обеспечены так же мало, как и в Советском Союзе, если бы там господствовала политическая монополия. Так что существование правового общества полностью зависит от политического плюрализма, который, к счастью, есть в США.

2. Юридически и политически американское общество — это общество равных возможностей. Но целый ряд условий их ограничивает — этнические различия, например, или бедность. Если человек родился в бедной семье, то у него реальных прав и возможностей, конечно, меньше, чем у человека из богатой семьи. В последние десятилетия американское общество напряженно, всеми силами, старается уравнивать возможности каждого. Сегодня талантливый человек всегда сможет получить государственную или университетскую стипендию и, даже не имея денег, окончить хороший университет. Я уверен, что некоторое неравенство возможностей в США — гораздо меньшее зло, чем принудительная уравниловка в коммунистических странах.

Что же касается социальной справедливости в том смысле, что все должны получать по заслугам, — то этого, конечно, нигде нет.

3. Мне кажется, что в Америке именно эмигранты из соцстран чувствуют себя наиболее свободными, поскольку у них есть опыт несвободы. Недавно я читал ответы на какую-то анкету, из которых следовало, что свыше 50% американцев хотят уехать из страны. Конечно, они уехать могут. На вопрос, почему же они не уезжают, опрошенные отвечали: «Работа», и что-то еще, в том же роде. Все их аргументы были не очень серьезными. Это из СССР нельзя уехать, а из Америки уехать можно.

Вопрос о возможности реализовать свой творческий потенциал — очень субъективный. Я встречал очень многих американцев, которые любительски занимались каким-то делом (например, игрой на скрипке, пианино или виолончели) и считали, что именно в американском обществе они никак не могут реализовать себя, свой творческий потенциал. Они работают в какой-то компании и продолжают любительски заниматься музыкой. Возможно, если бы у них действительно был большой талант, они смогли бы его реализовать.

Об уверенности. Сейчас я живу в Германии и мне кажется, что здесь люди чувствуют себя намного более уверенно. Безусловно, у американцев есть чувство какой-то неуверенности в завтрашнем дне. Даже квалифицированный и хорошо оплачиваемый специалист может — при закрытии какой-то программы или сокращении штатов компании — потерять работу. Пять-шесть лет назад, когда программа космических исследований (НАСА) была сокращена, около тысячи прекрасных инженеров потеряли работу. Конечно, в течение года они нашли новую работу. Но все же чувство неуверенности у американцев есть.

И кроме того, неуверенность в своем социальном положении в случае болезни. Этого чувства нет у европейцев. В Америке человек со средним достатком может потерять все свои сбережения, если тяжело разболеется, так как ему придется оплачивать высокие медицинские счета. Только

очень богатые или очень бедные люди не боятся этого. Счета бедняков оплатит штат или государство, богатым это не особенно страшно, но вот люди со средним достатком всегда чувствуют себя неуверенно из-за возможности разболеться. Этого в Европе нет. Америка сейчас — единственная демократическая страна без социальной медицины. Даже в Канаде уже есть социальная медицина. Но этот недостаток Америки, думаю, рано или поздно будет исправлен. Он связан с наличием в США монопольной медицинской ассоциации. Хотя неуверенность в завтрашнем дне американцам присуща, она связана не со свободным обществом, а с наличием монополий, которые не позволяют ввести в США полное медицинское обеспечение граждан, которое есть во всех других демократических странах.

4. Отношения между властью и обществом, особенно между властью и отдельным человеком, очень отличаются от таковых в коммунистических странах по той простой причине, что в демократическом мире человек вообще довольно-таки редко встречается с властью. Например, часто в Америке в выборах участвует около 50% избирателей, — что свидетельствует в пользу демократии. Кто бы ни был избран президентом, он не сможет вмешиваться в частную жизнь граждан. Лишь ограниченное число граждан активно участвует в выборах — те, кто мыслит в масштабах всей страны. А обывателя выборы часто вообще не интересуют. Он знает: кто бы ни был президентом, какая бы партия ни победила, на его личной жизни это прямо не отразится. В тех же случаях, когда дело идет о решениях, затрагивающих личную жизнь гражданина, в политической жизни страны начинают неожиданно участвовать очень многие люди, до тех пор не интересовавшиеся политикой. Так что для большинства американцев власть государства в течение значительной части их жизни является абстрактным понятием. Они с ней практически никак не соприкасаются. Конечно, от величины налогов зависит бюджет каждого, но, в принципе, государственная власть для рядового американца не является повседневной реальностью, она не проявляет себя на каждом шагу в конкретной жизни граждан, как это происходит во всех коммунистических странах.

У рядового американца шансы повлиять на политику властей, очевидно, есть. Повлиять можно и через прессу и через конгрессмена, за которого голосуешь. Все зависит от того, готов ли человек принести жертвы, т.е. готов ли он пожертвовать своим временем и энергией для того, чтобы добиться определенной цели, или нет. Просто сказать: «Это нужно сделать так, а не так!» и ожидать, что будет по-вашему, — это, конечно, невозможно.

5. Не совсем понятно, о каком капитале идет речь — о капитале как богатстве или о капитале как основе экономической жизни?

В этом году, ожидается, в Америке будет миллион миллионеров. Это очень большое число.

Особенно повлиять на политическую жизнь страны при помощи денег не так-то легко. Лучший пример тому — сенатор Проксмайер, который вообще никогда не вкладывает деньги в свою избирательную кампанию — ни одного доллара — и тем не менее избирается сенатором вот уже пятый раз. Его всегда переизбирают. Он доказывает, что при помощи денег, вложенных в пропаганду, нельзя купить политические позиции. Крайне правые и крайне левые организации, имеющие большие деньги, распространяющие дорогие журналы, не пользуются популярностью у избирателей. Так что деньги в политике играют далеко не решающую роль.

Если же капитал рассматривать как основу экономической жизни страны, то в этом вопросе я придерживаюсь парадоксального мнения, высказанного в 1969 г., после знакомства с США, Милованом Джиласом. Он сказал тогда: «Настоящий социализм — в Америке.» Как раз сейчас я собираюсь писать, доказывать, что социализм в марксовом смысле все более проявляет себя в Америке, т.е. что средства производства там все более становятся общественными. Профессор-социолог Гарвардского университета Дэниел Белл писал о том, что в США все большую роль играют огромные централизованные компании. Это каждый может наблюдать в повседневной жизни Америки. Пять-шесть крупнейших компаний гостиниц (таких, например, как «Шератон») имеют свои филиалы повсюду, по всем штатам.

Сотни и сотни, тысячи «Макдональдсов». Повсюду магазины крупнейших компаний. Никто, конечно, не запрещает вам иметь свою маленькую гостиницу или лавочку, но именно экономические силы способствуют движению в сторону все большей централизации. А в огромных централизованных компаниях, не говоря уже о международных, таких как ИТТ, IBM и пр., уже никакой частной собственности на средства производства вообще нет. В «Дженерал Моторс» Рокфеллер имеет всего лишь около 1,5% акций, а чтобы управлять делами компании ему надо, как минимум, 50,001% всех акций. Так что Джилас абсолютно прав — никакой частной собственности в крупной промышленности больше нет. Есть частная собственность на малые предприятия, но то, что составляет мощь Америки — производство современных компьютеров, автопромышленность и т. д., — уже не связано с частной собственностью.

Дэниел Белл в своей книге о «Дженерал Моторс» доказал, что руководят компанией вовсе не собственники, не владельцы акций, тем более мелкие, а менеджеры. Если дело будет идти к дальнейшему укреплению компаний, то владелец акций будет напоминать вкладчика денег в банк. Акционерная собственность перестает быть собственностью на средства производства, а управлять делами компаний будут не владельцы акций, а менеджеры, техническая элита.

Практически (и Дэниел Белл пишет об этом в своей книге «Культурный кризис капитализма») частная собственность в промышленности отходит на второй план, подобно тому, как потеряла свое значение частная собственность в земледелии. Сейчас только три процента населения США кормят страну и еще полмира, ведущая же роль в экономике принадлежит промышленности. Но вот подходит время, о чем пишет Белл, когда III сфера — сфера услуг, куда входит и наука, — становится доминирующей. А в науке, скажем, частной собственности вообще нет места. В этом направлении движется сегодня Америка. Здесь будут свои проблемы: рост бюрократизации и тот факт, что крупные предприятия менее прибыльны, чем малые. Но это уже другой вопрос. Важно, что, в марксовом смысле Америка — уже не капиталистическая страна. Но Америка не превра-

тится в тоталитарное государство, благодаря существующему в США политическому плюрализму, демократии, свободе. Если прав Дэниел Белл, главным сейчас становится рынок идей. Словом, если бы я был марксистом, я бы иллюстрировал правильность марксистских установок именно примером Америки. Но я не марксист.

6. В демократическом обществе средства массовой информации имеют решающее значение, и символично, что первая поправка к конституции США говорит о свободе слова, свободе выступлений. Хотя и в области информации существуют монополии, но именно благодаря свободе прессы с ними можно бороться. Мы видим, как закрывается одна газета и сразу же появляется другая. Закрылась, например, «Вашингтон Стар» — появилась «Вашингтон Таймс». А в Англии, скажем, государство всегда помогает самым слабым средствам массовой информации с тем, чтобы не допустить монополии в этой области.

Средства информации — основной рычаг демократии, и, покуда существует политический плюрализм, полная монополия на средства информации немислима.

Значение информации, на мой взгляд, намного важнее даже экономической сферы. Именно потому я и не марксист, что считаю: не экономика, а политическая сфера, включающая и область информации, является определяющей.

7. Я не из СССР, а из Югославии, но в определенном смысле это такая же страна — с однопартийной системой, со службой госбезопасности, с информационной, политической и организационной монополией. Но в то же время Югославия больше открыта Западу, и я, в отличие от советских эмигрантов, не разочаровался особенно в Западе по той простой причине, что лучше его знал. По-моему, люди повсюду одинаковы. Я не вижу никакой разницы.

Думаю, это губительно для западной демократии считать, как то делают некоторые недалекие западные мыслители, будто демократия — это западная идея,

что она связана с какими-то особыми культурно-расовыми качествами западного человека.

Я часто поражаюсь тому, несколько реакции западных людей — несравнимо более свободных, чем люди в коммунистических странах, — подобны, когда речь идет о необходимости противостоять шефу отдела или другому начальнику, реакциям людей на Востоке. А ведь они рискуют гораздо меньшим, чем люди в СССР и других соцстранах. Боюсь, что если бы, не дай Бог, тоталитаризм победил бы в западных странах, ему совсем не трудно было бы здесь укрепиться. На мой взгляд, вся разница только в положении людей. К примеру, в югославских тюрьмах отношения между политзаключенными были гораздо более братскими, чем тогда, когда эти же люди встречались на воле. В трудных условиях советской жизни более теплые, более братские, чем в свободном мире, отношения между людьми вполне понятны. Одни и те же люди в СССР и на Западе ведут себя по-разному.

8. На Западе, и особенно в Америке, меня поразило наличие множества организаций, занимающихся духовными проблемами. Это помимо основных конфессиональных церквей, которые, на мой взгляд, больше занимаются социальными, чем духовными, вопросами. Есть около 500 зарегистрированных церквей, огромные квакерские, баптистские общины, но все они играют, преимущественно, социальную роль и в политическом смысле часто являются более левыми, чем нынешняя администрация. Ведется борьба, на политическом уровне, между различными религиозными объединениями. Есть и множество сект, которые, как грибы после дождя, все время появляются в Америке. Очень симптоматичным мне кажется то, что случилось 6-7 лет назад в Гайане, когда около тысячи американцев покончили жизнь самоубийством в секте Джонса. Все это свидетельство активности духовных исканий, как бы к этому не относиться. Люди ищут ответа на вопросы, на которые официальная церковь не может ответить и не отвечает. В этом смысле духовный голод в Америке так же мучителен, как и в Советском Союзе. Мне кажется, что наблюдается

тенденция к объединению духовных усилий человечества. По-моему, время подходит к какой-то новой фазе духовного синтеза, к новой мировой религии, о чем писали русские философы. Идея Третьего Завета и т. д. Человечество подходит к моменту, когда в результате духовного синтеза будут объединены многие элементы всех ныне существующих религий. Хорошо это будет или плохо, но, по-моему, к этому идет дело, и пример Америки показывает, насколько почва к этому подготовлена. Впрочем, то же происходит и в Советском Союзе.

9. К сожалению, на Западе есть монополии. Большое издательство имеет выход на большой рынок, а книга, вышедшая в маленьком издательстве, лишь спустя много лет, иногда десятилетий, получает оценку читателей. Например, книги нобелевских лауреатов по литературе последних, скажем, двадцати лет почти всегда сначала были забракованы десятками издательств. Последний случай — очень талантливый писатель, хотя еще и не нобелевский лауреат, Умберто Эко. Двадцать пять издательских компаний забраковали его роман «Сказание о розе». И только 3-4 года назад какое-то издательство решилось опубликовать его книгу. А сейчас эта книга — бестселлер и уже переведена на многие языки.

Социологи уже доказали, что книга нестандартная, с новыми идеями, имеет меньше шансов быть опубликованной. В каком-то смысле это похоже на то, что происходит в Советском Союзе. Только причина здесь не политическая, а, так сказать, общечеловеческая: книга стандартная легче может стать бестселлером и принести доход, чем что-то совершенно новое, ни на что не похожее.

И еще пример. 6-7 лет назад, я год провел в университетском городке Чапелл-Хилл, где есть национальный гуманитарный центр американской Академии наук и искусств. Там было несколько кинотеатров, и они почти всегда были полупустыми — 10-15 зрителей. Но когда вдруг, после десятка третьесортных американских фильмов, появлялся хороший европейский фильм, толпы стояли в ожидании билетов. Я как-то спросил собственника одного из кинотеатров, целесообразно ли покупать плохие, а не

хорошие фильмы. Он ответил: «Ну да, конечно, было бы хорошо покупать только хорошие фильмы, но я включен в систему кинопроката и должен прокручивать то, что мне присылают. Иначе мне будет экономически трудно и я не смогу покупать хорошие фильмы.» Так что и здесь монополии. Я с недоверием отношусь к заявлениям, что люди, дескать, не понимают искусства, что им нравятся плохие фильмы, плохие книги. Очень часто этот вопрос связан с наличием монополий, не политических, правда, но экономических.

10. Демократическое общество основано на высшей ценности — на принципе индивидуальной свободы. На нем основаны и американская конституция, и законы всех демократических стран. А в СССР, даже официально, высшие ценности — это коллектив, родина. В национальных авторитарных государствах — нация.

Именно с основной свободой — свободой личности связаны все блага демократических стран. А принцип индивидуальной свободы в свою очередь связан с иудео-христианским наследием. В христианстве человеческая личность — из-за Богоподобия человека — является высшей земной ценностью.

11. Очень многие эмигранты из коммунистических стран считают, что Запад в военном отношении не способен отстоять свои ценности из-за (как полагает, например, Солженицын) своей расслабленности. При этом не учитывается тот факт, что, когда западные ценности реально оказывались под угрозой, демократические страны умели собрать свои силы для ответа. Так было во время войны с Гитлером. Я не согласен с теми, кто считает, что в случае военного столкновения Запад будет побит. Очевидно, западная техника всегда была лучше советской, но дело не только в этом. Мы знаем, как во время прошлой войны, особенно в начальный период, из Красной армии бежало много людей — они не хотели воевать за то, что не считали своим, за чужие идеи.

На вопрос же, почему Запад не достаточно отстаивает права подсоветских граждан и поработенных народов, я бы

ответил: у Запада нет объединяющей идеологии, нет единого мировоззрения — в этом его основная слабость. Поэтому внешняя политика самых крупных западных стран, в том числе и Соединенных Штатов Америки, всегда зависит от того, что происходит именно в этот день. Нет никаких планов на завтра. У Запада нет ни плана, ни идеи построения мирового демократического общества. Наш мир стал настолько маленьким и взаимозависимым, что совершенно немыслимо предположить, будто на одной планете еще долго продержатся две совершенно противоположные системы — тоталитарная и демократическая. Рано или поздно Западу придется бороться за весь мир, за торжество демократии. Или победит тоталитаризм. Впрочем, я уверен: Запад будет иметь свою идеологию, в момент опасности появятся желание и возможность отстаивать свободу и прочие западные ценности. Вопрос лишь в том, когда это произойдет. Не нужен ли будет для этого новый «Пирл-Харбор»? Не исключая, что только какое-то большое поражение свободного мира станет стимулом для того, чтобы он смог решительно противостоять тоталитаризму.

Что же касается внутренней опасности, то я думаю, что основная беда в том психологическом страхе, который испытывают многие американцы перед социализацией, перед самим словом «социализм». Именно слабость социальных программ (например, медицинской) — основной недостаток Америки. В этом вопросе США отстают от других демократических стран и должны преодолеть отставание. (В Швеции, к примеру, нет бедных слоев, почти нет и преступности). Я уверен, что не социализация, а страх перед социализацией — самая большая опасность для Америки. Шведский путь, у которого, разумеется, есть и свои недостатки (вполне преодолимые), мог бы, на мой взгляд, только укрепить Америку.

Некоторые эмигранты из СССР (например, Солженицын) считают, что в момент противостояния тоталитаризму нужно как-то ограничить свободы. Я с этим не согласен. Пример — события II мировой войны. В Калифорнии были концлагеря для японцев, но они себя не оправдали, они оказались ненужными. А на западном фронте в Европе

американские солдаты могли свободно читать «Майн Кампф» Гитлера, т. е. там была абсолютная свобода. И это не помешало Америке быть победителем в войне. Советы ограничить свободу, я убежден, угрожают демократии в западных стран и, тем самым, мешают противостоянию тоталитаризму.

Игорь Шелковский

1. Да.

2. В сравнении с советским — да, можно. Именно здесь, во многих странах Запада, идет постоянная работа по совершенствованию общества в сторону большей социальной справедливости. Причем, помощь слабым и неупреждающим осуществляется без чрезмерного ограничения сильных и энергичных. Но государство здесь хорошо знает свое место: никаких попыток формировать «нового человека» нет и в помине. Нет пропаганды, нет идеологического контроля.

3. Свобода человеческой личности — ось всей западной системы. Возможности для реализации творческого потенциала — полные. Что же касается чувства уверенности, то некоторый риск — элемент, составная часть свободы (например, свободы предпринимательства).

4. Отношения между властью и обществом регулируются законом, который обязателен для обеих сторон. Рядовой человек оказывает влияние на политику государства прямым путем — подачей голоса за того или иного кандидата на выборах, т. е. за ту или иную программу. У него есть также возможность выразить свое мнение путем публичных критических выступлений. Если его точка зрения совпадет со множеством ей подобных, то влияние может быть весьма существенным, вплоть до создания новой партии.

5. Любое экономическое или гуманитарное начинание зависит от денег. Здесь все построено на том, что в Союзе именуется хозрасчетом. В то же время свободная конкурен-

ция не позволяет капиталу монополизировать какую-либо область.

6. Роль прессы огромна. То, что не попадает в масс-медия, как бы и не существует. Пресса — основной и самый полный информатор. Пресса, в основном, независима и плюралистична.

7. Отношения между людьми в СССР скованы страхом. Здесь люди более искренни и непринужденны. В то же время, в Союзе, на мой взгляд, чувство общего несчастья и постоянное давление порождают дружбу и товарищество, которые здесь, при вольготной жизни, существуют в более ослабленном виде.

8. Свобода, справедливость, прогресс — основные векторы развития западных обществ.

Какую роль играет здесь церковь? Моя мастерская находится в стенах старого монастыря, отреставрированного и переделанного. Теперь здесь Культурный центр, в соборе 12-го века устраиваются концерты и выставки. Другое впечатление: протестантская церковь в маленьком норвежском городке. Серая масляная краска на бревенчатых стенах, голубой потолок с золотыми звездами. За двести лет со времени постройки ничего не изменено и не прибавлено, кроме электричества в люстрах и микрофона перед пастором. При входе подвешен макет рыболовной шхуны с парусами. На стенах вывешены цифры — номера псалмов, которые будут петься. Церковь полна народу, играет орган. Вдруг — знакомая мелодия: русская песня «Однозвучно гремит колокольчик». Просторный заснеженный двор уставлен автомашинами прихожан.

9. В Союзе между художником и зрителем (читателем) стоит идеолог, партия, власть. Государству принадлежат все выставочные залы, типографии, теле- и киноэкраны. Здесь связь между производителем культурных ценностей и их потребителем осуществляет коммерсант. Разница та, что коммерсантов, т. е. галерей, издательств, кинопродюсеров, множество, что и создает разницу вкусов и направлений. Свобода в данном случае предстает как свобода выбора. Большую роль в культурной жизни Запада играют также различные фонды, никак коммерчески не заинтересованные.

10. Свобода.

11. Да, Запад способен отстаивать свои ценности.

Новая книга:

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ПЕТРОГРАДСКОГО
ЧИНОВНИКА. ДНЕВНИК 1917-1918 гг.**

Публикация и комментарии
Енса Петтера Нильсена и
Бориса Ваяля.

Edited and annotated by
Jens Petter Nielsen and
Boris Weil.

Oslo 1986

Заказать книгу можно в магазине: А. Neimanis. Buchvertrieb Gm b H
Bauerstr. 28. D-8000 München 40. Germany.

ВКУС ГРУШИ

Мысль о том, что «...разрыв между реальным и идеальным, между тем, чем мы обладаем, и тем, к чему мы стремимся, собственно — не пропасть, не разрыв, а *связь*» — мысль благая. Может быть, Бринтон* прав, и возможность синтеза, как бы убеждающего антиномии подать друг другу руки, обнадеживает. Но для того, чтобы мысль и ее реализация действительно пришли к истинному синтезу, необходимо сначала довести понимание противоречий до предела, нужен своего рода *максималистский бросок*, пусть даже маниакальный, приводящий к шоку.

Когда я начал отвечать на анкету «Форума», я был настроен «вполне мирно» и готов был следовать ее пунктам. Но ведь я, можно сказать, смотрю на мир глазами своего дела: глазами поэзии, живописи — и склонен скорее мыслить и говорить образами. Возможно, именно поэтому я вдруг почувствовал, что не так уж важны для меня рационально продуманные ответы на анкетные вопросы, рассекающие на части нашу ситуацию, ситуацию эмигрантов из советской империи (ведь вопрос: Запад нашими глазами — это вопрос того, как, что и почему видят наши глаза — это вопрос нашей ситуации тут). Я почувствовал, что в заранее заданной рассеченности вопросов-ответов, в мелькании частных проблем как бы ускользает то главное, глубинное, всеобщее, что мне хочется высказать об этой нашей *внутренней ситуации*, то, чего не вложишь в память компьютера для решения проблемы по системе «да — нет».

В этом все дело, в том образе, в образах возникших, потому и акценты пришлось переставить и палку перегнуть кое-где до границы возможного.

Россию, столь привлекающую Запад «загадочную

---

* Крейн Бринтон, «Истоки современного мира», 1971, стр. 422.

русскую душу» миновал опыт бытия в свободе, во всяком случае, опыт длительный, когда такое историческое бытие становится традицией, образом жизни, ежедневным бытом. Не живыми душами одушевлялась страна, а Власть мнила себя призванной одушевлять каждую душу, как бы заведомо для нее (Власти) мертвую, железной рукой направляла, одна знала «как надо». Жизнь общества в России устроилась и устроится только сверху вниз: снизу вверх — не моги!

Да, мы, как и наши предки, никогда не вдыхали запах свободы. Как пахнет свобода? — об этом мы могли только умозрительно гадать. Рыба не гадает о воде — она живет в ней, птица не думает о воздушных потоках — она парит в них. Ушедшие поколения, миллионы предков, которые *там* были под нами, в земле, по которой мы ходили, *до* нас, не могли, увы, передать нам опыт, которого не было у них самих. Лучшее, что было сделано ими, было сделано *не в свободе*, а только *в мечте о ней*. Инакомыслие, которое многие из нашего поколения лелеяли, нужное нам лично как воздух — с точки зрения больших чисел, с точки зрения возможности реального участия всего народа в устройении жизни страны *снизу вверх* — было своего рода паллиативом, реализуемым лишь «в духе», и чаще всего в одиночку (с той же точки зрения, открытые акции диссидентов-правозащитников, оппозиционных групп художников и писателей были каплей в море). На демонстрациях же мы, как и миллионы других, никогда не носили лозунгов со словами «против», но всегда только со словами «за» (Власть вкладывала их в наши деревянные руки) — прекрасное чувство общности в свободе было изначально профанировано, более того, растоптано еще безжалостнее, чем свобода личная. Сцены, которые мы недавно видели на экранах телевизоров, сцены безграничной радости громадных толп на улицах Манилы в дни падения Маркоса, сцены подобные этим — нам, неотвязно проецирующим себя в свое прошлое, в свое *там*, гадающим о будущей судьбе родины, могут лишь только сниться. Нам тут, и тем, кто в России.

Итак, мы попали на современный Запад в эпоху II-го татаро-монгольского ига в России, только на сей раз «своего, родного», — тотально-большевистского, собственно, из него

самого, из его недр, из Средневековья (последнее слово не имеет здесь отрицательного оттенка, это просто временной указатель).

Сколько бы мы ни читали, ни перечитывали русских классиков, от Пушкина, Гоголя, Достоевского до Лескова, Бунина, Блока, трудно нам, почти невозможно постичь *вкус реальности* той их России, ту их еще относительно мягкую, сравнительно с нашей, землю несвободы, на которой они жили. Но ведь скорее Новый Свободный Запад в захватывающих дух всплесках его культуры был для нас альтернативой и путеводной звездой. Русские классики может и могли быть каким-то связующим звеном, какой-то ступенью при подходе к этому миру (все же в их эпоху Россия не совсем еще была «иной планетой» и между ней и Западом пропасть зияла не той глубины, что в наше время), но не более того — настоящей помощи в постижении этого мира от них, от классиков, конечно, ожидать было нечего — и времена теперь уже были не те, да и у классиков наших «рыльце в пушку»: ведь они сами и всё ими созданное на том же родном грунте несвободы взросло. Даже религиозно психологический универсализм Достоевского. И вот, опять всё то же! сколько бы ни стремились узнать в оригиналах, переводах, в переводах с переводов этих Рембо и Лотреамона, Аполлинера и Сен-Жон Перса, Джойса и Кафку, Паунда и Элиота, Тракля, Бенна и Целана, Мишо и Шара, Ионеско и Беккета, Юнга, Хайдеггера и Леви-Строса, сколько бы мы не пробивались в свое время на закрытые просмотры фильмов Феллини, Антониони, Бергман, Годара, сколько бы ни листали альбомов современных западных художников и т. д. и т. п., уподобляя всему этому далекий смутный образ никогда нами не виденной (как невидима обратная сторона Луны) цивилизации свободы, мы не в состоянии постичь ее. Но, и это главное, что я хочу сказать, она в своей органичности не постижима для нас даже и сейчас, когда мы очутились тут — мы пришли к своему поражению, в этом суть, в этом непреложность.

«Чтобы узнать вкус груши, надо ее съесть», говорит восточный мудрец. Нам не довелось съесть грушу свободы, мы не познали ее вкуса. Вместе с Россией. Мы старались, мы

узнали о груше очень много, возможно даже больше, чем те, кто потребляет их ежедневно, но мы никогда не ощутили ее божественного вкуса. Мы конечно не думали, что Запад обещает какую-то идеально-безмятежную жизнь (ведь это у нас взялись строить утопический земной рай, а построили реальное рабство), но *там*, у себя, мы не в состоянии были понять главное: что Запад попросту *живет* в традициях своей сложной парадоксальной свободы и этого ему достаточно. В том и парадокс, что уровень этой свободы достаточен для того, чтобы всегда оставалась реальная возможность ее расширения, совершенствования (но также и ее сужения — исторические примеры таких срывов хорошо известны). Западная демократия — демократия риска, это палка о двух концах. Даже и в чисто личном плане. Жизнь опасна — так можно сказать только существуя в свободе — *твоя* жизнь опасна. Когда нет свободы, у тебя нет уже *твоей* жизни — есть только отупение и страх. Конечно, «лучше поздно, чем никогда», думали мы уезжая, но мы не понимали еще, что свобода — изначально данный удел человека, это слишком серьезно (возможно в наше время это яснее, чем когда бы то было раньше), и не будет «лучше поздно» для того, кто был лишен ее от рождения. Мы не понимали, что обречены носить свой горб до смерти.

И вот мы стоим на этой новой почве маленькими советскими пионерами в полуистлевших пионерских галстуках, над нами застыли красные полотнища с белыми буквами Призывов, которые мы тысячи раз внутренне отбрасывали, над нами высятся все Памятники Ленину, Сталину, которые мы, пытаясь их игнорировать, видели в *той* своей жизни, и все те, которых мы не увидели, но знали, что они есть, что стоят они в каждом городе, в каждом поселке...

Кошмарный сон Истории. Нашему прошлому нет надобности напоминать о себе, протягивая к нам руки, оно внутри нас, более того мы — это и есть оно (возможно ли расчитаться с ним до конца, чем мы неотвязно заняты, ведь это значило бы расчитаться с самим собой). Когда мы встречаемся *тут*, мы понимаем друг друга с полуслова, с полузвучка, даже *до* слов, но те, кто вокруг нас, не понимают ничего. Наши голоса слышим только мы сами, возможно мы даже не видны тут — люди-невидимки. Неважно, что кто-то

— главный дирижер оркестра, что кто-то другой — лауреат литературной премии, и еще кто-то переводится на английский. (Русский эмигрантский истеблишмент, особенно тот, что принадлежит к третьей волне, гордится ими, это естественно, — не следовало бы только превращать их в некое подобие орденов и навешивать эти ордена на грудь эмиграции — такая тенденция заметна. Они могут превратиться в панцырь, который помешает увидеть и самих себя и друг друга в ином, экзистенциальном свете, ведь именно об этом тут речь, о «тайное тайных», о трагической непоправимости.) Успех есть успех — это только успех, не более того. И не будем обманывать себя: все мы инопланетяне, мутанты, чужаки, занесенные из другой эпохи ветром Истории туда, где мы никогда не сможем состояться, не материализуемся просто — место нам только в фильмах о духах. Неважно, что все мы что-то делаем, чем-то заняты, чем-то озабочены — кто процветает, кто нет — все это замечательно, жизнь продолжается, но всё же все мы тут только капли дождя на оконном стекле, земля не для нас, мы не можем впитаться в нее, слиться с ней. (В нашем положении нам остается утешиться тем, что теперь мы познали всю горькую правду о себе, узнали кто мы.)

Нет, конечно, мы будем творить, работать, мы будем писать, рисовать, танцевать и вещать, издавать журналы, просто зарабатывать деньги, бороться за, бороться против, — мы будем это делать и даже может быть далаить неплохо, может быть очень хорошо, и наша неумолимая родина, люди, миллионы отдельных людей, весь ее нераскаявшийся, недошедший, недоползший, недобравшийся до всеобщего покаяния народ даже сможет когда-нибудь нами, отпавшими гордиться, но все же...

Можно было бы заключить этот текст спокойной концовкой, в которой будет аргументированно опровергнуто многое из написанного выше (униженные русские классики взывают к справедливости!), и, здраво рассуждая, я сделал бы это с радостью, я даже вернулся бы в конце концов в рамки предложенной анкеты, постарался бы ответить на все вопросы честно и достоверно, но все же — я этого не сделаю, я останусь тут, в этом тексте, и буду медленно тонуть в своих

венах, артериях, погружаясь в их кровь все глубже, слушая гул течения, пытаюсь достичь дна, которое, чувствую, в конечном счете у всех нас общее.

ТАК МЫ ВИДИМ ЗАПАД

Помимо интервью с отдельными эмигрантами, «Форум» обратился к относительно большому числу эмигрантов «третьей волны» с просьбой конкретно ответить на следующие вопросы:

1. *Считаете ли Вы государство, в котором сейчас живете, правовым государством?*

2. *Полагаете ли Вы, что права граждан обеспечены здесь в достаточной мере?*

3. *Считаете ли Вы общество в странах свободного мира обществом равных возможностей?*

4. *Является ли это общество обществом социальной справедливости?*

5. *Устраивает ли Вас общий духовный климат в странах свободного мира?*

---

6. *Чувствуете ли Вы себя здесь свободным?*

7. *Чувствуете ли себя уверенно?*

8. *Есть ли у Вас шанс реализовать свои возможности?*

9. *Довольны ли Вы своим материальным положением?*

10. *Довольны ли жилищными условиями?*

11. *Нравится ли Вам система образования — а) среднего, б) высшего — в стране, где Вы живете?*

12. *Устраивает ли Вас система социального обеспечения?*

13. *Участвуете ли Вы в общественной жизни страны проживания?*

---

14. *Есть ли у Вас здесь близкие друзья?*

15. *Дружите ли Вы а) с эмигрантами из СССР, б) с западными людьми?*

16. Устраивают ли Вас отношения а) с коллегами по работе, б) с начальством, в) с соседями?

17. Считаете ли удовлетворительными взаимоотношения между молодыми людьми на Западе?

---

18. Складываются ли отношения между людьми на Западе лучше, чем в СССР?

19. Полагаете ли Вы, что существует особый тип человека — «гомо советикус»?

20. Считаете ли Вы западного человека духовно и интеллектуально более богатым, чем советский человек?

21. Способен ли, по Вашему мнению, Запад отстоять свои ценности?

На эти вопросы «Форум» получил 124 ответа. Были среди них и подробные. Например, ответ художника Бориса Мухаметшина.

Борис Мухаметшин

художник; в СССР — художник-график, затем политзаключенный, на Западе — внештатный художник; возраст — 44 года; страна проживания — ФРГ; национальность — татарин-еврей-русский-поляк.

1. Я живу в Западной Германии сравнительно недолго — всего четыре года. За это время я смог достаточно состыковаться с правовой стороной жизни в этой стране и могу с уверенностью написать, что ФРГ является правовым государством.

2: Относительно «достаточной обеспеченности прав человека» в ФРГ мне трудно судить, т. к. я и по сей день не являюсь полноценным жителем страны. Что я имею в виду? Мне не довелось по настоящее время столкнуться с этой стороной жизни, ибо не доводилось нарушать законов Германии.

3. Полагаю, что является. Ежедневные контакты с

коренными жителями этой страны убеждают меня в этом. Возможности открыты для всех и ... даже чересчур. Я имею в виду, что, находясь под защитой немецкого права, многие пользуются им, не отдавая себе отчета в том, что это большая роскошь: не являясь гражданином страны, все-таки находиться под защитой государства, которое предоставило нам право жить в этой стране.

4. На этот вопрос не могу полноценно ответить, т. к. с первого дня жизни в ФРГ и по настоящее время не обращался за социальной помощью.

5. Духовный климат в странах свободного мира очень разнообразен и его трудно привести к одному знаменателю. Плюрализм Запада обеспечивает каждому возможность найти то, чего он желает.

6. Вполне и абсолютно. Те свободы, которыми мы пользуемся здесь, нам и не снились в Советах. Как политический художник, я имел возможность неоднократно убедиться в наличии свобод.

7. Абсолютно. Даже в тех случаях, когда советские сотрудники посольства и консульств выходили на «контакт», мне ни на минуту не было страшно, т. к. в любой момент я мог (и делал) обратиться за помощью к представителям властей. Отсюда и рождается уверенность в уверенности, т. к. нас не могут — после жизни в Советах — не радовать свобода не только мнений, но и их практическое выражение и доведение до ушей и глаз жителей Западной Германии.

8. Шанс реализовать свои возможности есть у каждого. Дело в том, что многие, прибыв на Запад, лишаются иллюзий относительно искусственно выращенных у себя дома «иллюзий», которые не имеют ничего общего с реальностью. Возможностей — миллион. Проблема заключается в том, чтобы найти свой шанс. Это не всегда возможно из-за языкового барьера, который искусственно выращен «ленью» эмигрантов на Западе и нежеланием, в большинстве случаев, стать полноценными жителями той или иной страны. А полноценность начинается с языка.

9. Не доволен своим материальным положением. Почему? Потому что бытие политическим художником — тяжелая участь, а менять палитру тем и приспособливаться к

реальности при отсутствии внутреннего контакта с жителями полевешего Запада — совершенно другой аспект, который не входит в сферу вопроса.

10. Жилищными условиями я не могу быть недовольным. Но мой случай не может считаться рядовым, т. к. нам — мне и моей супруге (пасторше евангелической церкви) — предоставлен целый дом на двоих.

11. К системе немецкого образования не имею никакого отношения, т. к. получил образование в СССР.

12. См. ответ на 4-й вопрос.

13. И еще как. За четыре года вряд ли найдется другой эмигрант, что так активно и продуктивно колесит по Германии вдоль и поперек с целью не только познакомить жителей со своими работами, но с желанием поправить реальность, когда массы имеют страх перед коммунизмом и готовы стать красными, но не мертвыми.

14. Близкие друзья? Хороший вопрос, но не так легко на него ответить. К слову *друг* я отношусь с большой ответственностью и не пользуюсь им при первом удобном случае. И в Москве, имея 30-35 тысяч знакомых, имел всего 5 друзей. Знакомых в Мюнхене у меня полно, но назвать их друзьями не могу.

15. Поддерживаю контакты и совершаю коллективные действия с эмигрантами из СССР, но друзьями пока не обзавелся по вышеизложенной причине. У меня больше знакомых из немцев, но и среди них пока нет друзей.

16. Отношений с коллегами не имею, если не считать периодические контакты с сотрудниками «Радио Свобода», издательств и др. организаций. Начальства над собой не имею, ибо являюсь внештатным художником. Соседи? У нас нет соседей.

17. Взаимоотношения между молодыми людьми на Западе очень напоминают аналогичные отношения в СССР. Разница лежит в сфере разности возможностей и уровня потребления, когда то, о чем мечтает советский юноша (девушка), здесь не является проблемой. Все упирается в вопрос оплаты.

18. Взаимоотношения складываются лучше в России, но это отчасти потому, что мы были родны в языке,

менталитете, нравах и прочем. Запад живет совершенно (?) иначе, но и здесь можно и нужно найти родство. Ментальность иная — это факт. Все зависит от личного расположения к адаптации в новой реальности и желания понять ментальность немцев, например. Не так уж она и сложна.

19. Как ни печально констатировать, но «гомо советикус» существует. Достаточно сравнить два телефонных разговора: здесь — на Западе, и второй — международный, Мюнхен-Москва, чтобы убедиться в этом. Моя сестра не понимает меня и упрекает в том, что я начал говорить (вот уже три года) на другом языке. Мы здесь отвыкли от иносказаний, недомолвок, подтекста и т. д., чем не может похвастаться сов. человек. Это — всего лишь один и маленький пример, но достаточно характерный.

20. Нет. Духовного и интеллектуального богатства мы и в России не были лишены, хотя это и было сопряжено с большими затратами энергии. Советский человек — несчастный человек, но это — очень глубокая тема и требует особого освещения.

21. Запад отстоит свои ценности только в том случае, если он избавится от иллюзий о «социализме с человеческим лицом», реально и полно оценит свою реальность, т. е. то, что ему дано от рождения. Лишиться этого он может, но что он приобретет взамен — никому неизвестно так хорошо, как нам, эмигрантам из СССР. В настоящее время Запад находится в стадии духовного поражения перед натиском сов. идеологической экспансии. Жалкое зрелище, но перед лицом потери демократии у него не остается иного выхода, как проснуться.

Отпрошенные, в большинстве, отвечали кратко — «да» (+) или «нет» (-). В случае, если они почему-либо не были знакомы с тем, о чем спрашивается в анкете, не понимали вопрос или не могли дать однозначный ответ, они ставили «0». Ответы были анонимными, но отвечающий сообщал свой возраст, пол, национальность, профессию (в СССР и на Западе), страну проживания и время проживания на Западе.

Выборка была случайной. Из 124 опрошенных — 59 проживают в ФРГ, 44 — в других странах Европы (Франция, Англия, Голландия, Дания и Швеция) и 25 — в США и Канаде. Среди опрошенных было 58 русских, 44 еврея, 22 представителя других национальностей (украинцы, грузины, армяне, татарин). Мы не опрашивали немцев, проживающих в ФРГ, и евреев Израиля, считая их не эмигрантами, а репатриантами.

Ответили на вопросы 50 женщин и 74 мужчины. Из числа отвечающих мы выделили группу молодых людей (до 30 лет), группу людей среднего возраста (31-50) и группу людей более старшего возраста (св. 50 лет). В зависимости от продолжительности проживания эмигрантов на Западе, мы также выделили три группы: 1) срок проживания до 5 лет; 2) 6-10 лет; 3) свыше 10 лет.

Можно ли считать выборку представительной? Очевидно, нет. По многим причинам. Число опрошенных недостаточно велико; большинство эмигрантов «третьей волны» — евреи, а не русские и др. неевреи; основная масса эмигрантов живет в Америке, а не в Европе и т. д. И все же — ответы 124-х в чем-то кажутся характерными, типичными.

Отношение к ценностям нового мира

Таблица 1

Вопросы	(+)		(—)		(0)	
	ко-л-ство людей	(%)	ко-л-ство людей	(%)	ко-л-ство людей	(%)
1	121	97,6	3	2,4	—	—
2	82	66,1	26	21,0	16	12,9
3	53	42,7	60	48,4	11	8,9
4	42	33,9	58	46,8	24	19,3
5	86	69,4	14	11,3	24	19,3

Как мы видим, подавляющее большинство опрошенных убеждено, что они живут в правовом государстве. Две

третьих всех ответивших на вопросы анкеты полагают, что права граждан свободного мира обеспечены в достаточной мере. Очень многие довольны общим духовным климатом в странах Запада. Правда, один из пяти не смог четко определить свое отношение к этому вопросу (многие из поставивших «0» приписали замечание о том, что на Западе нет единого климата, и это хорошо, — т. е. по сути они тоже положительно ответили на 5-й вопрос). И в то же время половина всех опрошенных не считает, что общество в странах свободного мира — это общество социальной справедливости и в нем всем предоставлены равные возможности.

Как мы себя здесь чувствуем

Таблица 2

Вопросы	(+)		(—)		(0)	
	кол-ство людей	(%)	кол-ство людей	(%)	кол-ство людей	(%)
6	105	84,7	16	12,9	3	2,4
7	54	43,6	66	53,2	4	3,2
8	70	56,5	40	32,2	14	11,3
9	84	67,8	36	29,0	4	3,2
10	103	83,1	21	16,9	—	—
11 а)	46	37,1	42	33,9	36	29,0
б)	72	58,0	10	8,1	42	33,9
12	82	66,1	32	25,8	10	8,1
13	32	25,8	89	71,8	3	2,4

Почти все опрошенные ощущают себя свободными, но более половины из них чувствуют себя неуверенно. Каждый третий не видит для себя шансов реализовать свои возможности. Двое из трех довольны своим материальным

положением, четверо из пяти считают, что у них хорошие жилищные условия. Из тех, кто дал определенный ответ на вопрос об образовании, — почти половину не устраивает система среднего образования, но около 90% довольны образованием университетским. Система социального обеспечения нравится двум из трех. Лишь один из четырех опрошенных участвует в общественной жизни страны, в которой он живет.

Наши отношения с людьми на Западе

Таблица 3

Вопросы	(+)		(—)		(0)	
	кол-ство людей	(%)	кол-ство людей	(%)	кол-ство людей	(%)
14	98	79,0	24	19,4	2	1,6
15 а)	98	79,0	26	21,0	—	—
б)	95	76,6	29	23,4	—	—
16 а)	72	58,1	38	30,6	14	11,3
б)	54	43,6	49	39,5	21	16,9
в)	68	54,9	38	30,6	18	14,5
17	34	27,4	50	40,3	40	32,3

Большинство опрошенных уже нашли на Западе новых друзей. Большинство дружит как с эмигрантами из СССР, так и с западными людьми. Но у одного из четырех все же друзей здесь нет.

Отношения с сотрудниками и начальством складываются по-разному — с коллегами несколько лучше, чем с начальниками. У многих хорошо сложились и отношения с соседями.

60% тех, кто дал определенный ответ на вопрос о взаимоотношениях молодежи, ими не довольны.

О тех, кого оставили на родине

Таблица 4

Вопросы	(+)		(—)		(0)	
	кол-ство людей	(%)	кол-ство людей	(%)	кол-ство людей	(%)
18	20	16,2	66	53,2	38	30,6
19	80	64,5	20	16,2	24	19,3
20	14	11,3	86	69,4	24	19,3

На вопрос о том, где лучше складываются отношения, 30% опрошенных не смогли четко ответить, полагая, в большинстве, что характер политической системы не влияет на отношения между людьми. Три четверти из тех, кто ответил определенно, считают, что на Западе отношения между людьми хуже, чем в СССР.

Двое из трех верят, что «гомо советикус» существует, но лишь 11% думают, что западный человек духовно и интеллектуально богаче советского. Большинство с этой точкой зрения не согласны.

Способен ли Запад отстаивать свои ценности?

Некоторые из отвечающих на анкету спрашивали «От кого Запад должен их защищать?» От девальвации, разрушения и разрушителей, которых довольно много на Западе, наконец, от прямой или косвенной агрессии тоталитаризма.

В способность Запада защитить себя верят 44% опрошенных, не верят 18% и сомневаются в устойчивости свободного мира 38%.

Мужчины чувствуют себя увереннее

При сравнительном анализе ответов мужчин и женщин выяснилось, что:

Меньше женщин (56 %), чем мужчин (73 %), считают, что их права обеспечены в достаточной мере.

28 % всех опрошенных женщин и только 5 % мужчин не чувствуют себя свободными.

64 % женщин чувствуют себя неуверенно. Среди мужчин — 46 %.

Больше половины всех женщин (52 %) и только 19 % мужчин не видят шансов реализовать свои возможности.

Больше женщин (28 %), чем мужчин (13 %), не имеют на Западе друзей. У 34 % женщин и 16 % мужчин нет друзей среди западных людей.

Большинство женщин (52 %) и только одна треть мужчин (32 %) не довольны отношениями между людьми на Западе.

Больше женщин (68 %), чем мужчин (43 %), считает, что отношения между людьми в СССР складываются лучше, чем на Западе.

Женщины гораздо меньше, чем мужчины (28 % и 54 %), верят в способность Запада отстоять свои ценности.

Как влияет возраст на наши представления

Среди опрошенных большинство было в возрасте от 30 до 50 лет. Группа молодых (26 человек) и группа тех, кому больше 50 (25 человек), были небольшими. Поэтому и выводы о возрастных отличиях в оценке Запада имеют лишь относительное значение.

Как среди молодых, так и среди пожилых больше, чем среди людей среднего возраста, тех, кто не считает Запад обществом равных возможностей (18 из 25 молодых и 14 из 24 пожилых).

20 из 25 молодых чувствует себя уверенно и рассчитывает проявить себя в жизни. Отношения с коллегами по работе (или учебе) и соседями у них складываются лучше, чем у более старших (хорошо — у 19 из 25). И тем не менее, большинство молодых не участвует в общественной жизни страны и среди них больше, чем среди старших, тех, кто полагает, что отношения между людьми в СССР лучше, чем на Западе (лишь четверо из 25 предпочитают в этом вопросе Запад). Только двое считают, что западный человек духовно богаче советского, 20 утверждают обратное. Лишь шестеро

молодых ответили, что им нравится общий духовный климат на Западе.

14 из 25 молодых не довольны отношениями в молодежной среде (хотя, казалось бы, брюзжать по поводу нравов молодежи положено старикам).

Половина молодых не довольна социальным обеспечением и средним образованием. Меньше, чем среди более старших, процент довольных университетским образованием (оно нравится 13 из 24 молодых людей, давших определенный ответ).

Меньше, чем более старшие, верят молодые в силу сопротивления Запада (13 из 25 не верят).

Половина опрошенных старше 50 лет (самому старому — 69 лет) не верит в свои возможности.

Среди пожилых несколько больший, чем среди всех опрошенных, процент недовольных своим материальным положением. Но довольных все же большинство (13 из 24).

Любопытно, что все пожилые имеют друзей среди западных людей, половина из них участвует в общественной жизни страны проживания. Лишь 8 из 24 считает, что отношения между людьми в СССР лучше, чем на Западе. Только один из трех «стариков» недоволен западной молодежью.

Зависят ли наши оценки от национальности и страны проживания?

Различия в ответах эмигрантов в зависимости от национальности незначительны. Ответы в группе, состоящей из нерусских и неевреев, в общем такие же, как во всей группе опрошенных. Среди евреев несколько ниже процент довольных своим материальным положением (54%), чем среди русских (79%). В свою очередь, среди русских больше недовольных системой социального обеспечения, чем среди евреев (38% и 18%). Евреи более терпимо относятся к молодежи и больше верят в способность Запада отстоять себя (в это верит большинство евреев — 55% — и только 31% русских; 9% евреев и 30% русских считает, что Запад в конце концов проиграет).

Как мы уже отмечали, среди опрошенных — 59 жителей

ФРГ (назовем эту группу — группой А); 40 жителей других европейских стран (19 — из Франции, 18 — из Англии, 4 — из Дании, 3 — из Голландии, 1 — из Швеции) — группа Б; 25 американцев (23 — США, 2 — Канада) — группа В.

В группе Б 60% опрошенных не считают Запад обществом социальной справедливости, в группе А (ФРГ) их только 33%. В Европе (группа А и Б) 25% всех опрошенных думают, что их права обеспечены недостаточно хорошо, тогда как в американской группе так считают только четверо из 25.

Все 25 опрошенных американцев считают себя свободными. Но в американской группе больше всего недовольных своими жилищными условиями. В группах Б и В больше людей, которым не нравится система среднего образования, чем среди жителей ФРГ (43% и 24%). В ФРГ, однако, хуже складываются отношения с коллегами и соседями, чем в прочих странах (40% недовольных в группе А и только 23% — в группах Б и В). Большинство опрошенных эмигрантов, живущих в ФРГ, не верит или сомневается в том, что свободный мир способен защитить свои ценности. В американской группе только четверо из 25 думают, что Запад не сможет устоять.

Как меняются наши взгляды

Из опрошенных 44 человека живет на Западе менее 6 лет, 50 — от 6 до 10 лет, 30 — свыше 10 лет.

Среди людей, живущих на Западе свыше 10 лет, больший процент (43%) тех, кто полагает, что их права обеспечены недостаточно. Со временем увеличивается число людей, не верящих в способность Запада предоставить всем равные возможности (36% среди живущих на Западе менее 6 лет, 48% тех, кто живет здесь от 6 до 10 лет, и 67% уехавших из СССР более 10 лет назад), не считающих свободный мир обществом социальной справедливости (соответственно, 27% у недавно прибывших и 58% у проживших на Западе более 6 лет). Со временем увеличивается и число тех, кто не верит в свои шансы (27% — 32% — 40%). Система социального обеспечения больше устраивает эмигрантов в первые годы пребывания на Западе, чем по прошествии 6 или 10 лет (82% — 64% — 47%).

В то же время больше появляется друзей (близкие друзья есть у 68 % опрошенных эмигрантов с небольшим стажем жизни на Западе и у 90 % тех, кто живет здесь более 10 лет) и растет материальное благополучие (в первые 6 лет 36 % опрошенных недовольны материальными условиями, а затем процент недовольных снижается до 13).

Заключение

Анализ данных опроса позволяет сделать следующие предположения (предположения, не больше):

Большинство бывших советских граждан ощущают себя на Западе свободными, живут в довольно хороших материальных условиях, имеют здесь друзей, причем не только среди эмигрантов. Но в то же время не все чувствуют себя здесь уверенно. Эмигранты считают государства, в которых живут, правовыми, довольны духовным климатом свободного мира, но в том, что Запад является обществом социальной справедливости, убеждены далеко не все.

О своих бывших согражданах вспоминают, в основном, с симпатией. И хотя верят в существование «гомо советикуса», не считают советских граждан духовно и интеллектуально менее богатыми, чем западные люди.

Национальность эмигрантов не оказывает существенного влияния на их отношение к Западу, так же как и особенности стран, в которых они живут.

У молодых больше претензий к западному обществу, чем у более старших эмигрантов. Пожилые люди относительно неплохо вживаются в западную жизнь.

Женщины акклиматизируются в новом мире хуже, чем мужчины.

Со временем наши запросы растут. Вероятно, потому, что мы перестаем оценивать жизнь по меркам страны, из которой уехали и где не было ни свободы, ни прав, ни материального благополучия, и начинаем смотреть на Запад глазами западного человека.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Семен Резник

КАРЛ МАРКС — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ ИЛИ АНТИСЕМИТ?

Лет пять-шесть назад, когда я еще жил в Москве, один приятель дал мне адрес отъезжающей семьи, которая срочно распродала невывозные книги.

Я отправился по указанному адресу, но хозяйка дома сразу же разочаровала меня; все «подписки» и другие «хорошие» книги уже были проданы.

— Совсем ничего не осталось? — спросил я.

— Только вот это, — она указала на стопку пожелтевшей бумажной рвани на журнальном столике.

Нетоварный вид литературы ясно говорил о том, почему она не заинтересовала книжных жучков, но он же давал некоторую надежду найти в этом хламе что-нибудь достойное внимания.

Я присел к журнальному столику и сразу же ахнул. Передо мной лежали хоть и растерзанные, но вполне годные к пользованию дореволюционные и послереволюционные издания брошюр и книг по еврейскому вопросу, давно уже в СССР запретному. Большую часть лежавших передо мною книг не только невозможно было достать ни в одном букинистическом магазине (туда их просто не принимали), но и в Библиотеке им. Ленина они содержались в спецхране и без особого разрешения никому не выдавались.

Я стал откладывать в отдельную стопку наиболее для меня интересное, и вскоре в нее перекочевало все, за исключением одной тоненькой брошюрки, на обложке которой значилось: «К. Маркс. К еврейскому вопросу. Москва, 1919 г.»

Брошюра Маркса меня интересовала менее всего — и потому, что я смутно помнил, что работа под таким

названием имеется в одном из сорока томов «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса, куда поневоле приходилось заглядывать для наведения справок, и потому, что я считаю себя достаточно знакомым с марксизмом, чтобы заранее знать, что мог сказать по еврейскому вопросу основоположник.

Кроме того, я знал примерную стоимость отобранных мною книг — покупка сильно ударяла по карману. Тратить лишнюю пятерку не хотелось. Правда, пользуясь явным желанием хозяйки поскорее избавиться от «макулатуры» и ее очевидной неосведомленностью, можно было, вероятно, сторговать книги за бесценок. Но надувать отъезжантов не позволяла совесть.

Когда я сказал хозяйке, что готов забрать почти все книги, она сильно удивилась, а когда я стал называть цены, которые согласен уплатить, она удивилась еще больше. Через пять минут книги перекочевали в мой обширный портфель, до предела раздув его кожаные бока. На журнальном столике осталась сиротливо лежать одна тоненькая брошюрка. Указывая на нее, хозяйка спросила:

— А это вы, значит, не берете?

Я хотел сказать «нет!», но почему-то заколебался. Взял в руки брошюру и открыл ее. Оказалось, что статью Маркса предваряет предисловие Луначарского. Кроме того, было похоже, что у меня в руках первое издание данной работы на русском языке... Хотя я никогда не был настоящим библиофилом, то есть не охотился за книжными редкостями как таковыми, мне вдруг стало жалко, что эта редкая брошюрка будет просто выброшена на помойку.

Словом, к явному удовольствию хозяйки, брошюрку Маркса мне тоже пришлось запихивать в уже до отказа набитый портфель.

Пожелав хозяйке счастья на новой земле, я попрощался и зашагал к станции метро. Мне не терпелось поскорее погрузиться в добытые сокровища, и в вагоне я поспешил расстегнуть свой портфель. Однако доставать на виду у всех сборник статей Макса Нордау или отчет о 7-м сионистском конгрессе мне показалось несколько рискованным: мало ли чей взор могла привлечь эта «сионистская нелегальщина». Безопаснее всего было извлечь брошюру Маркса, что я и

сделал. Начал листать ее без особого интереса, но потом так увлекся, что проехал станцию пересадки.

Марксизм открылся для меня с новой, неожиданной стороны.

Когда я пересказывал содержание работы друзьям, они отказывались мне верить. Я давал прочитать брошюру, и они возвращали ее мне озадаченные и полные недоумения, однако убежденные, что я ничего не передергиваю и не преувеличиваю.

Впрочем позднее один из друзей принес мне объемистую самиздатскую работу (около двухсот машинописных страниц) под названием «Маркс, Энгельс и евреи». Имени автора я, к сожалению, не запомнил, однако труд его произвел на меня сильное впечатление. Взгляды основателей «научного» коммунизма на еврейский вопрос в ней анализировались глубоко и всесторонне, — не только на основании известной мне статьи, но и на основании большого числа высказываний, разбросанных во всех сорока томах их сочинений. Еще через некоторое время я познакомился с другой, менее объемистой работой на ту же тему (ее написал мой друг Марк Рейтман) и окончательно понял, что изобрел велосипед. Поэтому данная статья не имеет ни малейшей претензии на оригинальность. Если все же я решился вынести ее на суд читателей, то потому что не раз убеждался: несмотря на то, что взгляды Маркса на еврейский вопрос нет-нет, да обсуждаются в эмигрантской печати (а в Союзе — в Самиздате), большинство читателей с данной темой все еще незнакомо. Я это объясняю тем, что вдолбленные нам стереотипные представления о сущности марксизма настолько въелись в сознание и настолько осточертели, что мы невольно отталкиваемся от любой новой информации о Марксе. Я думаю, что это отталкивание полезно преодолеть.

К сожалению, брошюру Маркса, о которой говорилось выше, мне вывезти не удалось, поэтому все цитаты в данной статье приводятся по тексту «Сочинений» К. Маркса и Ф. Энгельса (т. I, стр. 382-413), да это и правильно во всех отношениях, так как перевод в «Сочинениях» тщательно выверен и более адекватен оригиналу, чем в торопливом издании 1919 года.

Статья «К еврейскому вопросу» была написана Марксом

по конкретному поводу. Это острополемическое сочинение представляет собой критику двух работ немецкого философа и публициста Бруно Бауэра, представителя так называемой «критической школы» младегегельянцев.

Стремясь критически проанализировать и тем самым выявить сущность «еврейского вопроса», Бруно Бауэр исходил из того, что он сводится к религиозному вопросу. А иудейская религия, по его оценке, представляет собой странный и непонятный анахронизм: после того, как из ее недр явилось христианство, она стала-де ненужной. Еврейство сохранилось в мире по непонятным причинам, вопреки истории. Ни о каком равноправии иудеев и христиан в христианском государстве не может быть речи. К тому же, иудейская религия враждебна христианской, и значит евреи — враги христианского мира; какой же смысл христианам способствовать эмансипации евреев? Только уничтожение христианского государства может привести к свободе религии и решить еврейский вопрос!

Таким образом, простой и ясный вопрос о несправедливых гонениях и притеснениях, которым подвергаются бесправные представители национального меньшинства только за то, что они исповедуют свою религию, говорят на своем языке, имеют свои обычаи и привычки, в результате псевдокритического анализа Бруно Бауэра превращался в абстрактный, хотя внешне и весьма «революционный», вопрос об упразднении господствовавшей формы государственной власти. До такого упразднения, по Бруно Бауэру, еврейский вопрос не только не мог быть решен, но и сама постановка его была, якобы, совершенно нелепой.

Чтобы понять, насколько такая «критика» еврейского вопроса была далека от жизни, достаточно познакомиться с конкретным положением еврейской массы в Германии. Из многочисленных свидетельств приведем только одно, принадлежащее перу выдающегося немецкого поэта и публициста Берне, еврея по происхождению. Делясь воспоминаниями о своем родном городе Франкфурте-на-Майне, Берне с горьким сарказмом писал:

«Евреи жили на тесной улице. Этот кусок земли был несомненно самым густонаселенным на всем земном шаре.

Они были предметом нежнейших забот со стороны своих правителей. По воскресным дням им не позволяли выходить со своей улицы, чтобы они не подвергались побоям со стороны пьяных, конечно. До 25-летнего возраста им не разрешали жениться для того, чтобы обеспечить здоровое, крепкое поколение. В праздничные дни им можно было выходить за ворота лишь около шести часов вечера, — этим имелось ввиду предохранить их от действия палящих солнечных лучей. Публичные места, гуляния за городом были для них закрыты, — их заставляли гулять по полю для того, чтобы пробудилась в них любовь к сельскому хозяйству... По некоторым улицам города евреям никогда нельзя было ходить, вероятно, потому, что там были плохие мостовые».

В свете сказанного, нет ничего удивительного в том, что антисемитские работы Бауэра подверглись критике со стороны Маркса — человека, который ненавидел всякое угнетение и мечтал осчастливить человечество, создав, хотя бы в теории, такое общество, где нет частной собственности, нет эксплуатации человека человеком и все люди свободны не только от угнетения другими людьми, но и от вековых предрассудков, порождающих эгоизм, недоверие, стяжательство, алчность и прочие человеческие пороки.

Как и следовало ожидать, Маркс направил основной свой удар в самое уязвимое место работ Бауэра, для которого еврейский вопрос тождественен религиозному. Маркс писал:

«Постараемся взглянуть в действительного еврея-мирянина, не в *еврея субботы*, как это делает Бауэр, а в еврея *будней*.

Поискем тайны еврея не в его религии, — поискем тайны религии в действительном еврее.»

Этот трезвый взгляд на еврейский вопрос выгодно отличил позицию Маркса и, казалось бы, должен был привести его к четким и ясным выводам. В соответствии с общими принципами марксизма, этот вывод должен был бы сводиться к тому, что национальное неравенство есть наследие сословных отношений феодальной эпохи; что с развитием капитализма национальное и религиозное угнетение должно ослабевать, ему на смену должно придти классовое угнетение; что само еврейство расслоено на

богатых и бедных, и это расслоение должно усиливаться, а потому нельзя всех евреев рассматривать как одно целое: еврей-угнетатели составляют один класс с угнетателями-христианами, а евреи угнетенные — один класс с угнетенными христианами, и эта классовая общность гораздо важнее национальных и религиозных различий...

Однако, в работе Маркса «К еврейскому вопросу» ничего похожего на этот классический марксизм мы не находим. Маркс цитирует Бруно Бауэра:

«Еврей, который, например, в Вене только терпим, определяет своей денежной властью судьбы всей империи. Еврей, который может быть бесправным в самом мелком из германских государств, решает судьбы Европы. В то время, как корпорации и цехи закрыты для еврея или еще продолжают относиться к нему недоброжелательно, промышленность дерзко потешается над упрямством средневековых учреждений».

Нетрудно понять, что указанное «противоречие» сконструировано искусственно. Ведь барон Ротшильд или другой богатый еврей, который своей «денежной властью» мог влиять на некоторые решения правителей европейских государств (впрочем, это влияние всегда сильно преувеличивалось антисемитами) — этот богатый еврей имел мало общего с миллионами своих гонимых единоверцев, переполнявших тесные гетто городов и местечек. Кому как ни Марксу, столь страстно отстаивавшему интересы угнетенных масс, следовало бы указать на это!

Однако для него, как и для Бауэра, нет миллионов разных евреев, а есть только абстрактное собирательное понятие «еврей» (в единственном числе). Подхватывая мысль Бауэра, Маркс развивает ее до логического конца:

«Еврей эмансипировал себя еврейским способом, он эмансипировал себя не только тем, что присвоил себе денежную власть, но и тем, что через него и помимо него деньги стали мирской властью, а христианский дух еврейства стал практическим духом христианских народов. Евреи настолько эмансипировали себя, насколько христиане стали евреями».

Вывод отсюда следовал достаточно простой: евреи

вовсе не угнетены, они вовсе не подвергаются дискриминации, напротив — именно они угнетают все человечество. А если так, то:

«Эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от *еврейства*».

Смущенные столь откровенно антисемитской формулировкой, редакторы советского академического издания «Сочинений» Маркса и Энгельса сделали примечание:

«Маркс имеет ввиду эмансипацию человечества от торгашества, от власти денег. Употребление слова „еврейство“ („Judentum“) в смысле торгашества связано здесь у Маркса с тем, что в немецком языке слово „Jude“, кроме своего основного значения — „еврей“, „иудей“, употреблялось также и в смысле „ростовщик“, „торгаш“.»

Однако это «разъяснение» лишь усиливает антисемитский смысл высказывания Маркса, ибо подчеркивает, что понятия «еврейство» и «торгашество» для него синонимы. (Не то ли и у русских черносотенцев, выступавших за «эмансипацию» от еврейского капитала). В том, что это именно так, убеждают и многие другие высказывания Маркса, отточенные до афоризмов:

«Деньги — это ревнивый Бог Израиля, перед лицом которого не должно быть никакого другого Бога».

«Бог евреев сделался мирским, стал мировым Богом. Вексель — это действительный Бог еврея. Его Бог — только иллюзорный вексель».

И это писалось в то самое время, когда основная масса евреев Германии и других стран не могли добыть самое скудное пропитание детям, когда они задыхались от скученности в переполненных гетто, за пределами которых им запрещали селиться, подвергались гонениям со стороны властей, травле в печати, постоянным оскорблениям и издевательствам со стороны обывателей-христиан, «воспитываемых» такими идеологами, как Маркс и Бауэр.

Об истинном положении евреев Маркс, конечно, хорошо знал, но с тупым упорством погромщика повторял:

«Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, *своекорыстие*.

Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской Бог? *Деньги*».

Так Маркс клеветал на еврейского Бога, которого предал. Так он сводил счеты с униженным и бесправным народом, который его породил. Так он мстил евреям за свое еврейское происхождение.

Не удивительно, что высказывания Маркса о евреях были подхвачены почти через столетие гитлеровской пропагандой. Они бесконечное число раз цитировались в «трудах» гитлеровских идеологов, размножались в миллионах экземпляров в виде отдельных листовок и сопровождались выразительной рубрикой: «Евреи о самих себе».

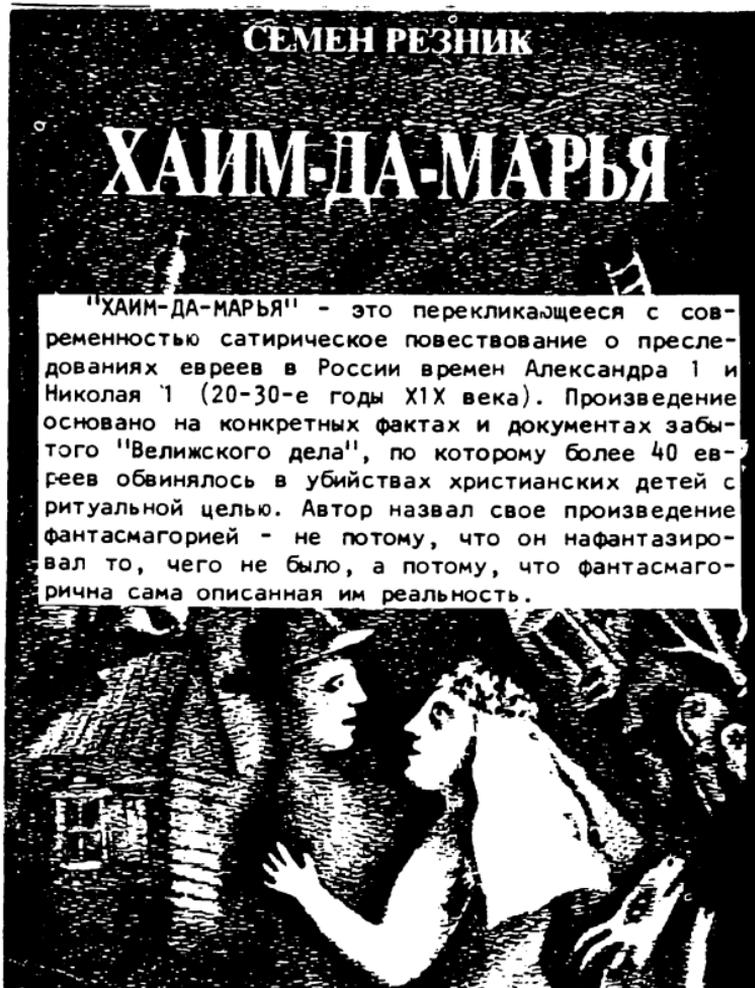
В Советском Союзе антисемитские высказывания Маркса десятилетиями стыдливо замалчивались.

Луначарский, в предисловии к первому изданию русского перевода работы «К еврейскому вопросу», пускает в ход и всю изощренность диалектики, чтобы доказать недоказуемое: Маркс-де выступает не против евреев, а только против власти денег, слово «еврей», употребляемое им только для обозначения этой власти, оно всего лишь — безобидная метафора. Однако позднее, когда в «государстве рабочих и крестьян» еврейский вопрос обострился настолько, что многие «вожди», включая и самого Луначарского, вынуждены были вести борьбу с антисемитизмом, они предпочитали умалчивать о том, что говорил на данную тему первый пророк и апостол их вероучения. Так, в работе Луначарского «Об антисемитизме», опубликованной в 1930 году, воззрения Маркса обходятся полным молчанием.

Только в самые последние годы, когда на советский книжный рынок хлынул поток так называемой «антисемитской» литературы, в ней стали ссылаться на авторитет Маркса. В частности, в одном из самых «солидных» коллективных трудов «Идеология и практика международного сионизма. Критический анализ», изданном Политиздатом под редакцией академика М. Б. Митина, особая глава посвящена взглядам Маркса. В этой главе обильно цитируются и апологетически оцениваются как раз те высказывания Маркса о евреях, которые широко цитировали в свое время гитлеровцы. Разница лишь в том, что нацисты (в

полном соответствии с первоначальным смыслом) относили эти высказывания к евреям вообще, тогда как советские авторы относят их только к сионистам, «забывая», что работа Маркса была написана за полвека до возникновения сионизма. Как видим, советские товарищи отличаются от гитлеровцев лишь большим лицемерием. Впрочем, давно уже замечено, что на современном витке «диалектической спирали» коммунистическая идеология все больше напоминает идеологию нацизма.

Новая книга:

Challenge Publication. P. O. Box 381, Arlington, VA 22210.

МЕХМЕТ ЭМИН РАСУЛ-ЗАДЕ — ПРЕЗИДЕНТ НЕЗАВИСИМОГО АЗЕРБАЙДЖАНА*

Как многие молодые нобили его поколения, Мехмет Эмин Расул-заде — родившийся в семье бакинских аристократов — очень рано заинтересовался марксизмом. В 1904 г. он, уже многообещающий и плодовитый писатель, связался с социалистической группой «Гуммет». Несколько позже этот кружок по изучению социализма превратился в политическую партию, получившую название «Мусульманская социал-демократическая партия — Гуммет». Среди товарищей Расул-заде по группе «Гуммет» было большинство будущих лидеров коммунистической партии Азербайджана, в том числе Султан Меджит Эфендиев и Асадулла Ахундов, которые одновременно были и членами бакинской организации РСДРП, Нариман Нариманов и Мешади Азизбеков, вступившие в «Гуммет» в 1905 г., и многие другие будущие большевики. Очень многие из них были радикально настроенными националистами, происходившими из семей крупных буржуа или землевладельцев. Они искренне приняли основную политическую линию большевиков, надеясь, что социализм в его марксистской форме принесет освобождение мусульманскому миру. Их идеологическая позиция была революционной, марксистской, националистической и исламистской.

В 1906 г. на IV съезде РСДРП «Гуммет» был официально признан отдельной политической партией мусульман. Это решение было принято несмотря на оппозицию некоторых русских лидеров РСДРП, полагавших, вполне резонно, что «Гуммет» может превратиться в своего рода «Мусульманский Бунд», который будет защищать идеи, скорее националистические по сути своей, чем социалистические.

---

* Предисловие к книге М. Расул-заде «О пантуризме». Society for Central Asian Studies, Oxford, 1985. Перевод с английского. Печатается с небольшими сокращениями.

Блестящий журналист Расул-заде играет ведущую роль в «Гуммете» в первые годы деятельности этой партии. В 1906-7 гг. он был одним из наиболее известных журналистов в Баку. Он сотрудничает в нескольких журналах социалистического направления, издаваемых в Баку «Гумметом», в частности в еженедельнике «Кох-Девет», выходящем на двух языках — армянском и азербайджанском. Вместе с ним журнал редактировали Нариманов, Эфендиев и Азизбеков. В 1906-7 гг. в Баку выходила, также издаваемая «Гумметом» газета «Текаммюл», которую редактировали те же люди, что выпускали и «Кох-Девет». Главным редактором был Расул-заде. Он же редактировал еще и социалистический журнал «Ёлдаш», который был запрещен полицией за ведение «революционной пропаганды». Расул-заде вынужден был бежать в Иран.

Расул-заде, хотя и был членом радикальных политических групп, не считал социалистический путь улицей с односторонним движением. Одновременно с активным участием в деятельности «Гуммета» он, к примеру, сотрудничал и с либеральным крылом националистического движения. Так, в 1905-7 гг. он был сотрудником пантюристской газеты «Иршад», издаваемой в Баку националистом-либералом Ахмедом Ага-оглу.

В Тегеране Расул-заде продолжал свою революционную деятельность — в августе 1909 г. он основал ежедневную газету «Иран-и-Нау», которая стала одной из наиболее влиятельных и популярных марксистских газет в столице Ирана. По данным специалиста по истории Азербайджана Тадеуша Светошовского*, Расул-заде был директором и главным редактором этого издания. Он обычно подписывал статьи псевдонимом «Нуш» («Жало»). В октябре 1911 газета «Иран-и-Нау» стала официальным органом Демократической партии Ирана. В мае 1912 г. русская дипломатическая миссия в Тегеране потребовала, чтобы иранские власти арестовали Расул-заде и депортировали его в Россию. Расул-заде бежал в Турцию.

---

* Tadeusz Swietochowski, *Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community* (Cambridge: University Press, 1985) p. 69.

В Стамбуле его политические взгляды претерпели драматические изменения. Под влиянием младотурок Расул-заде стал националистом и решительным сторонником пантюркизма, хотя и оставался радикалом и революционером, и никогда окончательно не отказывался от социалистических идей. В Турции он сотрудничал в известном журнале «Тюрк Юрду», вместе с русскими мусульманами-азербайджанцами Ага-оглу и Хусейн-заде, татарами Юсуфом Акчур-беем и Абдурашидом Ибрагимовым и др., — вынужденными покинуть Россию после 1908 г., когда начались столыпинские репрессии против мусульманского национального движения.

В начале 1913 г., благодаря амнистии политэмигрантам по случаю 300-летия династии Романовых, Расул-заде смог вернуться в Баку, где он стал президентом ведущей национальной политической партии «Мусават» («Равенство»), созданной в 1911 году в Елизаветполе (бывшей Гандже, сейчас — Кировобад). Расул-заде публикует статьи с изложением своих националистических идей — умеренно пантюркистских и автономистских, но не сепаратистских — в бакинских газетах либерального направления, в частности в газетах «Шилале» и «Дирилик», близких к политической линии мусаватистов.

Когда началась Первая мировая война, Расул-заде, понимая, что преждевременный конфликт между азербайджанцами и русскими властями приведет лишь к бессмысленной трагедии, вел себя как лояльный гражданин Российской империи. Ему позволили издавать в Баку газету «Ачык Соз» («Свободное слово»), — печатный орган пантюркистской и националистической ориентации, но поддерживающий русскую военную политику.

После Февральской революции Расул-заде выдвинулся в число лидеров мусульманского национального движения в России. На первом Всероссийском мусульманском съезде, проходившем в Москве 1 мая, он был главным оратором сторонников территориальной автономии для каждой мусульманской области в пределах Российского федерального государства. Против такой позиции выступали «унитаристы», возглавляемые осетином Ахмедом Цалико-

вым, которые были сторонниками экстратерриториальной национально-культурной автономии всех мусульманских наций в едином Российском государстве. «Федералисты», среди которых преобладали кавказцы, крымские татары, туркестанцы и башкиры и которых возглавлял Расул-заде, победили большинством в 446 голосов (против 271) «унитаристов», преимущественно казанских татар.

Как и в большинстве других мусульманских районов России, в Закавказье Февральская революция привела к углублению противоречий между мусульманами и немусульманами. Мусульманские политические партии — левая «Гуммет» и центристская «Мусават», — несмотря на различие платформ, сохраняли между собой спокойные и нейтральные отношения (возможные в значительной мере благодаря личным связям между лидерами этих партий — выходцами из одного и того же высшего слоя общества) и находились в оппозиции по отношению к местным Советам, которые почти целиком состояли из русских, армян и небольшого числа грузин. Два блока — умеренно-либеральный, представленный мусаватистами, и радикально-социалистический, представленный партией «Гуммет», были наиболее влиятельными в мусульманской общине. Оба были пантюркистскими и националистическими, оба связывали свои надежды с поражением России в войне и с «миром без аннексий и контрибуций». Оба стояли за автономию восточного Закавказья в составе Российского Федеративного государства. Сепаратистские тенденции еще не проявлялись. Лидеры мусаватистов все еще надеялись на возможность сотрудничества с демократической Российской республикой — надежды эти быстро увяли в следующем, 1918, году.

В мае 1917 г. «Мусават», соскальзывая вправо, объединился в одну партию с более консервативной и более умеренной Тюркской Федералистской партией, созданной в апреле 1917 г. в Гандже группой азербайджанских землевладельцев. Расул-заде был избран президентом новой партии — Тюркской Федералистской партии «Мусават».

Разделение мусульманской общины на два описанных выше политических направления вполне объяснимо наличием в Баку большого числа промышленных рабочих-мусульман, которые, хоть это и странно, были слабо

представлены в радикально-социалистической партии «Гуммет». В то же время Ислам оказался наиболее прочным цементирующим элементом, связывающим оба направления до Октябрьской революции и позже. Это было вызвано тем, что в Баку имелась сильная, хорошо организованная и довольно агрессивная армянская община, поддерживаемая русской властью, как царской, так и социалистической. Наличие сильного противника вынуждала всех мусульман, независимо от политической окраски их партий, создавать единый фронт перед лицом общего врага.

После Октябрьской революции три основных народа Закавказья — азербайджанцы, грузины и армяне — отказались признать новый советский режим. Вместо этого они образовали в Тифлисе Временное Закавказское правительство — «Закавказский Комиссариат» или *Закавком*, — которое просуществовало до мая 1918 г., когда состоящая из трех частей республика разделилась на три отдельные республики — Азербайджан, Грузию и Армению. Расул-заде был одним из представителей Азербайджана в *Закавкоме*.

События в это время развивались быстро. 31 марта 1918 г. местные большевики, при поддержке русских социалистов-революционеров, армянской милиции партии «Дашнакцутюн» и группы радикалов-мусульман из «Гуммета», попытались захватить власть в Баку. После жестокой борьбы, во время которой произошла массовая резня мусульманского населения и было убито от 3000 до 12000 человек*, власть перешла к большевикам, которые образовали правительство — «Бакинскую коммуну». Уцелевшие лидеры мусульманских националистов бежали в Ганджу, где в мае 1918 г. создали Национальный Совет Азербайджана и с этого времени стали рассчитывать не на русскую революцию, а на поддержку Турции.

Большевицкая «Бакинская коммуна» была свергнута при помощи переворота, который возглавили русские

---

* Цифру 3000 приводит большевик Степан Шаумян, один из вождей Бакинской коммуны (см. *Избранные произведения*, т. 2, с. 209). О 12000 жертв говорится в официальном отчете правительства Азербайджанской республики) см. «La Republique de l'Azerbaïdjan du Caucase», Париж, 1919, с. 19).

меньшевики и эсеры, поддерживаемые армянскими дашнаками. Мусульмане не участвовали ни в перевороте, ни в русско-армянском правительстве (*Диктатура Центрокаспия*), пришедшем на смену большевикам. 15 сентября 1918 г. части турецкой армии вступили в Баку. Вместе с ними пришли и отряды азербайджанцев из Гендже. Началась резня армян.

Расул-заде оставался руководителем партии «Мусават» и во время турецкой оккупации Баку, но в управлении городом не участвовал.

В ноябре 1918 г., в соответствии с Мудрасским соглашением о прекращении огня, турки покинули Баку и на их место пришли из Ирана английские воинские части под командованием генерала Томпсона. Сначала Азербайджаном совместно управляли англичане и мусульманское правительство, возглавляемое ханом Койским. В августе 1919 г. англичане вывели свои войска из Баку и Азербайджан стал суверенной национальной республикой. Он сохранял независимость до апреля 1920 г. Президентом новой республики был избран Мехмет Эмин Расул-заде.

Это было время, к сожалению — очень короткое, подлинной демократии. Всем политическим партиям и направлениям, от крайне правых религиозных фундаменталистов до ультралевых большевистских группировок (представленных «Гумметом» и иранскими коммунистами из партии «Адалат»), было гарантировано право выражать свои взгляды. Благоприятствие плюрализму, однако, не могло уберечь республику от опасности вторжения войск советской империи. Молодой демократический Азербайджан, покинутый своими бывшими турецкими и английскими союзниками, был оккупирован Красной Армией по ленинскому приказу в апреле 1920 г. Расул-заде арестовали и вывезли в Москву. Ему удалось бежать из Советской России в 1922. Он эмигрировал сначала в Германию, затем в Польшу, Румынию и, наконец, в Турцию. Умер Расул-заде в Турции в 1954 г.

В эмиграции Расул-заде написал несколько книг на разных языках, в том числе на французском, турецком, немецком, польском. Свою наиболее важную работу «О пантуризме в связи с Кавказской проблемой» (единствен-

ную работу, написанную по-русски) Мехмет Эмин Расулзаде опубликовал в Париже в 1930 г. В этой работе он, один из лидеров мусульман России, защищает стратегию мусульманского движения в Закавказье накануне революции и в годы гражданской войны, когда мусульмане тщетно пытались освободиться от русского господства и создать свой собственный национальный очаг — либо автономный в составе федеративного Российского государства, либо независимый.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

(НЕМЦЫ В РОССИИ И СССР)

Часть II *

Будто дикая орда кочевников хана Батыя вновь пронеслась по Заволжским степям и селам, ископытила всё вокруг и разграбила и, полонив всё живое, умчалась з гиком, воем и свистом в никуда. Пустые брошенные дома с распахнутыми дверьми и мертвыми глазницами окон, беспорядочно разбросанные вещи, битая посуда, остатки пищи на столах, портреты усатого вождя и учителя народов на голых стенах комнат, печи с холодной золой, остановившиеся часы с провисшими вниз на длинных цепочках гирьками — так выглядели все немецкие дома и села осенью 1941. По ночам в обезлюдевших темных селах слышался только вой собак и тревожное мычание скотины — животные искали своих внезапно исчезнувших хозяев.

Депортация немецкого населения, проводимая в форсированном темпе, нанесла государству ощутимый материальный ущерб. Вся экономика республики была разрушена. На полях осталось 44 % зерновых на корню, 56 % было скошено и обмолочено и лежало под открытым небом. Но если материальный урон поддавался исчислению в метрах, килограммах и рублях, то чем можно было измерить моральный ущерб, нанесенный советским немцам антиконституционным актом тотального принудительного выселения?..

Гнетущая тяжесть внезапно обрушившейся социальной несправедливости — огульного обвинения в пособничестве немецко-фашистским захватчикам и насильственного изгнания с родных мест — разом убила в них всё живое, чистое и здоровое и надолго погрузила в атмосферу абсурдного

---

* I часть — см. «Форум» N 14.

существования в окружении врагов, когда от тотального самоубийства спасал лишь природный инстинкт самовыживания. Эта антижизнь не вошла в официальную летопись, она трагически безвестна.

В различных местах Севера, Сибири, Урала, Алтая и Казахстана для немцев-переселенцев была отведена специальная черта оседлости, границы которой самовольно покидать строго воспрещалось. Сталинские гетто для немцев маленькими, но многочисленными островками располагались по самым дальним и глухим населенным пунктам. Местное население встречало немцев с молчаливой враждебностью. Во всех газетах был опубликован указ, где немцев изобразили как открытых пособников немецко-фашистских захватчиков. Поэтому к ним и относились как к изменникам.

Непривычный холодный климат, бытовая неустроенность и скудное питание — всё это вызвало в первую же зиму среди немцев-переселенцев высокую смертность больных, старых и детей. Никакой помощи на местах им не оказывали. Судьба советского немца зависела в эти годы от случайности: либо лагерный долгий срок за мифическую измену родине, либо гетто, либо трудовая армия. Разобщенность, безвестность и безнадежность судеб родных и близких — таков был их удел. Дети не знали, где их родители, жены не знали, где их мужья. И гибли они не на полях сражения за свою отчизну, а от голода и непосильной работы на шахтах, лесоповалах и в рудниках, от пуль охранников и произвола лагерной администрации. Да и можно ли было в такое время иначе поступать с явными и потенциальными шпионами и диверсантами фашистского вермахта, изменниками родины? — думали тогда и много позже рядовые советские граждане, фатально верившие в каждое слово обожествленного ими вождя.

В 1942 г. началась массовая мобилизация немцев-переселенцев в трудовые армии. Исключение делалось только для женщин, имеющих детей до трехлетнего возраста, и для подростков до шестнадцати лет.

Детей отбирали от родителей и отправляли в детские дома, а немощных стариков — в дома для престарелых. Обращение с немецкими детьми в детских домах было зачастую очень жестоким. Над ними глумились за незнание

русского языка, избивали просто за то, что они были немцы, отбирали и без того скудный паек.

Безвестность страданий детей немцев-переселенцев, затравленных в детдомах своими сверстниками и администрацией, опухавших от голода и побоев, насильственно оторванных от своих матерей, социально взрослевших под непрекращавшийся аккомпанемент брани и подзатыльников, плевков и оскорбительных кличек «фриц» и «фашист», — безвестность эта опасна и страшна тем, что не оставляет и капли надежды на восстановление социально-исторической справедливости. А их родители, ничего не зная об участи своих детей, валили лес, добывали уголь в шахтах, строили дороги, стояли у доменных печей. И их труд — вклад в дело победы. Но это всегда замалчивалось. Никогда ни слова благодарности в адрес сотен тысяч немцев-переселенцев лишь потому, что они принадлежали к той же нации, что и фашисты и огульно обвинялись в пособничестве им.

Трудовые армии из немцев-переселенцев формировались по всему тылу: на Урале и на Алтае, в Сибири и в Казахстане, на дальнем Севере и Востоке. На фронте, в действующих армиях, были штрафные роты. Солдаты и офицеры, попавшие туда волею случая имели очень мало шансов выжить. Большинство штрафников доживало лишь до первой атаки, потому что их бросали в самое гибельное место боев. Почти такими же штрафниками в трудармиях были немцы-переселенцы. В отличие от военных штрафников, которые искупали свою вину первой же кровью и жизнь которых определялась по принципу «либо голова в кустах, либо грудь в крестах», из трудармейских штрафников выжимали непосильной работой всё возможное и невозможное, и это истязание длилось годами. Большая часть немцев-переселенцев, попавших в трудармии, *погибла от болезней, голода и каторжной работы.*

У мобилизованных в трудармии немцев изымались все документы и они превращались, таким образом, в бессрочных заключенных, с тою лишь разницей, что в сталинские лагеря люди попадали по индивидуальным приговорам судов, а немцы-переселенцы находились здесь по общему национальному приговору самого вождя и учителя.

Мужчин и подростков, женщин и девушек прикрепляли к

шахтам, лесоповалам, рудникам и заводам. Для них строились специальные жилые зоны, которые охранялись и выход из которых разрешался только по пропускам. Свобода перемещения для немцев-трудармейцев строго ограничивалась — только на работу и обратно, в жилую зону. В зависимости от специфики работы для них устанавливалась определенная производственная норма выработки. Для тех, кто не выполнял ее, норма питания снижалась. Опоздание на работу или невыполнение нормы расценивалось как саботаж. По условиям военного времени это грозило длительным лагерным сроком. Из одной тюрьмы, чуть побольше, люди попадали в другую, чуть поменьше, но по сути их положение от этого почти не менялось.

Многие лагеря тогда спешно освобождались от заключенных. Их переводили либо на новые места, либо отправляли на фронт, кровью искупать свою вину перед родиной, а их места занимали трудармейцы из немцев-переселенцев. Они так же, как прежде заключенные, под конвоем ходили на работу, валили лес: летом — искусанные таежным гнусом, с гноящейся коростой на коже; зимой — в глубоком снегу с обмороженными конечностями. На обед они так же, как и зеки, собирались у костров, пили кипяток из растопленного снега, жарили пайки черствого хлеба и жадно заглатывали их вместе с сукровицей, обильно истекавшей из распухших цинготных десен. В сумерках они опять возвращались в жилую зону, получали благодатную горячую баланду и засыпали до следующего утра мертвым сном. Кто не выполнял норму дневной выработки, получал меньше баланды и со спазмами в желудке ложился на голые деревянные нары, отшлифованные до трудармейцев боками многих поколений зеков. По ночам в забитых людьми бараках стояла удушливая вонь от немых тел, грязного белья и испражнений. Каждое утро около проходной набиралось с десятков трупов. Их зарывали неподалеку от жилой зоны в общую яму. Сколько таких безымянных могил рассеяно по окраинам России — могил, которые не называют братскими и не украшают цветами.

Не лучшая доля была и у тех немцев-трудармейцев, что попали на шахты и рудники. Стране нужен был не только лес,

но и уголь, руда и цветные металлы. Круглосуточно, глубоко под землей или открытым способом, шла добыча этого драгоценного сырья для военной промышленности. Даже очень физически выносливые люди долго не выдерживали эту каторжную работу: трудиться приходилось по 10-12 часов в день при очень скудном питании. Очень скоро трудармейцы вместе с угольной и свинцовой пылью начинали выхаркивать кровавые сгустки разъеденной легочной ткани.

Суровый и непривычный климат, изнурительная работа, скудное питание вкупе с глубокой депрессией, вызванной социальной несправедливостью, — всё это очень быстро истощало людей и делало их непригодными к труду. Самое большее число доходяг поставляли лесоповалы, шахты, каменные карьеры, рудники. Специальная медицинская комиссия активировала их. Те, у кого не было родственников, умирали в больницах. Иногда доходяги, дотянув до лета, все же чудом выживали. Почти без зубов, кровоточащими от цинги деснами они жевали все подряд, словно травоядные животные, и природа возвращала им жизненные силы. Удачнее была судьба тех, кого забирали родственники и успевали полуживыми привезти домой, а там общими усилиями всех близких ставили их на ноги.

*

Но вот, наконец, пришла и долгожданная победа. Советские немцы так же радовались ей, как и все те люди на земле, что в той или иной форме боролись с фашизмом и способствовали в конечном итоге его поражению. Но двусмысленное положение, в которое были поставлены советские немцы, позорное обвинение в пособничестве немецко-фашистским захватчикам — всё это вносило определенный нюанс в их настроения.

Проходило время. Положение немцев-переселенцев не менялось. Разве что стали прибывать в сталинские, уже обжитые, гетто немцы, по разным причинам не попавшие в общий переселенческий поток 41-го года. И женщин стали постепенно отпускать из трудармий. Месяцами приходилось многим из них разыскивать своих детей по детским домам, да и других родных, от которых не было вестей за все эти

годы вавилонского столпотворения. Наконец, через три года после войны, вождь и учитель народа определил дальнейшую участь неистребленных в годы войны немцев-переселенцев. С 26 ноября 1948 г. все немецкое население было поставлено под тотальный гласный надзор МВД и официально именовалось теперь спецпоселенцами. Для осуществления административного надзора за спецпоселенцами были созданы так называемые спецкомендатуры, в которых все ссыльные немцы, достигшие совершеннолетия, должны были ежемесячно отмечаться. Покидать гетто без разрешения комендатуры спецпоселенцам категорически воспрещалось. Виновных в нарушении этого запрета привлекали к уголовной ответственности.

Так в середине XX века в стране, провозгласившей себя символом свободы и социального равноправия, почти два миллиона советских немцев были лишены элементарных гражданских прав. Еще раз чужая жестокая воля перекраивала их жизнь по заданной мерке.

Судьба немцев в сталинских гетто всецело определялась произволом и прихотью комсндантов. Безграничная власть быстро развращала и портила их, превращая в самодуров и капризных тиранов. Они безнаказанно творили суд и расправу над немцами-спецпоселенцами, обращаясь с ними, как со своими крепостными. Скольким женщинам приходилось из страха за судьбу своих близких ублажать похоть этих сытых жеребцов в мундирах МВД и жить потом с ощущением своей телесной оскверненности.

Возникает вопрос: почему Сталин ввел спецкомендатуру для советских немцев спустя три года после войны? Если их высылка в условиях войны, согласно официальной версии, носила сугубо превентивный характер, то после ее победоносного окончания советские немцы не могли уже представлять никакой опасности для государства. Ответ может быть только один: в первую очередь для того, чтобы не допустить возвращения немцев в свои родные края. Без этого жесткого правового ограничения немцев невозможно было бы удержать в опостылевшей ссылке, и они, несомненно, устремились бы назад, в Поволжье.

Логично предположить, что решение Сталина сохранить за немцами статус спецпоселенцев обуславливалось

двумя главными соображениями — экономическими и ассимиляторскими. Допустить, что вождь и учитель, проводя в жизнь это неблагоприятное мероприятие, руководствовался одним лишь чувством мести к советским немцам за пережитый им в начале войны страх, было бы не совсем корректно, хотя факт установления бессрочной ссылки и тотального гласного надзора за ними сам по себе уже дает повод для такого толкования. Ведь Сталину-то хорошо было известно, что сотни, тысячи немецких шпионов и диверсантов в республике немцев Поволжья, ждущих якобы сигнала из Германии для обширных диверсий—это не что иное, как миф, рассчитанный на доверчивого советского обывателя. А миф этот понадобился Сталину для того, чтобы убрать подальше от стремительно надвигавшегося фронта советских немцев, в политической благонадежности которых вождь и учитель вдруг засомневался. Такое тяжкое обвинение немцев и их депортация обуславливались не только чрезмерной подозрительностью Сталина (в принципе «вождь» не верил никому), но и критической ситуацией первых дней войны: развалом фронтов, окружением целых армий и массовой сдачей в плен. Всё это в совокупности и сыграло роковую роль в судьбе советских немцев.

В годы войны значительная часть тяжелой промышленности была сконцентрирована в Сибири, северном Казахстане, на Севере и Урале. Как раз в этих географических пределах и располагались обширные сталинские гетто с немецким населением. Сразу после войны начался большой отток людей из Сибири и Урала в европейскую часть страны для восстановления разрушенных населенных пунктов и экономики. Многочисленные промышленные предприятия, шахты, рудники, заводы и лесоповалы в отдаленных районах страны остро нуждались для своего нормального функционирования в рабочей силе. Поэтому и понадобились немцы-спецпоселенцы. Места их прежнего поселения были за это время уже частично заняты и экономика там, хотя и с трудом, но развивалась.

Но не только из-за этого советские немцы обрекались на бессрочную ссылку. Ненависть к немцам, усиленно культивировавшаяся официальной советской пропагандой в годы войны, пустила свои глубокие ядовитые корни в сознании

общества. Атмосфера всеобщей враждебности и нетерпимости ко всему немецкому как нельзя лучше благоприятствовала замыслу Сталина ассимилировать советских немцев. Вот почему ссылка немцев стала вечной. Живя в разбросанных небольшими островками среди иноязычного народа гетто, немцы объективно не смогли бы сохранить долго свой язык, культуру, национальное самосознание, свой уклад жизни. Ассимиляция в таких условиях становилась неизбежной.

Так проходили год за годом — в душливой атмосфере слезки, запретов, унижений и доносов. Подрастало уже новое поколение немцев с атрофированным национальным самосознанием и гипертрофированным комплексом национальной вины — поколение конформистов, отказавшихся от родного языка и культуры своих предков. Под зорким оком бдительных надзирателей это замордованное поколение должно было вплетать свой неуверенный голос в общий казенно-оптимистический многонациональный хор советского народа. И они натужно пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Они пели, хотя были лишены самых элементарных человеческих прав, пели, задавленные дискриминацией, пели, хотя нечем было дышать от социального зловония сталинских гетто.

*

Наступил 1953 год. Умер Иосиф Сталин — палач и деспот. Надзиратели проливали слезы, поднадзорные молчали. Страна притихла в смутном ожидании больших перемен. Появились надежды на возвращение в свои прежние места жительства и у немцев сталинских гетто. Иллюзия, что все их беды и несчастья, массовая гибель ни в чем не повинных людей связаны только с именем Сталина, а не вытекают из самой структуры политической системы тоталитарного коммунистического государства, — иллюзия эта разделялась большинством советских немцев. Они полагали, что после смерти Сталина им не только вернут все гражданские права, но и восстановят автономную республику.

13 декабря 1955 года появился указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в

правовом положении спецпоселенцев-немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»:

«Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев-немцев и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны, а также немцев-граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничения по спецпоселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в те места, откуда они были выселены.»

Указ развеял иллюзии немцев о возвращении. Двусмысленность указа очевидна, и левая рука в данном случае знала, что делает правая, ибо, отменив одно правовое ограничение (административный надзор по линии МВД), власти предрержащие оставили в силе ряд других правовых ограничений, в том числе и запрет возвращаться на те места, откуда немцев выселили. Дискриминационный характер указа свидетельствовал о том, что новая партийно-правительственная верхушка намерена проводить по отношению к советским немцам ту же политику, что и во времена Сталина, лишь несколько смягчив ее некоторыми уступками.

Итак, сталинские гетто для немцев были, наконец-то, аннулированы, комендатура упразднена, персонально-семейные регистрационные дела уничтожены. После долгих лет тотального надзора и жестких запретов советские немцы получили относительную свободу в плане миграции в пределах района, области и значительной части страны. Эта полумера со стороны правительства в отношении частичного восстановления немцев в правах была обусловлена начавшейся либерализацией общественной жизни страны.

Можно было ожидать, что немцы, после дарованной им ущербной свободы, устремятся теперь общей массой из опостылевшей им ссылки поближе к своим родным местам — по закону им запрещалось возвращаться лишь непосред-

ственно в те места, откуда они были выселены. Но власти предусмотрели и такое обстоятельство. Все попытки немцев как-то обосноваться на Волге кончались полным фиаско: либо им предлагали добровольно покинуть этот район или область, либо их насильственно выдворяли. И немцы устремились кто куда, по принципу «рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». Распыление немецкого населения по всей стране отвечало интересам правительства, так как это способствовало процессу ассимиляции советских немцев и снимало вопрос о восстановлении национальной автономии. Возникший вскоре после указа по инициативе Хрущева «целинный бум» увлек значительную часть депортированного немецкого населения, проживавшего в Казахстане и на Алтае. Национальная трагедия еще не стала общей болью немецкого народа.

Оттепель и либерализация незаметно делали свое дело. В январе 1957 г. на сессии Верховного Совета СССР был рассмотрен вопрос о положении некоторых национальных меньшинств (чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и карачаевцев), незаконно, вопреки конституции, выселенных в 1944 г. в Сибирь и Казахстан по обвинению в пособничестве фашистской Германии. Как отмечалось на сессии, допущенные во времена культа Сталина в отношении этих народов «ошибки» были исправлены: им восстановили автономные республики и отменили все правовые ограничения, наложенные на них в соответствии с обвинением. О советских немцах не было сказано ни слова. Надо полагать, что в партийно-правительственных кругах в то время еще господствовало мнение, что советские немцы действительно сплошь и рядом были если не диверсантами и шпионами, то молчаливыми пособниками фашистов. Поэтому-де они несли заслуженную кару и не имеют морального права на восстановление национальной автономии. Лишь постепенно, по мере расследования всех злодеяний Сталина и его подручных, были получены доказательства невинности советских немцев.

Официальная реабилитация советских немцев состоялась лишь в 1964 году. 29 августа был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР, где было сказано:

«В указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немецко-советских граждан — были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

Жизнь показала, что эти огульные обвинения были необоснованными и являлись проявлением произвола в годы культа личности Сталина. В действительности в годы войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе советского народа над фашистской Германией, а в послевоенное время активно участвует в коммунистическом строительстве.

Благодаря большой помощи коммунистической партии и Советского государства немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства и пользуется всеми правами граждан СССР. Советские граждане немецкой национальности добросовестно трудятся на предприятиях, в совхозах, колхозах, учреждениях, активно участвуют в общественной и политической жизни. Многие из них являются депутатами Верховных и местных Советов депутатов трудящихся РСФСР, Украинской, Казахской, Узбекской, Киргизской и других союзных республик, находятся на руководящих должностях в промышленности и сельском хозяйстве, в советском и партийном аппарате. Тысячи советских граждан немцев за успехи в труде награждены орденами и медалями СССР, имеют почетные звания союзных республик. В районах ряда областей, краев и республик с немецким населением имеются школы, где преподавание ведется на немецком языке, проводятся другие мероприятия для немецкого населения.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»... в части, содержащей огульное обвинение в отношении немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, отменить.

Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краев и областей страны, а районы их прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам министров союзных республик и впредь оказывать помощь, содействовать немецкому населению, проживающему на территории республики, в

хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов.»

Итак, мифическое обвинение в пособничестве немецко-фашистским захватчикам, так долго тяготевшее над советскими немцами, было, наконец-то, снято. Но наказание, как это ни парадоксально, было оставлено. В указе говорилось только о снятии огульного обвинения в отношении немецкого населения районов Поволжья. Ни слова не говорилось о восстановлении республики немцев Поволжья и, следовательно, снятии запрета на возвращение на прежние места жительства. Вместо этого советским немцам были обещаны весьма расплывчатые культуртрегерские мероприятия. Грубая и открытая дискриминация сменилась рафинированной, но в основе политики властей по отношению к немцам лежали те же ассимиляторские цели. Корни этой политики уходят во времена царской России. Этнические советские немцы — как исторически сформировавшаяся на основе языка, территории, экономики и психологии общность людей — ставились в такие социальные условия, когда утрата национального самосознания и языка — тела национальной культуры — была делом абсолютно предрешенным.

Демагогическое же заявление, содержащееся в указе, будто советские немцы благодаря помощи коммунистической партии и Советского государства укоренились на новых местах жительства и пользуются всеми правами советских граждан, — беспрецедентно по своей наглости и лжи. Только отсутствие гласности в тоталитарном коммунистическом государстве делало возможным такое заявление.

*

1964 год стал отправным пунктом в истории национально-правозащитного движения советских немцев, началом пробуждения национального самосознания.

Была сформирована инициативная правозащитная группа немцев из различных районов страны, которая должна была добиться приема в ЦК КПСС или правительстве для переговоров о восстановлении национальной автономии. Среди немцев был также организован сбор подписей,

которые наглядно свидетельствовали бы о единодушном их желании обрести свой прежний национальный статус. Каждая семья оказывала посильную денежную помощь для поездки делегации в Москву. В январе 1965 г. инициативная группа прибыла в Москву. В нее входили коммунисты, комсомольцы, беспартийные, рабочие, колхозники и интеллигенция, а также бывшие партийно-правительственные аппаратчики АССР НП и участники гражданской войны. Редакция «Ноес Лебен» очень любезно встретила членов делегации и даже предоставила им помещение для коллективного обсуждения тактических и организационных вопросов. Администрация редакции по всей вероятности полагала, что в правительственных кругах к вопросу о восстановлении республики немцев Поволжья относятся благожелательно и стремилась хотя бы морально поддержать это благое начинание.

Логично предположить, что Хрущев, издав указ о политической реабилитации советских немцев, мог бы и не остановиться на этом. При всех своих волюнтаристских наклонностях и традиционно марксистском догматизме, Хрущев мог бы всё же пойти на восстановление республики немцев Поволжья хотя бы потому, что это соответствовало бы, в принципе, проводимой им линии десталинизации во всех сферах общественной жизни. Но вскоре после опубликования указа о реабилитации советских немцев его сместили с поста.

Правительство Брежнева стало в целом замораживать процесс десталинизации, принесший в свое время большую популярность Хрущеву, и это обстоятельство с логической неизбежностью привело к крутой переориентации как во внешней, так и во внутренней политике государства.

В этот сложный период смены партийно-правительственной номенклатуры и прибыла как раз в Москву первая правозащитная делегация советских немцев. Она приехала не требовать, а просить. Это обстоятельство и свело в дальнейшем все усилия делегации на нет. В то время в обществе не было еще открыто выраженного инакомыслия, сдвиг в эту сторону только намечался. Тем более не могло быть и речи о какой-то открытой конфронтации со стороны советских немцев в тот период, ибо память о терроре и страх парализовали целое поколение.

Инициативная группа обратилась с коллективным заявлением к Первому Секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу и Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну, прося принять их по вопросу о полной реабилитации советских немцев и восстановлении национальной автономии:

«Мы выражаем партии и Советскому правительству нашу искреннюю благодарность за снятие с советских немцев клеветнического обвинения в пособничестве немецко-фашистским захватчикам, выдвинутое во времена Сталина, и твердо надеемся на то, что и все последствия этого клеветнического обвинения (ликвидация республики немцев Поволжья и запрет на возвращение на свои родные места) будут отменены как антиконституционные и не соответствующие духу марксизма.

Мы также считаем своим долгом обратить внимание ЦК КПСС и Советского правительства на то обстоятельство, что ряд утверждений, содержащихся в указе от 29 августа 1964 г., пока не соответствуют действительности. Так, например, у нас нет национальных школ для детей немецкой национальности, нет своих представителей в Совете Национальностей, крайне неудовлетворительно поставлено (или вовсе отсутствует) преподавание немецкого языка как родного, а также политико-воспитательная и культурно-массовая работа на немецком языке. Все попытки по налаживанию и проведению этой работы, чрезвычайно затрудненные и без того в условиях разбросанности и распыленности немецкого населения, повсеместно наталкиваются на глухую стену сопротивления и вызывают необоснованное обвинение в национализме и самоизоляции. Далее, участие советских немцев в общественно-культурной и политической жизни страны сведено почти на нет, кроме, разумеется, производственной сферы, в силу как их общего низкого образовательного уровня, так и дискриминационного гражданского положения в обществе.

Мы считаем, что выразим общее мнение не только советских немцев, но и всех братских народов нашей многонациональной страны, заявляя честно и открыто перед ЦК КПСС и Советским правительством следующее: единственно справедливым решением всех проблем советских немцев может быть только восстановление автономной республики. Только этот акт может разом покончить со всеми формами дискриминации, решить все наболевшие вопросы о

культуре, школах и языке и остановить неизбежную деградацию немцев как национальной общности.

До ликвидации республики в ней насчитывалось 170 национальных средних школ, 11 техникумов, три рабфака и пять вузов. Кроме того имелись многочисленные колхозные клубы, дома культуры, немецкий театр, массовыми тиражами издавались газеты, журналы и книги на немецком языке. Теперь целое поколение немцев не смогло получить даже начального образования и растет совершенно неграмотным. И не только войной обусловленно это обстоятельство, но и правовым положением советских немцев. Эти негативные явления наложили неизгладимый отпечаток на психологию немецкого народа: чувство неполноценности и выброшенности из общества.

Когда XX съезд партии и последовавшие за ним государственные акты исправили историческую несправедливость, допущенную в отношении некоторых национальных меньшинств во время войны, то советские немцы были обойдены молчанием, хотя они наиболее сильно пострадали от этой несправедливости. К советским немцам не относились слова, сказанные тов. Горкиным на заседании Верховного Совета СССР: «ЦК КПСС и правительство СССР, руководствуясь решением XX съезда партии, в котором с особой силой подчеркивается, что равноправие и дружба советского народа составляют незыблемую основу могущества и непобедимости советского государственного строя, осуществили меры по реабилитации выселенных народов и исправили допущенную в отношении их несправедливость.»

В конце 50-ых годов для советских немцев появились две малоформатные газеты, был также принят закон о преподавании немецкого языка как родного (начиная со 2-го класса), возникли первые кружки художественной самодеятельности, изредка стали читаться лекции на немецком языке. Но все эти культурные мероприятия сами по себе не могут изменить общественное положение советских немцев, кроме того, они ничтожно малы и проводятся в таких условиях, когда разумный контроль за качеством репертуара и тематикой подменяется мелочной опекой, а также скрупулезным подсчетом процента русских и немецких номеров программы. Во всем этом, несомненно, сказывается атмосфера всеобщего недоверия к советским немцам, корни которого имеют давнее прошлое. Советские немцы, которых продолжают отождествлять, явно и неявно, с немцами-фашистами, ощущают

внутренне постыдное чувство причастия к мировому преступлению, совершенному немецкой нацией.

Преподавание родного языка по так называемой расширенной программе пущено всюду на самотек и расценивается директорами школ как ненужная обуза.

Фактическое положение советских немцев характеризуется и тем, что у них нет своих представителей в Совете Национальностей, что число немцев, занимающих руководящие должности в советском и партийном аппарате (как правило не выше районного масштаба), непропорционально мало по сравнению с численностью населения; что трудовые дела и быт советских немцев почти не находят отражения на страницах общесоюзной и республиканской печати; что за истекшие 20 лет появился только один сборник стихов и рассказов советско-немецких писателей; что все видные деятели культуры бывшей автономной республики преданы забвению, а само понятие советско-немецкий народ совершенно исчезло из официального обихода.

При существующей распыленности немецкого населения и непрекращающейся миграции внутри страны даже самое благосклонное отношение и поддержка местных органов власти не могли бы обеспечить возможность создания немецких школ, народных ансамблей и театров, так как для этого требуется материальная база значительных размеров.

Для сохранения и развития национальной культуры нужна национально-государственная автономия. Только в таких рамках все проблемы могут постепенно найти свое адекватное решение. Мы заверяем, что экономические затраты, которые повлечет за собой этот государственный акт, не лягут чрезмерным бременем на общественный бюджет, ибо восстановление республики можно осуществлять поэтапно. Зато огромный политический, моральный и трудовой энтузиазм, которым ответят советские немцы на восстановление республики, сторицей окупит все материальные расходы».

Руководителям инициативной правозащитной группы советских немцев Борнеману и Михелю сказали в ЦК, что их заявление рассматривается сейчас в ЦК и Верховном Совете и что, возможно, их примут в ближайшее время для беседы.

Наконец, их известили о том, что их примет А. Микоян — глава государства.

На встрече с Микояном Н. Борнеман сказал от имени делегации:

Мы ставим вопрос о восстановлении автономной республики немцев Поволжья. Раз партией и правительством признано, что советских немцев огульно обвиняли в пособничестве немецко-фашистским захватчикам, то чем тогда объяснить, что политическое обвинение с нас снято, а наказание оставлено в силе? Почему в силе остается до сих пор указ от 13 декабря 1955 г., согласно которому советским немцам запрещено возвращаться на старые места жительства, откуда они выселялись во время войны? Их сейчас не прописывают там и насильственно выдворяют оттуда. Получается так, что советские немцы до сих пор несут наказание лишь за то, что принадлежат к той же нации, что и фашисты. Такое нелепое отождествление привело к тому, что все национальные институты немцев Поволжья были разрушены, а сами они опорочены рядом правительственных указов, которые фактически не отменены до сих пор. Указ же о реабилитации советских немцев почему-то не опубликован нигде в центральных газетах и совершенно неизвестен общественности. Разве не все советские люди должны знать правду о советских немцах? Ленин учил, что партия не должна ничего скрывать от своего народа, только тогда партия и народ будут едины. Как мы можем называть себя строителями коммунизма, считать себя равноправными гражданами советского общества, если лишены многих элементарных человеческих прав и подвергается дискриминации?

А. Микоян: Указ от 29 августа 1964 г. опубликован в немецких газетах. Я дам указание, чтобы его напечатали и в центральных газетах. Вопрос о восстановлении автономии сложен и, конечно, вполне естественен. В существовавшей немецкой автономной республике было 350 тысяч немцев. Остальные проживали на Украине и в других местах Советского Союза. Собрать сейчас воедино всех немцев и создать для них автономку практически невозможно. Можно сохранить немецкую культуру, создать немецкие средние школы в местах, где сконцентрировано немецкое население, можно выпускать литературу на немецком языке и т. д., но немецкую автономную республику восстановить сейчас невозможно.

Р. Кельн: Имеем ли мы право на автономное самоуправление?

А. Микоян: Конечно, вы имеете такое право, но у вас, т. е. у советских немцев, нет для этого своей территории.

Р. Кельн: У нас находятся такие теоретики, которые утверждают, что у советских немцев потому-де нет своей национальной автономии, что большинство представителей этой национальности находится за пределами СССР и имеют там свою государственность.

А. Микоян: Это неверно и представляет путаницу. Нет никаких оснований смешивать немцев-граждан СССР с немцами, проживающими за пределами нашей страны.

Р. Кельн: Нас угнетает не только то обстоятельство, что мы лишены национально-государственной автономии, но и тот факт, что немцев не пускают в те места, откуда они выселялись. Ведь никто из вернувшихся немцев не стал бы предъявлять никаких материальных или иных претензий местным властям, тем более жителям, поселившимся в их домах.

А. Микоян: Ограничения мы можем снять. Немцы имеют право жить везде, где им хочется.

Н. Дельва: У нас практически нет школ, где преподавание велось бы на немецком языке. Это обстоятельство приводит постепенно к забвению родного языка и культуры. Только восстановление республики может разрешить все эти проблемы.

Г. Михель: Я был во многих селах на Волге. Около 40% бывших сельских зданий разрушено и не восстанавливается до сих пор. Рабочих рук в сельской местности не хватает. Но немцам прописку там всё равно не разрешают.

М. Борнеман: На Волгу приезжают после службы в Советской армии демобилизованные солдаты немецкой национальности и их не прописывают там лишь потому, что их родители жили в этих местах до своей высылки. Интересно, до каких пор это может продолжаться? Ведь, как известно, всякому терпению приходит конец.

А. Микоян: Поручу Президиуму Верховного Совета СССР разработать ряд мероприятий по снятию ограничений в прописке. Немцы хорошо вели себя во время войны, честно работали и сейчас отлично трудятся в народном хозяйстве. Мы их по заслугам награждаем. Надо сказать, что очень редко рассматриваем уголовные дела о преступлении советских немцев, а преступлений у нас еще очень много.

На этом Микоян закончил свою беседу с делегатами и,

сославшись на неотложные дела, завершил аудиенцию. Прием длился всего сорок минут. С чувством неудовлетворенности покидала инициативная группа кремлевские апартаменты главы советского государства.

Велико было возмущение немецкого населения, когда им стали известны результаты переговоров делегации с Микояном. Здравый немецкий рассудок никак не мог понять, что против восстановления автономии могут быть выдвинуты какие-то серьезные возражения со стороны правительства.

В адрес партийно-правительственных инстанций посыпались протесты немцев против дискриминационного решения не восстанавливать республику немцев Поволжья. Всюду, где была большая концентрация немецкого населения, проводились собрания, вновь собирались подписи за восстановление автономии. Местные органы власти по указу сверху всячески пытались то уговорами, то угрозами погасить вспыхнувшие среди советских немцев страсти.

И вот после тщательного отбора была сформирована вторая делегация из тридцати человек, представлявшая всё немецкое население, разбросанное по разным районам страны. В июне 1965 г. эта весьма представительная национально-правозащитная инициативная группа приехала в столицу, чтобы добиться восстановления республики. Встречена она была весьма недоброжелательно. Редакция газеты «Ноес Лебен» уже больше не предоставляла помещение для обсуждения совместных действий. Более того, администрация газеты вообще отказалась от контакта с правозащитной группой. В приемных ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР им давали весьма уклончивые ответы, сотрудники КГБ настойчиво советовали разъезжаться по домам и там ждать решения дела. Брежнев отказался принять делегацию, ссылаясь на свою перегруженность работой. А Микоян поручил передать, что ничего нового по вопросу о восстановлении автономии советским немцам он сказать не может.

Но как ни пытались уговорить делегатов вернуться домой и там ждать решения исхода дела, они оставались в Москве. Видя такую настойчивость и учитывая сильное брожение среди советских немцев, в партийно-правитель-

ственных кругах было принято все же решение принять делегацию. Вести переговоры с советскими немцами было поручено второстепенному номенклатурному работнику — заведующему приемной Президиума Верховного Совета СССР А. Копенкину. Поэтому встреча имела больше тактический, нежели конструктивный, характер. Дело не сдвигалось с места.

Получая очень много заявлений от граждан немецкой национальности из различных районов страны с просьбами и протестами, предложениями и советами по поводу восстановления автономной республики немцев Поволжья, партийно-правительственная верхушка пыталась применять тактику лавирования и прибегать к туманным обещаниям, чтобы разгоревшиеся среди немецкого населения страсти не перехлестнули через край и не приняли форму открытой конфронтации. Властям необходимо было выиграть время и определить размах национально-правозащитного движения советских немцев.

Письменно и устно раздавались обещания — мол, вопрос о восстановлении республики рассматривается, необходимо только время, потому что вопрос этот очень сложный для государства и т. д. и т. п.

Ничего не изменила и встреча членов делегации с номенклатурными работниками ЦК КПСС, приема с которыми они наконец-то добились, после долгих просьб и хождений по различным приемным.

На членов делегации стали оказывать прямое давление как работники ЦК КПСС, так и КГБ. Многих выселяли из гостиниц и им приходилось ночевать на вокзалах. Некоторые, не выдержав давления и потеряв надежду, уезжали домой. Но костяк делегации держался. Лидеры правозащитного движения советских немцев были полны решимости еще раз добиться приема либо у главы партии, либо у главы государства. Им казалось невероятным, что после последних съездов и изменений в общественной жизни страны, а также после восстановления автономных республик ряда национальных меньшинств, необоснованно репрессированных в годы культа личности Сталина, руководители партии и советского правительства могут выдвигать какие-то меркантильные соображения, отказываясь восстановить автоно-

мию советских немцев. И при этом прибегают к софистике, демагогии и прямой фальсификации.

Наконец, 7 июля 1965 г. делегация советских немцев, к тому времени значительно поредевшая, вторично была принята А. Микояном.

А. Микоян: Здравствуйте, товарищи! Давайте еще раз обсудим ваш вопрос. Кто из вас будут говорить?

И. Шесслер: Анастас Иванович! Нового мы ничего не скажем. Вам уже достаточно и так известны все наши обращения и в партийные и в правительственные инстанции по поводу восстановления автономной республики немцев Поволжья. Ответы мы получаем, как обычно, уклончивые. Ссылаются либо на то, что сейчас это невозможно сделать, либо говорят, что у нас нет территории для совместного проживания и т. д. и т. п. Мы считаем такие ответы необоснованными. Здесь может быть только один верный марксистско-ленинский подход — восстановление республики.

К. Вельц: Анастас Иванович! Сколько же может терпеть немецкий народ? Есть отдельные немецкие семьи, которые переселялись с места на места по семь-восемь раз. И каждый раз это сопрягалось с унижением и страданием. Было время, когда ссыльных немцев-коммунистов водили под конвоем на партсобрания. Но ни произволы, ни повседневные унижения не истребили в нас веру в коммунистическую партию. Мы хотим только одного: быть равноправными с другими нациями, иметь свою автономную республику. Еще до революции Ленин писал: «Несомненно, что для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым национальным составом, причем, к этим округам могли бы «тяготеть» и вступать с ними в сношения члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны. Всё это бесспорно, всё это можно оспаривать только с заскоружлой бюрократической точки зрения».

А. Берш: Не думайте, Анастас Иванович, что восстановления республики хочет только какая-то незначительная часть немецкой интеллигенции. У нас есть с собой подписи различных людей и, если нужно, мы доведем их до миллиона.

Хочу сказать несколько слов о положении на Волге. Судя по приему у тов. Копенкина и в ЦК КПСС, мы сделали вывод,

что Вас неправильно информируют о действительном положении дел. Я—с левобережья Волги, там очень много сел разрушено и почти не заселено. Но советских немцев там всё равно не прописывают.

А. Микоян: Разве не прописывают?

А. Берш: Нет.

А. Хромова: Я мать, у меня есть дети и я отношусь к ним одинаково. Наше социалистическое государство—многонациональная сплоченная семья. Партия и правительство не имеют права относиться по-разному к составляющим эту единую семью национальностям. Но к советским немцам вы относитесь как к пасынкам, не достойным ни любви, ни уважения. Мы пришли к вам, чтобы напомнить, что мы не можем больше жить так — неравноправными гражданами в братской многонациональной семье Советского государства. Мы пришли к вам потому, что не утратили веру в партию и правительство, потому, что надеемся на восстановление республики. На нашей стороне Конституция, Программа партии и ленинские принципы национальной политики.

Почему продолжают нас до сих пор запугивать и угрожать на местах за то, что мы добиваемся восстановления республики?

А. Микоян: Какие у вас есть факты?

А. Хромова: Одному из членов нашей делегации, уехавшему домой (у него кончился отпуск), сейчас предлагают отказаться от всякого участия в движении за восстановление республики, в противном случае ему угрожают увольнением с работы. Аналогичный случай происходит с преподавателем С. Руль из Новосибирской области — посредством грубого нажима и запугивания его пытаются заставить отказаться от участия в этом национально-правозащитном движении.

Надо сказать, что то небольшое, что обещано советским немцам в указе, на местах не выполняется. Нас обвиняют в национализме, но националист тот, кто зажимает национальные права, а не тот, кто добивается их. Не может быть подлинного гражданского равноправия без национального равноправия.

И. Варкентин: Вы предлагаете, Анастас Иванович, называть конкретные факты дискриминации и оскорбления советских немцев на национальной почве, но перечислять отдельные примеры всегда рискованно.

А. Микоян: Здесь никакого риска нет.

И. Варкентин: Извините, Анастас Иванович, я не в этом смысле. Это рискованно потому, что сколько бы не называлось отдельных фактов, они всегда могут быть истолкованы как несущественные, случайные, как исключение.

А. Микоян: Назовите несколько таких фактов.

И. Варкентин: Хорошо. Алма-Ата, октябрь, 1964 г. Молодой человек сдает экзамен в аспирантуру. В комиссии четыре профессора. Вопросы к экзаменуемому: «Вы немец? А ваш отец был фашистом? Посылки из ФРГ получаете?» Один из профессоров просит своих коллег не задавать подобных вопросов, но безуспешно. В аспирантуру молодой человек, конечно, не прошел.

Декабрь, 1964 г., Фрунзе. Угрозы в адрес Хромовой, которая присутствует здесь, а также ряда других товарищей за участие в движении за восстановление республики. Их неоднократно вызывали в КГБ и угрожали принять самые жесткие меры, если они не прекратят свои действия по восстановлению республики.

Май, 1965 г., Барнаул. Сносу подлежит старый барак. Все спокойно ждут переселения в новый дом, в том числе и единственная немецкая семья, проживавшая в этом доме. Но за ней приезжает машина и старую мать с дочерью и маленьким внуком перевозят насильно в старый барак. Причем, соседи комментировали этот инцидент так: «Правильно, нечего фашистам в новых домах делать».

Хотя эти факты касаются отдельных лиц, но в целом такая нездоровая атмосфера подозрительности, недоверия и злобы создана вокруг всех немцев, тем более тех, кто в той или в иной мере связан с правозащитно-национальным движением.

А. Микоян: Думаю, что высказываний было достаточно. Вы ставите вопрос о восстановлении республики. Мы хорошо понимаем, что это было бы лучшим решением вашего вопроса. Но сейчас это просто невозможно: массовое переселение людей нарушит прочно сложившиеся за эти истекшие годы экономические и культурные связи в различных районах страны и вызовет дополнительные трудности различного порядка. В целинном крае вести сельское хозяйство без немцев сейчас просто невозможно. Да и нельзя считать, что советские немцы не могут жить без

республики. Ведь до войны большая часть немцев проживала вне республики и жила хорошо. Мы не можем при существующем сейчас внутри страны положении пойти на восстановление республики. Не всё исправимо из тех ошибок, которые были допущены в прошлом.

У вас есть теперь депутат в Верховном Совете СССР — Беккер. Конечно, этого недостаточно, мы увеличим их число. Что касается культурных мероприятий (газет, журналов, национальных школ, самодеятельности и т. д.), то в этом плане мы пойдем вам навстречу. О том, что намечается сделать в этом направлении, вам скажут представители различных министерств.

С. Боголюбов (из Комитета Совмина СССР по печати): Мы решили создать в Казахстане специальную немецкую редакцию при издательстве, привлечь к работе знающих товарищей немецкой национальности. У нас есть советско-немецкие писатели, которые включатся в работу. Можно будет начать выпуск двух сборников-альманахов ежегодно. По линии министерства культуры мы организуем самодеятельность, концертные бригады, наметим репертуары с учетом национальной особенности и т. д.

Т. Прокофьев (из министерства высшего образования): В Барнауле при пединституте имеется немецкое отделение. Решено его сделать головным факультетом и поручить ему разработать программы и учебники для всех немецких отделений в других городах. С первого сентября 1966 г. при наличии доброй воли родителей будут созданы школы по обучению детей на родном немецком языке.

С. Рапохин (из министерства радиовещания): В течение многих лет ведутся передачи на немецком языке из Алматы, Москвы, Фрунзе и т. д. Мы расширим и разнообразим эти передачи. Сейчас создается фонд кинокартин на немецком языке. Постоянно будут демонстрировать документальные и художественные фильмы из ГДР.

А. Микоян: Мы не можем пойти на восстановление республики немцев Поволжья при существующем положении дел, потому что это вызовет огромные материальные затраты. Но в отношении культурных мероприятий мы поддержим вас. Мы также надеемся, что вы приложите все силы, чтобы помочь нам в этом деле. Желаю вам успехов. До свиданья, товарищи.

Ответ А. Микояна не оставлял больше никакой надежды

на восстановление республики в ближайшее время. Вместо республики немцам были обещаны культуртрегерские мероприятия. Расчет властей основывался, видимо, на том, что пока достаточно и этих мероприятий, а потом время постепенно погасит страсти среди немецкого населения, а наиболее строптивых можно заставить замолчать надежными и испытанными репрессивными средствами, благо всё это еще так свежо в памяти немецкого народа.

Горечью, обидой и возмущением пронизано содержание открытого письма, с которым немецкая делегация еще раз обратилась к А. Микояну после последнего приема:

«Уважаемый Анастас Иванович! Так как на приеме мы были лишены возможности выразить свое мнение в ответ на Ваши высказывания, мы решили сделать это письменно. Мы ни в коей мере не удовлетворены результатами неоднократных переговоров с правительством по вопросу о восстановлении республики немцев Поволжья. Народ послал нас не за кружками самодеятельности, а добиться полной реабилитации двух миллионов опороченных человек, установления национально-гражданского равноправия с другими нациями в СССР и восстановления АССР НП.

Вы полагаете, что указ от 29 августа 1964 г. сделал советских немцев равноправными гражданами СССР. Это, увы, не соответствует действительности. Раз у немцев нет национального равноправия, значит нет и гражданского, и против этого трудно спорить.

Человеку, осужденному за тяжчайшее преступление и проведенному в тюрьме уже много лет, вдруг объявляют, что за ним нет никакого криминала, что он осужден по ошибке, но раз он за эти годы уже привык к тюрьме, укоренился в ней, ведет себя очень хорошо, а дом его заняли новые хозяева, которые не виноваты в судебной ошибке, то во избежание возможных эксцессов с новыми хозяевами ему лучше и впредь оставаться в тюрьме, о нем позаботятся здесь, создадут приличные условия для дальнейшего существования и т. д. и т. п.

Вы сказали нам, что республика немцев Поволжья не может быть восстановлена потому, что немцы своим массовым отъездом нанесут большой урон сельскому хозяйству в тех местах, где они проживают сейчас, особенно казахстанской целине. Выходит, таким образом, что два миллиона человек в силу чисто потребительского подхода к ним со

стороны государства, обрекаются на полную национальную деградацию. Отсюда можно сделать вполне однозначный вывод: в советских немцах видят только костно-мышечную силу, национальными интересами и запросами их полностью пренебрегают.

Вы утверждаете, что 2/3 советских немцев проживало до войны вне АССР НП и, несмотря на это, жили хорошо, полностью сохранили свою национальную самобытность; поэтому, заключаете Вы, нельзя считать, что немцы не смогут жить без республики. Но разве не ясно, что немцы, жившие вне республики, жили хорошо и не утрачивали свою национальную самобытность лишь потому, что у них был свой культурно-административный центр, который проявлял заботу о всех немцах, рассеянных по разным районам страны, помогал им в вопросах культуры, образования и хозяйственного строительства. Республика немцев Поволжья была кузницей кадров для всех немецких районов, живым воплощением национального равноправия советских немцев с другими народами СССР...

Пока мы будем считать себя советскими немцами, пока будем верить в партию и конечное торжество ленинских норм жизни в нашей стране, до тех пор мы не будем признавать существующее положение правомерным и нормальным и, не щадя своих сил, будем бороться за наши национальные права.

Мы также считаем своим долгом довести до сведения партии и советского правительства, что существующая дискриминация советских немцев и все вытекающие отсюда негативные социальные последствия пробуждают во многих из них стремление вернуться на родину своих исторических предков. И если национальные и гражданские права немцев будут ущемляться и впредь, если они и дальше будут чувствовать себя в своей стране аутсайдерами общества, то рано или поздно среди них возникнет массовая эмиграция, которую невозможно будет тогда приостановить никакими административными или иными мерами».

*

На какое-то время в правозащитном движении советских немцев наступил спад. Надежда на скорое восстановление национальной автономии стала постепенно угасать даже у самых оптимистически настроенных немцев. Повсеместно усилились репрессии против активистов движения. Многие из них были исключены из партии.

Власти на местах прилагали все усилия, чтобы деактивизировать правозащитную борьбу. В спешном порядке стали реализовываться обещанные вместо автономии культуртрегерские мероприятия. Для молодого поколения открылся доступ к высшему техническому образованию. Наиболее покладистых и лояльных из них выдвигали на работу в партийные и советские органы, как правило, не выше районного уровня.

Тем не менее, ни репрессии, с одной стороны, ни культуртрегерские мероприятия, с другой, — вся эта своеобразная политика кнута и пряника — не могли утихомирить страсти среди немецкого населения. Нет-нет да и появлялась группа энтузиастов, которая пыталась еще раз вступить в диалог с правительством, наивно полагая, что эту проблему можно все-таки решить одними силлогизмами. Но партийно-правительственной верхушке стала уже надоедать затянувшаяся игра в либеральничанье, и она решила раз и навсегда избавиться себя от каких-либо контактов с делегациями советских немцев, считая этот вопрос решенным окончательно. В дело подключилось КГБ и разом развязало гордиев узел: взашей гнало всех непрошенных и самозванных, с официальной точки зрения, делегатов. Конечно, в этой ситуации, когда КГБ надежно блокировало все подступы к представителям власти, всякая попытка советских немцев добиться приема в партийно-правительственных верхах, выглядела, по меньшей мере, чистым донкихотством.

В 1980 г. была сделана еще одна попытка напомнить ЦК КПСС и советскому правительству о так называемом немецком вопросе — национальном самоопределении советских немцев. Но сотрудникам КГБ удалось сорвать поездку в Москву значительной части делегатов, а лидера ее, кандидата экономических наук Гинца, поместили на обследование в психиатрическую клинику.

Таким образом, национально-правозащитное движение советских немцев за восстановление автономной республики потерпело поражение. У истоков этого движения стояло поколение, которое само создало республику немцев Поволжья, занимало в ее социально-политической структуре руководящее положение и было фанатично предано идеалам коммунизма. Этому поколению, прожившему всю свою

сознательную жизнь в плену идеологических иллюзий, на склоне лет трудно было смириться с тем, что логика реальной жизни до абсурда противоречила исповедуемому ими социальному идеалу.

Склонность к компромиссам и конформизму, присущая этому поколению, завела национально-правозащитное движение советских немцев в тупик. Нужно было радикально менять тактику действий: такая форма борьбы за равноправие как направление делегаций представителей народа в Москву — наиболее безопасная форма борьбы в тоталитарном государстве — себя исчерпала.

Хотя лидеры правозащитного движения интуитивно и понимали это, решиться на открытую конфронтацию с режимом у них не хватало гражданского мужества. Да и внутри общества не созрели еще условия для открытого противоборства с тоталитарной системой. Инакомыслие еще не получило широкого распространения, борьба за права человека не стала еще международным политическим явлением, Сахаров и Солженицын не пробудили еще общество от спячки.

Парализовав национально-правозащитное движение советских немцев за восстановление автономной республики, власти, развернув широкую идеологическую пропаганду, пытались убедить западную общественность (и прежде всего общественность ФРГ, которая проявляла озабоченность по поводу дискриминационного положения немцев в СССР), что с советскими немцами всё обстоит благополучно, и всякое иное утверждение есть провокация и шантаж с целью дискредитации политической системы миролюбивого Советского государства.

Чтобы придать реальность этим голословным заявлениям, власти организовали поездки западных журналистов в районы страны, где проживало большое количество немецких семей. В этих местах всё, как правило, подвергалось лакировке: немецкие семьи, избранные для интервью с западными журналистами, проходили подробный инструктаж, а уж затем власти привозили в такие потемкинские деревни иностранных журналистов. И интервью проводилось по заранее отрепетированному сценарию.

Немцы, сохранившие свое национальное достоинство,

возмущались тем, что советские власти вводят в заблуждение мировую общественность. В 1965 г. они написали в газету «Труд», опубликовавшую статью о поездке западных журналистов по «потемкинским деревням» советских немцев, письмо:

«Для того, чтобы понять действительное положение советских немцев в настоящее время, необходим ретроспективный анализ основных событий в социально-экономической жизни советских немцев... Для наглядного, так сказать, сопоставления. Общеизвестно, что немцы первыми получили автономное самоопределение. Их республика была передовой, как в сельскохозяйственном отношении, так и в промышленном и культурном. Помимо республики были созданы национально-автономные районы на Кавказе, в Крыму, на Алтае и в Ленинградской области, где положение было таким же, как в республике.

В 1941 г. по указу правительства советские немцы были депортированы в северные районы страны по обвинению в пособничестве немецкому фашизму. Мужчин и женщин забрали в трудовую армию и обращались с ними, как с заключенными. Тысячи из них умерли от голода и непосильного труда. Все имущество немцам пришлось оставить дома...

Когда, наконец-то, немцы были реабилитированы, у них появилась реальная надежда на возвращение домой. Ведь по законам всего цивилизованного человечества, если снимают обвинение, то снимают и наказание...

Ничего подобного на деле не произошло. Была выдумана очень обтекаемая формулировка, что советские немцы укоренились на новых местах жительства, и ни слова о восстановлении республики. Все попытки добиться ее восстановления ни к чему не привели.

С ликвидацией АССР НП немецкое население было лишено всех условий культурного и политического роста. Их культура и язык были обречены на полное исчезновение...

Культура советских немцев исчезает, так как нет питательной социальной почвы для ее роста и развития. За 23 года выпущена всего лишь одна книга советско-немецких писателей, тогда как тридцать лет назад за три года выходило до 555 названий различных книг. Сейчас выходят две газеты и те не под редакцией немцев, а в АССР НП выходило более двадцати газет. Клубов и театров нет совсем...

Национальных школ нет совершенно, как будто их могут

заменить 3-4 часа родного языка в неделю, и то это введено не везде и преподавание ведется так, что там, где немецкий язык изучается как иностранный, его знают лучше, чем там, где его изучают как родной. Для целого поколения немцев их родной язык превращен в иностранный...

Вывод может быть только один: восстановить советским немцам их национальную автономию. Только тогда можно говорить о равных условиях немецкого населения со всеми другими народами СССР.»

*

В конце шестидесятых — начале семидесятых годов стихийно возникло новое направление в национально-правозащитном движении советских немцев: началась борьба за выезд на свою историческую родину — в Германию. Бунтующее национальное самосознание немцев не хотело больше мириться с тем, что дискриминация и насильственная ассимиляция не прекратились, что на восстановление автономной республики правительство не оставило больше никаких надежд. Поэтому проблема национального выживания и развития стала теперь связываться с возвращением в лоно своей культуры. Эта тенденция существовала всегда внутри правозащитного движения, но актуализировалась она после отказа правительства восстановить немцам их автономию.

Нонконформистское сознание нового поколения немцев было свободно от идеологических фетишей и коммунистических идеалов. Это поколение и возглавило, совершенно стихийно, новое направление в правозащитном движении немцев. Участие в движении за выезд на свою историческую родину целиком зависит от степени зрелости индивидуального самосознания индивида.

Если правозащитное движение за восстановление автономной республики немцев Поволжья поддерживало абсолютное большинство советских немцев, то в борьбу за право на эмиграцию включилось только меньшинство. На это имелось множество причин. Самая же главная — сложность, почти невозможность добиться разрешения на эмиграцию из СССР; даже в таких международно принятых рамках, как воссоединение семей, советское правительство

почти не выполняет взятых на себя обязательств по соблюдению гражданских и политических прав человека — в том числе его права покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее.

Другая причина — это страх советского человека вообще и советских немцев, в частности, перед западным образом жизни. Капитализм в современной его форме выглядит в глазах советского обывателя чем-то вроде уродоциклопа из сказки для маленьких детей. Это результат тенденциозной пропаганды, которая вырабатывает незаметно в сознании советского человека искаженный, как в камере-обскуре, образ-представление о западной жизни. Эта категория советских немцев считает, что лучше уж жить здесь, в СССР, затаив все обиды, нежели вернуться на круги своя, на свою историческую родину, где их ждет полная неизвестность, безработица и неприязненное отношение аборигенов.

Против движения за массовую эмиграцию сразу же была организована целая пропагандистская кампания. Главная цель ее заключалась в том, чтобы доказать, будто для эмиграции немцев из СССР нет никакой социальной причины. Приводились обширные статистические данные о материальном благополучии советских немцев, их высоком культурном уровне и активном участии в общественной жизни страны. Выезд же объяснялся моральной ущербностью тех, кто желал эмигрировать, и влиянием буржуазной пропаганды, особенно «Немецкой волны». Советская пропаганда обвиняла «Немецкую волну» в том, что она восхваляет жизнь в ФРГ и сознательно исказит советскую действительность, утверждая, что немцы в СССР живут в кабальных условиях, что их интересы ущемляются и т. д.

Одним из распространенных методов борьбы против эмиграционного настроения советских немцев является выступление в печати так называемых «возвращенцев» из ФРГ. В самых мрачных красках рисуя тяготы жизни в ФРГ, они на один лад повествуют о том, что советским немцам не подходит западный уклад жизни, где царит разобщенность, индивидуализм и отчужденность между людьми, что там всё очень дорого и почти невозможно найти работу. Кроме этого, они утверждают, что советские немцы там — чужие, их считают людьми второго сорта и т. п.

Фальшь этих измышлений опровергает практика. Лишь в редких случаях советские немцы не могут адаптироваться в новых социальных условиях. Абсолютное же большинство прочно врастает во все сферы жизни в ФРГ. Чужими и людьми второго сорта немцы чувствуют себя в СССР. В царской России к немцам-колонистам относились как к неблагодарным приемышам и чуждым пришельцам с Запада, в советской России за ними прочно укрепилась политически оскорбительная кличка «фашист».

Очевидно, «что возвращенцы» руководствовались при своем выезде из СССР не стремлением избавиться наконец-то от ассимиляции и дискриминации, а, скорее всего, чисто материальными соображениями: хотели богато жить. Не сумев реализовать свою утилитарную мечту, они, обидившись на свою историческую родину, вернулись восвояси, понося при этом всячески западный образ жизни и зарабатывая тем самым прощение для себя от властей предрежащих.

Неотвратимость процесса эмиграции советских немцев в Германию вытекает из логики объективной действительности. Возвращение на родину столь же закономерно, как некогда прибытие на российскую землю. Такова диалектика общественной жизни: истина превращается в заблуждение, а заблуждение вновь стновится истиной. То, что было истинно в одних конкретно-исторических социальных условиях, становится заблуждением в другой общественной ситуации, и наоборот. И в этом противоречии – вечное движение и обновление человеческого бытия.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Эйтан Финкельштейн*

УЗНИК СОВЕСТИ ВИКТОРАС ПЯТКУС

Ныне отбывающий третий срок заключения Викторас Пяткус давно стал символом сопротивления советскому режиму в Литве. Его имя столь тесно связано с самим понятием независимости Литвы, что сегодня они стали практически неотделимы.

Викторас Пяткус родился в небольшом городке Расейняй, что лежит на полдороге из Каунаса в Клайпеду, в 1929 году. То были золотые годы литовской независимости. Золотыми они были не в смысле материального изобилия или отсутствия политических и социальных проблем: трудностей у молодого независимого государства было предостаточно. Но в те годы в обществе царил атмосфера подъема; подвижничество и самопожертвование почитались высшей добродетелью. Представители всех слоев населения глубоко прониклись идеей национального возрождения, каждый чувствовал личную ответственность за судьбу молодого, независимого государства. И, быть может, более других это относилось к учителям.

В годы независимости литовские учителя прекрасно понимали, что именно от того, каким вырастет новое поколение, зависит судьба свободной Литвы.

Викторасу Пяткусу повезло — его образованием руководили люди в высшей степени достойные, заложившие в его душу понятия о добре и чести, патриотизме и справедливости. Ну, и, конечно, в гимназии Пяткус получил глубокие и всесторонние знания, научился искать и ценить истину и отличать ее от пустословия и всяческой шелухи. Когда в 1947 году молодой Викторас приехал в Вильнюс

---

* Эйтан Финкельштейн — физик, участник правозащитного движения в Литве, член Литовской хельсинкской группы. С 1983 г. живет в Израиле.

поступать в университет, он был уже вполне сформировавшейся личностью и твердо знал, чего хочет. А хотел он изучать литуанистику, литовскую и мировую поэзию.

Разумеется, события и время помогли 17-летнему юноше воспитать твердость и уверенность в себе.

Викторасу было 10 лет, когда в Литву вторглись советские войска. А через год после вторжения Красной Армии страну оккупировали гитлеровские войска. Новые хозяева стали наводить «новый порядок». Пяткус был свидетелем уничтожения нацистами евреев — его соседей: ремесленников, мелких торговцев, интеллигентов. На глазах у Виктораса полиция была убита его школьный товарищ. И Викторас никогда не забывал этого.

Вторжение с востока, вторжение с запада. Красных хозяев сменяют коричневые... Но вот Литву снова «освободили» советские войска. Освободили, да так и забыли из нее уйти.

Горечь за униженную и растерзанную родину глубоко запала в душу юноши. Но не только горечь. Было и острое желание посвятить жизнь восстановлению независимости Литвы.

Итак, Викторас поступает в университет. Обложившись учебниками и томками стихов, целые дни проводит в аудиториях и библиотеках. Но он занят не только учебой. Семнадцатилетний юноша вступает в «Атейтинкай» — организацию молодых патриотов. Ребята, его сверстники, собираются на квартирах и спорят о прошлом и будущем Литвы, о путях и методах борьбы за ее независимость. Они издают журнал, где печатают статьи, эссе и стихи. Никто из них тогда не осознавал, сколь опасна подобная деятельность. Очень скоро НКВД выходит на след организации. Начинаются аресты. Затем суд. Знаменитая 58-я статья. Викторас Пяткус получает 10 лет лагерей.

Побег из лагеря. И еще 10 лет.

Умер Сталин. Вернувшись в родную Литву после шести лет заключения, Пяткус снова приступает к занятиям литуанистикой, изучает литовскую и русскую поэзию, собирает библиотеку поэзии, ставшую со временем самой крупной в Литве.

Взгляды Пяткуса совсем не изменились. Лагерь лишь закалил его волю, расширил кругозор. Именно в лагере он встретился и подружился с русскими, украинскими, латышскими, эстонскими политзаключенными. Среди них были образованные люди, сумевшие передать юноше-литовцу те важнейшие жизненные знания, которые Пяткус, возможно, никогда бы не получил, не попади он в лагерь. Там же он познакомился и с русской поэзией и полюбил ее. Уже много позже, скитаясь с квартиры на квартиру, Пяткус всегда брал с собой и ставил на видное место портрет своего любимого русского поэта — Есенина.

Поэзия. Пяткус изучает не только то, что издается массовыми тиражами, но ищет и находит давно забытое и, казалось бы, навсегда утерянное. И, конечно, то, что под запретом. Он был одним из первых, кто в советский период заново открыл поэта Балтрушайтиса.

Однако это не нравится КГБ. Бывший политзэк собирает и пропагандирует «запрещенных» поэтов! В 1958 году Пяткуса арестовали. Опять суд. Все, как и десять лет назад. Пяткусу инкриминируют хранение и распространение антисоветской литературы, а именно — стихов Балтрушайтиса. Неважно, что через несколько лет выдающийся русско-литовский поэт будет «реабилитирован», и его стихи будут печататься и по-русски и по-литовски: реабилитация поэта и его творчества не коснулась того, кто искал, собирал и распространял его стихи.

Еще 8 лет в лагере. В 1965 году закончился второй срок заключения, и Пяткус возвращается в Литву.

Именно в это время в стране возникают различные правозащитные организации, появляется Самиздат. Сахаров пишет свою знаменитую работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Баптисты и крымские татары, католические священники и украинские партиоты требуют национальных и религиозных прав. Начинается массовая еврейская эмиграция.

Викторас Пяткус полон энергии и надежды. Он устанавливает тесные связи с ксендзами и активистами католической церкви, сближается и с литовскими интелли-

гентами, с теми, кто после долгих лет бесплодных надежд на либерализацию «сверху» понял, что ждать больше нечего.

Но быть может, большую часть сил, времени и души он отдает новому, необычному делу. Памятуя свою юность, своих учителей, Пяткус сознает, что будущее Литвы — в руках молодежи. И собирает вокруг себя ребят и девушек школьного возраста. Он беседует с ними о поэзии и космосе, о Литве и России. С ними он путешествует по Литве. Викторас знает историю, кажется, каждого дома, каждого камня. И не просто знает — он умеет захватывающе интересно рассказывать. Дети платят ему благодарностью, любовью и бесконечным доверием.

В эти годы Пяткус часто бывает в Москве — его хорошо знают и ценят московские правозащитники. Регулярно встречается он и с друзьями из Литвы и Эстонии, дружит с еврейскими активистами.

Естественно, как только в Москве была создана первая в стране Хельсинкская группа, — Викторас Пяткус оказался в числе тех, кто подхватил в Литве эту идею, кто понял, что хельсинкское движение — именно тот путь, по которому можно продвинуть дело свободы и его народа, и других народов страны.

Наверное, Пяткус был единственным человеком, который мог объединить людей с очень разными взглядами, помочь совместно работать ксендзу-иезуиту, молодому поэту, принадлежавшему к советской элите, еврейскому ученому — активисту борьбы за эмиграцию, и пожилой поэтессе, проведшей много лет в концлагерях.

В Литовской Хельсинкской группе никогда не было руководителя. Каждый член группы отвечал за свой участок работы и при необходимости помогал товарищам без каких-либо указаний. Но Пяткус был душой, стержнем хельсинкского движения в Литве.

В ноябре 1976 года была образована Литовская Хельсинкская группа, а уже в августе 1977-го Пяткуса арестовали. Приговор: 3 года тюрьмы, 7 лет лагеря особого режима и 5 лет ссылки.

Викторасу Пяткусу сегодня очень тяжело. Может быть, тяжелее, чем многим из тех, кто вместе с ним находится в неволе. Но он по-прежнему тверд, уверен, спокоен. Он знает:

если сегодня в его родной Литве совсем иной духовный климат, чем десять и, тем более, 20 лет назад, — в этом и его заслуга.

И главное — у будущей независимой Литвы не будет белого пятна в истории. Пройдут годы. Литовцы забудут, наверное, имена секретарей, председателей и прочих партийных начальников. А имена Пяткуса, Гаяускаса, Терляцкаса и многих других не только заполнят белое пятно в истории Литвы, но станут вехами на ее пути в будущее.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Михайло Михайлов

НЕОБХОДИМО ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

(Интервью)

С сентября 1985 г. известный югославский диссидент, общественный и политический деятель, литератор Михайло Михайлов работает в исследовательском отделе радио «Свободная Европа — Свобода».

Михайло Михайлов преподавал русскую литературу в Загребском университете и в 1964 г. побывал в СССР. По возвращении он написал книгу «Лето московское», за что подвергся публичным нападкам президента Тито, был уволен с работы, арестован и судим. М. Михайлов — один из наиболее известных участников правозащитного движения в странах Восточной Европы. Его книги и статьи печатаются на многих языках Европы и Азии. За свою общественную деятельность Михайлов провел в тюрьмах в общей сложности семь лет. С 1978 г. Михайло Михайлов живет на Западе. Он был удостоен почетной премии Международной лиги прав человека за 1978 г.

Сотрудник радио «Свобода» А. Перуанский взял у М. Михайлова интервью.*

Вопрос: Почему Вы решили оставить академическую карьеру и поступить на радио «Свободная Европа»?

Ответ: Я живу на Западе уже восьмой год, и почти все это время я переподával русскую литературу и русскую

---

* Печатается с небольшими сокращениями. Полностью интервью должно быть опубликовано по-английски в журнал «By-Line», N 2, 1986, Мюнхен.

немарксистскую философию в американских и европейских университетах. В качестве профессора я читал курсы (по году или два) в Йельском университете, университетах штатов Вирджиния и Огайо, в мидлберском колледже, в университете в Глазго и в Западной Германии — в Зигенском университете. Однако должен признаться, что в последние годы мои интересы все больше склонялись в сторону анализа идейных и духовных предпосылок нынешнего мирового противоборства демократии и тоталитаризма. От русской литературы, классической и новейшей, я шел к русской немарксистской мысли, и от русской философии к нынешнему идеологическому и духовному мировому кризису. Если лет двадцать тому назад в моих книгах я писал в основном на темы литературно-философские, то все мои книги последних лет посвящены вопросам духовно-идеологическим. Когда в 1984 году директор радио «Свободная Европа» Джордж Урбан предложил мне работу в исследовательском отделе именно в этой сфере, я решил испытать свои силы на новом (не для меня, а для радио) поприще, хотя знал, что будет не легко.

Вопрос: Вы говорите, что это новая должность на радио. Чем вы занимаетесь?

Ответ: Официально, я — «специалист по анализу идеологических и интеллектуальных проблем СССР и Восточной Европы». Короче, идеологический анализ коммунистического тоталитаризма.

Вопрос: В чем трудность Вашей работы, о которой Вы упоминали?

Ответ: Трудностей очень много. Во-первых, я бы сказал, есть трудности общего порядка, вызванные структурой демократического мира, в котором только в последние годы начинает ощущаться понимание того, что духовно-идеологическая сфера является не менее реальной и даже более решающей, чем сферы военно-политическая, экономическая или технологическая. Все победы и мировая экспансия тоталитаризма в XX веке прямо связаны с видимым превосходством коммунистического движения в этом плане над свободным миром. Нет никакого сомнения,

что в областях экономики, техники, науки и т. д. и т. д. — демократический мир сильнее тоталитарного, и всегда был сильнее. Во-вторых — трудности связанные с тем, что радио «Свободная Европа — Свобода» — тоже часть и очень важный орган демократического мира, и полностью разделяет все его слабости и недостатки, а, как я уже сказал, работа в сфере идеологической, и понимание значения идеологии для защиты демократии, — все это началось совсем недавно. В США — лет десять тому назад. И в-третьих — трудности просто всякой новой работы, необходимость найти новые, особые формы анализа идеологического, короче говоря — протаптывание дорожки по нехоженной земле.

Вопрос: Идеология — понятие скомпрометированное на Западе. Кроме того — в демократическом мире существует не только политический, но и идеологический плюрализм. Каким образом плюралистический мир может противостоять тоталитарному в сфере идеологической?

Ответ: Видите ли, несмотря на множество партийных программ, часто противоположных одна другой, все демократические общества основываются на нескольких незыблемых принципах, недоказуемых аксиомах, или идеях в платоновском смысле. Ну, скажем, — равенство людей перед законом, несмотря на национальные, религиозные, политические или расовые отличия; примат свободы личности над государственными, национальными, классовыми и прочими коллективными ценностями; право каждого на свободу высказывания, религии, передвижения, объединения с единомышленниками, право на свободу политической деятельности и т. д. Подавляющее большинство политических партий и движений в свободном мире полностью принимает эти основополагающие принципы, на которых основывается демократический строй. Их не принимают только левые (тоталитарные), или правые (авторитарные) движения. На заре демократии, особенно в Америке, эти основные принципы были освящены религией, и основывались на вере в то, что Бог создал всех людей свободными и равными. В наше время, религиозный аргумент убедителен только для верующих. В то время как

коммунисты находят четкие аргументы для оправдания своей диктатуры в марксистской идеологии (для создания общества равенства, братства и свободы необходимо ликвидировать частную собственность, а это невозможно сделать без диктатуры пролетариата, то есть его авангарда — партии), — демократический мир, до недавнего прошлого, идеологическим обоснованием демократического строя мало занимался. Особенно Соединенные Штаты Америки, где всегда были сильны традиции эмпиризма, прагматизма и практицизма. Казалось, если и так видно, что в условиях свободы люди живут лучше, богаче, успешнее, то зачем заниматься идеологическим обоснованием свободы — это, мол, дело второстепенное.

Как вы знаете, результат такого подхода был плачевным. После окончания Второй мировой войны десятки государств почти на всех материках подпали под коммунистическую диктатуру. Оказалось, что в наш век — век беспримерного развития информации и коммуникации — несомненное превосходство Запада в экономической и технической сферах недостаточно для эффективной борьбы с тоталитаризмом. Решающей стала борьба в сфере идей, символов и пропаганды. Оказалось, что люди скорее готовы умереть за абстрактную или полностью недостижимую идею всеобщей справедливости, или национальной независимости, или «рая на земле», или «рая небесного», чем за вполне конкретные блага и свободы «общества потребления», в котором осмыслить ценности жизни, проблемы жизни и смерти должен каждый член общества сам.

Другими словами — в мире ныне идет борьба между двумя концепциями жизни, а не только между разными типами организации в политической и экономической сфере общества. Противоборство на самом деле охватывает все сферы жизни человека. С одной стороны — концепция 100%-планового общества (а не только плановой экономики), в котором практически самым большим врагом считается свобода отдельного человека, с другой общество, в котором эта свобода является основополагающим принципом. Все остальное — второстепенно и производно из этого противостояния.

Сознание того, что в сфере идей, символов и целей

(общества и человека) возможна борьба только созданием или осмыслением идей, символов и целей демократического общества, а вовсе не при помощи так называемой «дезидеологизации», начало оказывать влияние на практическую политику Западного мира недавно. Одновременно с этим начало развиваться понимание того, что поведение людей определяют идеи, а не материальные блага, и что мир идей не менее реален, чем мир экономики или техники. В США роль пионера в осмыслении значения идеологического противостояния уже лет десять играет социальный и религиозный философ Михаел Новак. В Западной Европе — Ален Безансон, Жан-Франсуа Ревель и некоторые другие. Новак в своих книгах пытается представить в идеологических терминах основные, наиболее общие принципы демократического общества, принимаемые разными политическими партиями и группировками, которые часто имеют, как это Вы верно сказали, противоположные программы и политические идеи. Вот, *осмысление этих общих для всех основных принципов и целей демократического общества* и есть — идеология демократического мира. В плане политическом, — это конечно, борьба за права человека, тоже начатая сравнительно недавно президентом Картером.

Вопрос: Однако существует мнение, что именно в сфере идеологической коммунистические страны потерпели, в частности в Европе, серьезные поражения после XX съезда КПСС, разоблачения Сталина, и особенно в результате появления диссидентской литературы. Есть даже мнение, что ныне коммунистические режимы держатся только военной силой, а в коммунистические идеи никто больше не верит. Как с этим соотносит Ваше убеждение, что решающей является сфера идеологическая?

Ответ: Вы совершенно правы в отношении классической коммунистической идеологии, особенно в ее ленинско-сталинском варианте. Однако она была бита отнюдь не в сфере экономической или технологической, а именно в сфере идеологической. Тут переоценить влияние диссидентской литературы — невозможно. Кроме того, как это уже не раз бывало, тоталитарное движение может изменить идеологические установки, оставаясь тотали-

тарным. Развитие в этом плане шло от «мировой революции» к «построению социализма в одной стране», отсюда к «защите отечества» (во время войны с Гитлером), а теперь даже к своеобразному выхолощенному национализму, отказу от всяких демократических традиций. Можно наблюдать и появление так называемой «теологии освобождения» в Южной Америке, своеобразного синтеза религии с марксизмом-ленинизмом. В Западной Европе идеи пацифизма используются коммунистами для ослабления демократических основ общества, и так далее. В то время как у тоталитаризма есть мировая стратегия, своя точка зрения на мир и четкие цели (другое дело, что эти цели демагогические и приводят прямо в противоположную сторону от того, что прокламируется), — демократический мир только начинает понимать, что в наше время политика, идеология, и вообще все сферы человеческой жизни могут быть только глобального характера. Разоружающему людей перед лицом тоталитарного рабства лозунгу «Лучше быть красным, чем мертвым», противостоять может только лозунг Михаела Новака — «Лучше умереть, чем быть живым мертвецом». Противостоять глобальной программе коммунизма может тоже только глобальная программа создания демократического общества. Началом этого и является проблема прав человека, но это только зачатки будущей идеологии мировой демократии. Как видите, я употребляю слово *идеология* в положительном смысле, чего не принято делать на Западе.

Вопрос: А какие у Вас специфические трудности здесь на радио в связи с Вашей работой?

Ответ: Как почти всюду в Западном мире, хотя может быть меньше, чем в других местах, работа исследовательского отдела нашего радио во многом определена требованиями фактографического позитивизма, и всякая идеологизация исследований прямо порицается. В этом и состоит основная сложность именно идеологического анализа, который не может быть идеологически нейтральным. Большинство работ исследовательских отделов радио — фактографические (в некотором смысле напоминающие работу компьютера), и в общем здесь считается чуть ли не достоинством одно лишь перечисление фактов и источников,

без попытки их идеологического осмысления. Эти так называемые «пешеходные работы» имеют определенную ценность, однако в борьбе идей — а именно это и является основной миссией наших радиостанций — они явно не достаточны. Намного важнее объяснить «почему» что-то происходит, чем просто констатировать то, «что» произошло. Например, большинству жителей Советского Союза во времена насильственной коллективизации или больших чисток было известно, *что* происходит. Однако сталинской пропаганде самое важное было — не допустить понимания того, *почему* это происходит. Только коллективизация и чистки могли полностью атомизировать общество и страхом каждого укрепить диктатуру. Цель была — максимальная власть и активная несвобода, вот почему все и делалось. Однако массы людей верили другому объяснению — об экономической необходимости больших хозяйств, о шпионах и врагах народа и т. д. Вот это объяснение — *почему* что-либо происходит в СССР и Восточной Европе, намного важнее для наших слушателей, чем просто информация о том, *что* происходит, хотя и это тоже важно. В этом смысле, я бы сказал, чтение работ о тоталитаризме Ханна Арентс важнее, чем тонны и тонны нашего «бюджета». А так как моя задача — именно идеологический анализ и оценка, то материалом для моих работ являются именно генеральные идеи коммунистического движения в настоящий момент, а не отдельные факты. Должен признаться, что пока я только нащупываю форму такого анализа. Дело это новое, и не укладывается в существующие формы исследовательских материалов даже технически. Идеологические анализы — это не «отчеты о положении». Ну и конечно, все новое всегда вызывает сопротивление, уже только потому, что оно новое.

Вопрос: И все же, многие на Западе считают, что всякая идеологизация вредна, и что в исследовательском деле необходима полнейшая идеологическая нейтральность. Разве идеологический подход не искажает картину реальности?

Ответ: Полностью идеологически нейтральным может быть только компьютер, а не человек. Сомнительно, чтобы человек должен был бы уподобиться компьютеру.

Посмотрите, например, на американскую академическую исследовательскую продукцию. Ежегодно печатаются тысячи и тысячи исследований по всевозможным предметам. Однако только те книги, в которых содержатся кроме фактов еще и новые идеи, вызывают интерес и читаются. Вот почему, например, среди тысяч ученых, занимающихся исследованием коммунистических обществ, выделяются имена профессоров Пайпса, Бжезинского, Уллама, Подгореца, Кристола и некоторых других. Именно из-за *осмысления*, то есть идейной генерализации бесчисленных фактов.

Отказ от четкой осознанной идеологической установки обычно скрывает наличие бессознательной идеологической, часто очень примитивной, установки. Ну например, на Западе все еще в силе наивная вера в то, что марксистско-ленинская версия коммунизма прямо связана с влиянием Кремля, и что отход от этого влияния ведет к либерализации. Но вот пример Румынии — наиболее независимая восточно-европейская страна, и наиболее тоталитарная. А полностью независимая от кого-либо Албания — единственная в наше время сталинская страна в мире. Или — зверства антисоветских коммунистов Пол-Пота в Камбодже. И так далее и так далее. Тесно связана с этим и идеологическая установка на то, что всякий национализм способен противостоять коммунистическому интернационализму. Закрывают глаза на то, что, например, генерал Ярузельский в ночь на 13 декабря 1981-го сменил красный флаг перед зданием ЦК партии на польский национальный, а потом даже изменил военную форму польских офицеров на традиционную польскую — так же, как это сделал Сталин во время войны с Гитлером. Требования же «Солидарности», напротив, полностью подходят всем нациям, поработоченным коммунизмом, — независимые профсоюзы, свобода прессы и т. д.

Также бытует невысказанная идеологическая установка, будто не идеология того или иного движения, а личность вождя определяет важнейшие исторические события. При этом забывают о внутренней логике тоталитарных движений и партий. Для того, чтобы удержать и усилить монопольную власть партии, Троцкому пришлось бы также провести коллективизацию и чистки. Впрочем, он-то до своего

изгнания и выступал за насильственную коллективизацию, а Сталин был против. Для всякого наследника Сталина необходимо было идти хрущевским путем в целях ликвидации соперников в Политбюро. Интересно напомнить, что практически все хрущевские реформы (включая частичную десталинизацию) предложил Берия через несколько месяцев после смерти Сталина и перед своим падением (что, очевидно, и было причиной этого падения).

Если в демократическом мире нелегко быть политическим пророком, так как политика демократического общества здесь зависит от тысяч и тысяч непредвидимых и не поддающихся учету влияний, то политику обществ тоталитарных предсказать не очень сложно. Легко предвидеть, что в момент реальной опасности тоталитарная власть всегда призывает на помощь последнее средство — армию, как это, например, произошло в Польше. И так далее и так далее. Вот поэтому-то так и необходим идеологический анализ тоталитарных обществ. В борьбе идей самое важное — не принимать тоталитарной терминологии за чистую монету. Нет в мире более мобильного общества, чем американское, — это в самом деле «общество перманентной революции», как его охарактеризовал скульптор и диссидент Эрнст Неизвестный. И нет общества более реакционного, чем советское. И это надо всегда подчеркивать. Как может быть агрессивной страна, в которой даже нету обязательной воинской повинности? Однако этого не знают в коммунистических странах, полностью милитаризованных. Все это входит в сферу идеологического противостояния. Вопрос же о том, кто кого сменил на каком-то там посту в коммунистических странах, — является второстепенным.

Вопрос: В Ваших высказываниях звучат, как я замечаю, идеи Демократического Интернационала, в работе которого Вы активно участвуете. Собираетесь ли Вы продолжать Вашу активность и в Мюнхене?

Ответ: Пять лет я был Председателем Совета директоров Демократического Интернационала. Однако перед моим отъездом в Мюнхен Совет избрал нового Председателя. Меня избрали Вице-президентом для Европы. Пока я не занимаюсь делами Демократического Интернационала,

хотя в Европе очень большие возможности для этого. Основным своим делом в настоящий момент я считаю поиски соответствующей формы для ответа на очень важный вопрос Уинстона Смита — героя романа Орвелла «1984»: «Я понимаю *как*, но не понимаю *зачем*». Вот поиски конкретной формы для ответа на эти «зачем» или «почему» — должны быть, я считаю, моим главным делом на радио. Если мне удастся найти соответствующую форму, то я, наверное, начну опять заниматься делами Демократического Интернационала — единственной организации, объединяющей противников как левых, так и правых диктатур в мировом масштабе.

От редакции: В статье М. Михайлова «Великий катализатор...», опубликованной в «Форуме» N 14, на стр. 192 опечатка, искажающая смысл. Предложение, начинающееся со слов «Идеи о „школе страдания“...», ошибочно разбито абзацем на два предложения. Следует читать: «Идеи о „школе страдания“,.. о „дионисийстве“ Ницше и „карамазовщине“ Достоевского, о „по ту сторону добра и зла“ Раскольникова и т.д. — обо всем этом русские философы узнали задолго до Ницше из романов Достоевского.»

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

Рафаил Бахтамов

ЭТА ЗАГАДОЧНАЯ НТР

Власть и прогресс

О научно-технической революции (НТР) пишут сейчас необычайно много. Пишут люди разных специальностей — не только те, кто имеет отношение к естественным наукам, технике, производству, но и философы, историки, социологи, экономисты, психологи, политики.

Это естественно. Естественно потому, что научно-техническая революция затрагивает буквально все сферы жизни, все этажи человеческого бытия. Но не менее важно и другое. Научно-техническая революция совершается в нашем сложном мире, где одновременно существуют разные общественные системы. Более того. Судьба этих систем, или, как выражается советская пропаганда, «решение исторического спора между капитализмом и социализмом» — во многом зависит от их способности воспринять НТР, усвоить ее достижения и нейтрализовать опасности.

Любопытно, однако, что тема научно-технической революции, столь модная в Советском Союзе в шестидесятые и семидесятые годы, уже к началу восьмидесятых постепенно отходит на второй план, глохнет. А на первый снова выдвигаются пятилетки, всякого рода конкретные программы — Продовольственная, Энергетическая. Создается впечатление, что темпы научно-технического прогресса уже не столь существенны, поскольку до коммунизма все равно далеко — впереди «исторически длительный период развитого (а по новейшей терминологии — «цельного») социализма».

Но вот неожиданно «Литературная газета» печатает две программные статьи о НТР своего политического обозрева-

теля Федора Бурлацкого. Особенно интересна вторая из них — «Фауст или Прометей», в номере от 9 октября прошлого года.

Сразу же оговоримся. Бурлацкий — автор серьезный и содержание его статей не сводится к повторению убогих штампов советской пропаганды. Он и в самом деле пытается понять, что несет человечеству научно-техническая революция. Но странно: довольно убедительно показывая опасности, которые несет с собой НТР в условиях свободного рынка, он почти ничего не говорит о ее благодетельных последствиях при социализме.

Чтобы понять, почему эта тема в Советском Союзе вышла из моды и почему упор ныне делается не на преимущества НТР при социализме, а на ее грозных последствиях, надо хотя бы коротко сказать о том, что это, собственно, за феномен — научно-техническая революция.

Тут тоже многое вызывает споры. Едва ли не единственное, в чем согласно большинство специалистов, — вопрос о времени начала революции. Время это датируется достаточно точно — годы Второй мировой войны, годы завершения так называемого «Манхэттенского проекта», проекта создания атомной бомбы.

Уже тот факт, что начало НТР связано с атомной войной, наводит пессимистов (в том числе и Бурлацкого) на мрачные мысли. «Большие, средние и крошечные Прометей, — пишет Бурлацкий, — бесконечно снабжают человечество всё новыми и новыми захватывающими дух техническими игрушками... Но что происходит при этом с обществом и самим человеком? Становится ли ему лучше, легче и интереснее жить?.. Увы, об этом редко задумываются творцы научного и технического прогресса на Западе. Иначе разве бы они начали современную НТР с изобретения атомной бомбы?..»

Проще простого упрекнуть автора в наивности. Революцию в науке, в отличие от Октябрьской, не начинают по команде вождя, она происходит (или не происходит) сама по себе. Атомная бомба появилась не потому, что этого захотели зловещие американские империалисты — от такого оружия не отказался бы, наверно, и Чингиз-хан. Ученым пришлось долго убеждать президента Рузвельта начать

работы — прежде чем он согласился. Но самое поразительное: и ученые вовсе не были уверены в том, что из этого что-то выйдет. Это были работы «на всякий случай». А именно на случай, если такую бомбу создаст гитлеровская Германия.

Чтобы представить себе, как развивались события, приведем несколько цифр. В сороковом году, когда работы начались, на них было ассигновано 6 тысяч долларов — меньше, чем стоил торпедный катер. За два следующих года — усилиями шестнадцати различных ведомств — сумма ассигнований была доведена до 300 тысяч. А с 1943 по 1945 год было потрачено еще 2 миллиарда долларов. Шесть тысяч и два миллиарда — разница существенная. Видимо, за эти два года что-то изменилось...

Изменилось многое. Выяснилось, что наука дошла до такого уровня развития, что ее самые смутные, самые, казалось бы, абстрактные идеи могут быть воплощены в жизнь. Но это означало, что изменилась не только наука, изменилась техника и производство, которые тоже достигли такой степени развития, что могли уже осуществить эти идеи на практике.

Если раньше с момента зарождения идеи до ее практической реализации проходили тысячи, сотни, десятки лет, то, начиная с середины XX века, сроки стали измеряться годами. Если, к примеру, для использования в производстве закона Архимеда и энергии пара понадобилось около двух тысячелетий, для внедрения электричества и фотографии сто лет, то атомная бомба была создана за шесть лет, транзистор — за пять, интегральные схемы для компьютеров — за три...

Надо отдать справедливость Марксу: среди многих гениальных его предвидений было и одно, относящееся к научно-технической революции. Конечно, саму революцию он не мог предсказать, но главную ее отличительную особенность он угадал точно — превращение науки в непосредственную силу. Иначе говоря, он допустил, что когда-то в будущем наука достигнет такой высокой степени развития, что ее достижения будут как бы сами собой превращаться в процессы, машины и механизмы, коренным образом меняя облик производства.

Вот этот принцип — «сами собой» — и сыграл с

советскими руководителями дурную шутку. Они вообразили, что, если, скажем, интегральные схемы осваиваются американской промышленностью за три года, то советская тоже адаптирует их за три, ну, пусть, за пять лет. Очень скоро, однако, выяснилось, что ничего подобного не происходит. И дело даже не в том, что техника и промышленность США развиты лучше, чем в Советском Союзе. Дело в том, что советская система управления экономикой не стимулирует прогресса.

Можно привести множество примеров того, как изобретения и открытия, сделанные в Советском Союзе, не находят применения в течение десятков лет и внедряются — если внедряются! — только тогда, когда они уже получили широкое распространение на Западе.

Вот лишь несколько цифр, взятых из советской печати последних лет. Средний срок внедрения изобретений в СССР — от 8 до 12 лет, а для крупных технологических процессов — 20 лет и больше. По данным обследования, проведенного Институтом экономики АН СССР, 85% всех внедренных новшеств находят применение только на одном-двух предприятиях, тогда как на пяти предприятиях — всего около 2%. Примерно 70% всех разработок заканчивается изготовлением опытных образцов. Надо ли удивляться, что средняя экономия от внедрения изобретения в СССР много меньше, чем в Бельгии, Голландии или Израиле. И это в огромной стране, претендующей на роль сверхдержавы!

Положение настолько плачевно, что скрывать факты просто невозможно. «За последние четверть века, — писал Игорь Карпенко в «Известиях» в августе прошлого года, — не было ни одного пятилетнего или годового плана, в которых не воздавалось бы должного техническому прогрессу. Но вот удивительное обстоятельство — за те же годы ни разу не был выполнен план по новой технике. Ни пятилетний, ни годовой, ни квартальный.»

Эту очевидную истину вынужден был признать и новый Генеральный секретарь ЦК КПСС. В одном из своих первых докладов — в апреле 1985 года — он сказал, что прогресс в большинстве отраслей протекает «вяло», преимущественно «эволюционными методами».

Конечно, такое признание означало, что он, Горбачев,

намерен решительно изменить ситуацию, что при нем-то прогресс понесется вперед поистине семимильными шагами. Советская печать, чутко прислушивающаяся к последним установкам вождя, отреагировала на них незамедлительно. В газетах снова замелькала тема НТР, научно-технической революции. Тема, которая в конце 70-х годов практически исчезла со страниц печати.

Похоже, однако, в самом Советском Союзе мало верят, что новому Генеральному секретарю удастся подстегнуть научно-технический прогресс. И дело тут не только в предшествующем печальном опыте: все советские руководители — от Ленина до Черненко — клялись, что именно социализм открывает для этого неограниченные возможности. Важнее другое: советский хозяйственный механизм удивительно не приспособлен к восприятию нового — новой продукции, новых методов организации труда, новых научных и технических идей.

Нет необходимости доказывать, что внедрение нового — дело сложное и рискованное, требующее не только знаний и опыта, но и серьезной мотивации, готовности преодолевать связанные с этим трудности. На Западе, в условиях свободного рынка, такую мотивацию создает конкурентная борьба. Предприятие или фирма, первыми внедрившие изобретение, получают явные преимущества в этой борьбе, а значит — устойчивый рынок сбыта для своих товаров, высокую прибыль, возможность оплачивать труд своих рабочих и инженеров по повышенным ставкам. Напротив, тот, кто равнодушен к новому, рискует многим: потерей рынка, закрытием предприятия, разорением...

Перед советским предприятием такой дилеммы нет. Внедрение нового почти ничего не сулит его работникам, а отказ от внедрения ничем им практически не угрожает. Строго говоря, потребности рынка их вообще мало волнуют; задача предприятия — выполнять план, то есть некоторое количество искусственных показателей. План же легче всего выполнять, выпуская привычную, хорошо освоенную продукцию, на старом, привычном, оборудовании. Кто же в этих условиях будет рисковать и затрачивать лишние усилия?

Разумеется, высокое партийное начальство может

приказать. Опыт, однако, свидетельствует, что такого рода административные методы мало помогают. Новое, когда его навязывают сверху, встречает единодушное сопротивление на всех этажах: от рабочего — до руководителей предприятия, ведомства и министерства. А поскольку никто заранее не знает, эффективен ли новый способ или новая конструкция, то изобретение благополучно вязнет в советской экономической паутине.

Это особенно ощутимо в таких сложных и тонких областях, как электроника, лазерная и вычислительная техника, приборостроение, информатика, производство сверхчистых материалов. Иначе говоря, именно в тех сферах, от уровня которых зависит ход научно-технической революции.

Конечно, советские руководители понимают, что стремительное развитие науки и техники на Западе может перечеркнуть их претензии на мировое господство. Но браться всерьез за перестройку собственной громоздкой экономики они тоже боятся. Известно, что экономическая свобода требует и свободы политической. А это угрожает уже самому фундаменту строя — их неограниченной власти.

К тому ли стремился Фауст?

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — сказал Тютчев. Ученым и изобретателям тоже не дано предугадать, как «отзовется» сделанное ими открытие или изобретение.

История сохранила классические примеры «недогадливости». Рентген, открывший «X»-лучи, решительно отрицал, что они когда-нибудь найдут практическое применение. Герц весьма скептически относился к возможности передачи на расстояние обнаруженных им электромагнитных волн. Эйнштейн очень долго не верил, что установленная им зависимость между массой и энергией может быть положена в основу создания атомной бомбы...

Трудно предвидеть технические последствия открытия, но неизмеримо сложнее предугадать его социальные последствия, влияние, которое оно окажет на развитие человека и общества. Но научно-техническая революция — нечто

неизмеримо большее, чем просто открытие или изобретение. Это новое состояние науки и техники, такое состояние, которое вызывает всё ширящийся поток открытий и, одновременно, создает условия для практической реализации достижений науки, их материализации, овеществления в производстве. Очевидно, что социальные последствия этой революции будут огромны. Гораздо труднее, однако, сказать, в чем конкретно они выразятся. Поэтому наиболее серьезные ученые либо избегают прогнозов, либо делают их крайне осторожно. «Я никогда не думаю о будущем, — заметил Эйнштейн. — Оно приходит достаточно скоро».

Но люди — и это естественно — хотят знать, что ожидает их в будущем, хотя бы в близком — через десять-пятнадцать лет. Несколько западных журналов — американский «Ньюс уик», французские «Сьен э ви» и «Монд дипломатик» — провели недавно дискуссию по вопросу о том, что произойдет с человеком и человечеством в 2000 году и дальше — в XXI веке. Материалы этих дискуссий и анализирует в статье «Фауст или Прометей?» Федор Бурлацкий.

Выводы Бурлацкого неутешительны. Это относится и к прогнозам («Впечатление такое, будто люди отправляются в полет с завязанными глазами»), и к будущему, которое нас ожидает.

Это может показаться странным. Любое из современных направлений развития техники, казалось бы, сулит человечеству неисчислимые блага. Современные компьютеры (микрокалькуляторы) позволяют резко повысить производительность труда почти во всех сферах человеческой деятельности. Роботы способны заменить человека при производстве самых тяжелых, трудоемких и грязных операций. Фибровое волокно коренным образом меняет всю систему хранения и передачи информации. Биотехнология дает возможность программировать новые организмы животных и растений с заранее заданными свойствами и во много раз повысить продуктивность сельского хозяйства. Производство товаров в космосе позволит получать изделия высочайшего качества...

Вроде бы всё хорошо, и западные футурологи полны самых оптимистических надежд. Федор Бурлацкий с таким

подходом решительно не согласен. «Западная футурологическая мысль, — пишет он, — сейчас переживает, пожалуй, голубой период: она настолько вознеслась над грешными проблемами земли... что только цвет неба может считаться соответствующим ее нынешнему духу». «Но вот в такое живое, обаятельное, немножко маниловское занятие футурологов, — пишет он дальше, — вторгается холодная струя расчета. Дело прогнозирования социальных сдвигов технологической революции берут в свои руки экономисты. И расчеты их производят удручающее впечатление.»

Тут тоже многое кажется странным. Почему расчеты экономистов более убедительны, чем прогнозы футурологов? Конечно, слово «расчет» звучит достаточно веско, но так ли уж убедительны расчеты, относящиеся к будущему, то есть к тому, чего пока еще нет? Виднейший американский специалист, лауреат Нобелевской премии Василий Леонтьев, высказав немало серьезных опасений по поводу грядущих перемен, заканчивает свои рассуждения вопросом: «Следует ли из этого заключить, что мы готовим своим детям беспросветное будущее? Конечно, нет. И по многим причинам. Во-первых, потому что экономисты не пророки, их предвидение не слово Божие».

«Слабое утешение! — восклицает Бурлацкий. — В сущности, у авторов не хватило смелости сделать действительно серьезные выводы из приводимых ими самими бесспорных данных. Попробуем это сделать за них».

О каких же данных все-таки идет речь? Прежде всего, конечно, о том, что техника, вытесняя человека из традиционных областей его деятельности, создает двойную угрозу. Во-первых, угрозу прямой безработицы. Во-вторых, «не менее драматично то, что она обрекает трудящегося человека, в сущности, только на обслуживание машины», — пишет Бурлацкий.

Автор приводит примеры. Владелец одного швейного предприятия в Англии установил в цехах электронное оборудование и автоматизировал операции по маркировке и раскрою тканей. В результате число работников предприятия сократилось с 200 до 20. Во Франции на некоем предприятии стали использовать роботов для покрытия лаком дверей и шкафов. Экономически это оказалось

гораздо выгоднее, но количество работников сократилось со ста человек до шести...

Удивительное дело! Политический обозреватель «Литгазеты» возвращает нас к спорам вековой давности. Еще в начале XIX столетия Жан Сисмонди предупредил, что логическим следствием «машинизации» будет положение, когда в Англии король останется без подданных и царствовать он будет над машинами.

Сейчас в той же Англии число машин неизмеримо выросло, а на производстве занято втрое больше людей, чем во времена Сисмонди. Конечно, машины лишают людей рабочих мест. Но одновременно возникают новые. Почему? Потому что растут потребности.

Разумеется, Бурлацкий не может этого не знать. Потому вместо доказательств он ссылается на мнение уже цитированного нами Василия Леонтьева. Леонтьев утверждает, что к 2000 году число рабочих мест в США сократится на 20 миллионов человек, а к 2200 году положение станет и вовсе катастрофическим: одна часть населения Америки будет, правда, обеспечена работой, зато другая будет полностью отдана во власть безработицы. Далее Леонтьев срывает эту историю с историей вытеснения из земледелия лошадей, замененных тракторами, а Бурлацкий напоминает, что если в сельском хозяйстве развивающихся стран до сих пор трудится до 80% самодеятельного населения, то в промышленно развитых странах — лишь от 5 до 10 процентов. «Резкое сокращение занятости в деревне, умноженное на бурный демографический рост населения, вызовет тяжелые социальные стрессы в странах Азии, Африки и Латинской Америки», — предупреждает Бурлацкий.

С этим можно согласиться. Но возникает естественный вопрос — что же предлагает обозреватель «ЛГ»: отказаться от тракторов и сельскохозяйственных машин и вернуться к лошади и сохе? Это и будет прогресс? Идеал, к которому стремился не Прометей, а Фауст? Странно, очень странно...

НТР и уроки истории

Представление, будто внедрение машин и автоматов неизбежно порождает безработицу, чрезвычайно живуче.

Исторически это представление идет от луддитов — английских рабочих, которые во второй половине восемнадцатого - начале девятнадцатого века ломали ткацкие станки, усматривая в них конкурентов.

Конечно, луддитов можно понять: их реакция была простой и однозначной. Гораздо труднее понять современных ученых, в распоряжении которых самые различные средства исследования, в том числе — исторический опыт. Скептическое отношение к возможностям НТР автора статьи «Фауст или Прометей» тем более удивляет, что советская пропаганда всегда приветствовала научно-технический прогресс, связывая с ним движение к коммунизму. Даже традиционная точка зрения, согласно которой в безработице виноваты машины в сочетании с капиталистическим способом производства, ныне подвергается сомнению.

Показательны в этом смысле работы крупного советского историка, доктора наук Араб-оглы. Опровергая типовое представление о прогрессе, который будто бы «похищает» работу, Араб-оглы использует метод так называемого вычитания.

Допустим, мы лишились каких-то машин и производительность труда сократилась вдвое. В таком случае обществу пришлось бы отказаться от реактивной авиации и электронной промышленности. Понятно, что в результате сотни тысяч людей остались бы без работы.

Снизив производительность труда вчетверо, мы лишим общество автомобилей, телевидения и так называемой сферы услуг — парикмахерских и ремонтных мастерских, такси и прачечных. Теперь уже лишатся работы миллионы людей.

Сократив производительность труда в десять раз, мы получим общество неграмотных людей, лишенных медицинской помощи, средств транспорта и связи, живущих впроголодь в условиях скрытого аграрного перенаселения. Иначе говоря, мы придем к положению, которое существует во многих слаборазвитых странах Азии, Африки и Латинской Америки. Можно ли считать это положение оптимальным и усматривать в нем идеал, к которому должно стремиться остальное человечество? Вряд ли...

Понимает это и Федор Бурлацкий. И если он с явным

одобрением цитирует западных пессимистов, то на это есть вполне основательные причины. По уровню науки и техники, а значит и по качеству жизни, Советский Союз все больше отстает от стран Запада. В этих условиях советской пропаганде выгодно делать упор уже не на достижения прогресса, а на его возможные издержки. Одна из них — рост безработицы.

Другая, о которой Бурлацкий тоже пишет достаточно подробно, дисквалификация. Электронная верстка обесценивает традиционное ремесло линотипистов и наборщиков. Роботы присваивают себе квалификацию шлифовальщиков, токарей и фрезеровщиков, захватывают сферу черчения, картографии, архитектурного планирования. Даже когда рабочий управляет автоматизированной системой, он превращается в простого ассистента промышленного робота. «Сама машина, — пишет Бурлацкий, — диктует ему свою волю и навязывает свое решение. Уже сейчас имеются нефтеперерабатывающие заводы, энергетические станции, поезда с автоматическим управлением, где роль рабочего заключается лишь в том, чтобы следить за исправностью системы. Это очень напряженная работа, поскольку всякая неисправность может привести к катастрофе, но от работника не требуется никаких профессиональных талантов...»

Снова мы сталкиваемся с удивительным для серьезного исследователя забвением исторического опыта, с повторением избитых доводов — теперь уже начала 30-х годов нашего века. Вспомним хотя бы знаменитые фильмы Чарли Чаплина, где бедный маленький человек метался перед конвейером, превращаясь в его придаток. Конвейеры есть и сейчас, работа на них не очень интересна, но рабом конвейера человек все-таки не стал. Да и сама эта логика не очень убедительна: почему быть придатком автоматизированной системы унижительнее, чем, скажем, придатком метлы, отбойного молотка или кувалды?

Бурлацкий уверяет нас, что уже к концу века наиболее широкое распространение получают такие специальности, как консьержка или сторож здания, кассир, секретарь, письмоводитель, медсестра, официант, учитель и воспитатель детского сада, водитель грузовика, санитар...

Легко заметить, что даже в этом перечне нет ничего пугающего. Что, собственно, плохого в работе медсестры, учителя или секретаря? Поражает другое: полное отсутствие в этом списке производственных специальностей — в том числе инженерных.

Сокращение производственного персонала и рост трудовой занятости в сфере обслуживания — процесс естественный. Но это вовсе не значит, что машины полностью вытеснят людей из производства. Характерный пример — компьютеризация. Широкое использование компьютеров привело, конечно, к исчезновению некоторых профессий, но — одновременно — к появлению целой индустрии программирования, представленной множеством специальностей, которые принято обозначать одним словом: программист.

Спрос на программистов, например, в Америке, огромен, а число их измеряется сотнями тысяч, если не миллионами. Считается, что в обозримом будущем эта профессия может стать одной из самых массовых. Конечно, далеко не каждый программист — творец и мыслитель, здесь тоже есть много рутинных операций, не требующих особой квалификации. Но вряд ли кто-то возьмется утверждать, что работа машинистки или дворника более интересна, чем работа программиста даже низшего ранга.

Можно не сомневаться, что массовое внедрение роботов, развитие информатики и биотехнологии приведет не только к исчезновению каких-то профессий, но и к появлению новых — отнюдь не менее творческих. Общая тенденция тут просматривается достаточно четко. Замена человека машиной — лишь одно, и вовсе не главное, следствие научно-технического прогресса. Его основная (хотя и не всегда осознаваемая) цель: формирование новых потребностей человека, появление таких сфер деятельности, о которых вчера мы даже не догадывались.

К примеру, космос и сейчас остается уделом немногих и пока смешно говорить о массовой профессии космонавта. Но если завтра в космосе будут созданы постоянные станции и производственные объекты, если освоение планет ближнего, а затем и дальнего космоса станет обычным делом, то вполне вероятно, что появится и целый класс космических

специальностей. Кто вообще возьмет на себя смелость предугадать, какие возможности, а значит и потребности появятся у человечества в конце нашего тысячелетия и в начале будущего? Один из основных просчетов Маркса — человека во многом гениального — как раз и состоял в том, что потребности человечества представлялись ему чем-то постоянным, раз навсегда заданным.

«От каждого по способностям, каждому по потребностям» — эта формула коммунизма уже сейчас звучит наивно. По каким потребностям — вчерашним? сегодняшним? завтрашним? Вспомним, что у Маркса и его современников не было потребности ни в передвижении по воздуху, ни в телефонном разговоре с другим континентом, ни в телевизионном присутствии на месте события, ни в тысячах и тысячах других вещей...

Тот, кто живет в стеклянном доме...

Со стороны может показаться, что советская пропаганда оперирует одними и теми же, раз навсегда затверженными формулами, никак не связанными с реальной действительностью. Но это заблуждение. Время от времени формулы меняются, а чаще — одни из них перестают употребляться, выходят из моды, их место занимают другие.

Известно, скажем, что по классическому определению Маркса, не сознание людей определяет их бытие, а, напротив, их общественное бытие определяет сознание. Однако, создается впечатление, что советская печать начисто забыла этот тезис: гримасы социалистического сознания объясняются чем-угодно, но только не социалистическим бытием.

Постепенно выходит из моды и ленинское определение производительности труда как главного условия победы нового общественного строя. Производительность труда в СССР много ниже западной, и нет никаких признаков того, что разрыв сокращается. И вообще, со всем, что относится к материальной базе общества — с наукой, техникой, производством — дело обстоит из рук вон плохо. Отсюда — повышенное внимание советской пропаганды к человеку, который, оказывается, и есть главная цель прогресса.

«Если научно-технический прогресс является целью, а не средством, — пишет Бурлацкий, — тогда Запад действительно создает совершенную „электронную“ цивилизацию. — А что, если раскрытие секретов природы есть только средство, а целью является человек, его развитие, его счастливое существование на земле?»

Вопрос, конечно, риторический. Все понимают, что ответ на него может быть только утвердительный. Вспомним однако, как утверждался этот идеал в практике социалистического строительства. Уничтожение буржуазии, ликвидация кулачества (то есть значительной массы крестьянства) как класса, многомиллионные истребительно-трудовые лагеря, образцово-показательный образ Павла Морозова, предавшего собственного отца, восторги по поводу тех, кто пожертвовал своей жизнью ради цистерны горючего, целые периоды голода, постоянная нехватка продуктов и товаров первой необходимости... И все это во имя человека, его счастливого существования на земле? Надо все-таки обладать незаурядной наглостью, чтобы уверять советских людей, будто все это делалось и делается ради их блага...

В том же ряду стоят и проблемы экологии. Да, вопросы сохранения окружающей среды в условиях современного массового производства стоят достаточно остро всюду в мире. Но зачем же ссылаться на западногерманский журнал «Штерн» или на подсчеты Красного Креста, если у Бурлацкого под боком куда более яркие примеры из советской действительности? Известно, например, что лозунг покорения природы был выдвинут именно в СССР, что непоправимый ущерб Байкалу и бесчисленным рекам нанесли не капиталисты, что, пожалуй, ни в одной стране мира расхищение природных богатств не ведется в масштабах, сравнимых с советскими.

Различие в том, что об ущербе, который наносит природе промышленность, на Западе говорят и пишут открыто, порой даже преувеличивая последствия, в СССР же эта тема — «табу», и каждая такая публикация требует личного разрешения начальника Главлита СССР. Неудивительно, что в той же ФРГ существует целая партия «зеленых», объявившая охрану природы главным пунктом своей программы.

Может быть, именно поэтому Бурлацкий особенно не задерживается на вопросах экологии, главное для него — человек. Он с пафосом цитирует Эмерсона: «Истинный показатель цивилизации — не уровень богатства и не величина городов, не обилие урожая, а облик человека, воспитанного страной.»

Заметим в скобках, что ни Маркс и ни Ленин под этим определением не подписались бы, усмотрев в нем явный идеализм. Ведь и в самом деле наивно думать, будто облик человека не зависит ни от уровня богатства страны, ни от урожая.

Обозревателю «Литгазеты», оказывается, не нравится потребительский характер современного западного общества, стремление иметь свой домик, свою машину, свой компьютер. И соответственно, «равнодушие к обездоленному меньшинству, где каждый десятый член общества — безработный, а едва ли не треть населения живет за пределами черты бедности.»

Вполне допускаю, что западный потребитель (как, впрочем, и советский) — фигура, далекая от идеала. Но когда автор, претендующий на объективность, пишет, что треть населения на Западе живет в бедности, это звучит несолидно. Трудно поверить, что Бурлацкий не знает, что «черта бедности» в каждой стране своя, что например, «бедность» по-американски считалась бы по-советски богатством.

И о равнодушии западного обывателя к положению обездоленных он пишет зря. Это неправда. К примеру, и в США, и в ФРГ были собраны огромные суммы для помощи голодающим Эфиопии — кстати, страны с феодально-марксистским режимом. Но мы что-то не слышали об аналогичной кампании в Советском Союзе. Да, СССР полагал правительству Эфиопии. Но чем? Главным образом, оружием...

«Конечно, — признает Бурлацкий, — технологический прогресс многократно увеличивает производительность труда, разнообразие товаров потребления, коренным образом меняет материальные основы человеческого существования. Но что происходит с человеческими отношениями? Вот поистине гамлетовский вопрос западной цивилизации.»

Что ж, с этим можно согласиться. Научно-техническая

революция потому и называется революцией, что затрагивает все этажи человеческого бытия. И, естественно, что сейчас, в эпоху крутых и бурных перемен, трудно сказать, к чему придет человечество и как эти перемены отразятся на сознании людей.

Однако попытки Бурлацкого доказать, что эти перемены приведут к укреплению барьеров, разделяющих разные социальные группы, к появлению замкнутых каст по типу индийских, совсем не убедительны. На Западе, скорее, идет обратный процесс — стирания социальных граней. Если же говорить о кастовости, то она действительно существует, но только в иной общественной структуре. Привилегированные школы и институты, закрытые магазины, столовые и больницы, система бронирования мест в поездах и гостиницах, даже особый церемониал похорон на особых кладбищах — всего это нет ни в одной западной стране. Как тут не вспомнить народную мудрость: «Тот, кто живет в стеклянном доме, не должен бросать камни».

Я уже говорил и повторяю еще раз: Федор Бурлацкий — человек серьезный и думающий. Тем более печально, что объективное исследование действительно сложной проблемы он часто заменяет привычным набором штампов. Видимо, для политического обозревателя «ЛГ» иной подход исключен. Положение обязывает...

ТРУД, РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Вадим Белоцерковский

САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПРОПАСТЬ МЕЖДУ «МИРАМИ»

Сторонники капиталистического развития в Советском Союзе исходят из убеждения, что вскоре же после «свержения» социализма в России там установится такая же жизнь, как и в «нормальных» капиталистических странах, имея при этом в виду страны Западной Европы или США.

— А как в Турции не хотите? — спрашивал я иногда. В ответ хлопают глазами: в России, как в Турции?

Не говоря уже о нереальности возвращения России к капитализму, его сторонники напрочь забывают, что помимо горстки высокоразвитых цивилизованных и демократических буржуазных государств существуют в мире десятки так называемых развивающихся стран, капитализм в которых все еще не имеет «человеческого лица».

Для всех этих стран характерен низкий, на грани нищеты, уровень жизни большинства населения, колоссальный контраст между богатством и бедностью, чудовищная коррупция, плачевное состояние образования, медицины, социального обеспечения и страхования и вообще всего общественного сектора. Плюс к тому во многих странах третьего мира отсутствует демократия и правопорядок, или они там очень зыбки и несовершенны. Деятельность местных капиталистов и торговцев часто густо замешана на жульничестве и голом хищничестве. И над всем народным хозяйством, как правило, царствуют международные концерны, мешая всестороннему развитию народного хозяйства.

Но русские сторонники капитализма ничего этого не хотят замечать. Уровень цивилизации и жизни в «социали-

стических» странах они сравнивают только с уровнем развитых капиталистических государств. Очень любят они, например, упоминать о большой внешней задолженности Польши, скажем, или Югославии, но никому даже в голову не придет оглянуться, какова задолженность капиталистических стран третьего мира. А она ведь там на порядок выше!

И главное, не хотят думать отечественные сторонники капитализма о том пугающем и широко известном факте, что разрыв между развитыми странами и «развивающимися» не сокращается, а увеличивается. Это обстоятельство констатируют все серьезные источники — от учреждений ООН до Папы Римского (См., например его энциклику «Занимаясь трудом»).

И если подумать хорошенько, то возникает вопрос: *А возможно ли сейчас вообще создание, рождение новых «развитых», т.е. цивилизованных и демократических капиталистических стран где-либо?! Быть может, это уже в принципе невозможно, как невозможно, скажем, зарождение вновь жизни на земле?*

Чтобы ответить на этот вопрос, подумаем, вспомним, каким образом и в каких условиях развивались «развитые» капиталистические страны.

1. Они, прежде всего, довольно долго имели возможность жестоко эксплуатировать свое население, благодаря отсутствию профсоюзов, трудового законодательства и социального обеспечения. В частности, имели возможность сгонять так или иначе с земли своих крестьян, стимулируя тем самым интенсификацию сельского хозяйства и обеспечивая промышленность трудовыми резервами, что в свою очередь позволяло поддерживать низкий уровень цен на рабочие руки. Способствовала всему этому и слаборазвитая еще, «цензовая» демократия, когда рабочие и крестьяне в массе своей не имели даже избирательных прав.

Сегодня такое уже нигде не возможно в условиях развития буржуазной демократии, т.е. при одновременном развитии как народного хозяйства, так и демократии. Те же коммунисты не позволят: начнут агитацию, борьбу «за права рабочих и крестьян». Да и общественность развитых капиталистических стран будет протестовать.

2. Почти все развитые сейчас страны имели колонии, т. е. богатые ресурсами земли, из которых многое выкачивали «внеэкономическими» способами, которые можно было, попросту говоря, — грабить. Исключение — США, но они имели на собственной территории колоссальные природные богатства и огромный запас земель плюс приток квалифицированных рабочих рук, голов и капиталов из Старого Света, уже весьма к тому времени развитого.

Сегодня колонии не может иметь никто (за исключением Советской России).

3. В свою очередь развитые (ныне) страны не знали над собой в прошлом никакого экономического, а тем более колониального господства (в период развития там капитализма). Сейчас же все капиталистические страны III мира находятся под экономическим гнетом развитых стран, их концернов, которые инвестируют известное количество капиталов в III мир, чтобы пользоваться дешевым трудом, но значительную часть прибылей и продукции, получаемых с помощью этих капиталов, забирают обратно. Тормозят они развитие народного хозяйства III мира также посредством потока изделий своей промышленности, более качественных и современных, нежели те, что способна выпускать местная промышленность.

В итоге, создание в странах III мира собственных полноценных производительных сил, видимо, уже невозможно. Полноценных и по структуре, и по уровню подготовки кадров рабочих, инженеров, менеджеров, и, следовательно, по конкурентоспособности.

Инвестиции капитала из I мира, конечно, несколько поднимают уровень жизни и уровень квалификации работников в странах III мира, но не настолько, чтобы они смогли сокращать разрыв, догонять I мир.

Недостаточна для этого и экономическая помощь правительств развитых стран и ООН. Она составляет лишь небольшую часть того, что выкачивают концерны и банки первого мира из стран мира третьего. Например, правительство США предоставило в 1984 г. безвозмездную помощь странам III мира на сумму в 8 миллиардов 700 миллионов долларов (США, как известно, предоставляют большую часть такой помощи). В то же время для погашения кредитов

и выплаты процентов по ним III мир выплачивает ежегодно около 120 миллиардов долларов. И сюда еще не входят прибыли, выкачиваемые концернами развитых стран из своих филиалов в III мире и из предприятий, в которых они состоят совладельцами.*

4. Наконец, необходимо отметить и еще одно важное условие успешного развития стран I мира. Это — непрерывное в последние века — развитие культуры во всех слоях общества, и во всех сферах социальной жизни: от литературы и искусства — до правовой культуры, от науки — до женской эмансипации, от культуры быта — до культуры труда. И даже революции играли свою положительную роль, перепахивая не только социальные структуры, но и сознание людей, раскрепощая его, освобождая от власти традиций и подготавливая для восприятия нового, для проявления инициативы. Распространение культуры в широких слоях населения обеспечивалось и успешным процессом первоначального накопления капитала.

Способствовали общему прогрессу I мира и реформаторские движения в религии, которые в свою очередь были связаны с развитием культуры и экономики.

Без фактора культуры невозможно объяснить, почему, например, республики Прибалтики даже при тоталитарном социализме долго сохраняли (и, возможно, до сих пор сохраняют) более высокий уровень жизни и цивилизованности, нежели остальные республики СССР и страны III мира.

Итак, мы приходим к выводу, что для создания в мире новых развитых и цивилизованных буржуазно-демократических стран необходимо сочетание всех перечисленных выше условий. Но это, очевидно, уже немыслимо в современном мире.

---

* Исключение составляют страны-экспортеры нефти, члены ОПЕК (в этих странах проживает лишь малая часть населения III мира). С помощью «нефтяного бунта», взвинчивая цены на нефть (на 130%), они смогли несколько подтянуться к уровню развитых стран, но своих собратьев они еще глубже загнали в нужду. Повышение цен на нефть, а с ней и на остальные импортные товары, тяжелейшим образом оградило на экономике «развивающихся» стран и увеличило их внешнюю задолженность до угрожающих размеров. В то же время I мир сумел защититься от «нефтяного бунта».

Дополнительным доказательством обсуждаемой гипотезы является развитие стран II, т. н. «коммунистического» мира.

За ширмой рабоче-крестьянской, «своей», власти здесь ликвидируется «буржуазная» демократия со свободной прессой и независимыми профсоюзами и создается возможность для первобытной эксплуатации рабочих и лишения крестьян земли в процессе «раскулачивания» и коллективизации. Вводится жесткая монополия внешней торговли, закрываются границы для экспансии капитала из стран I мира и проникновения оттуда товаров. Когда все народное хозяйство в руках государства — это дело легкое!

Далее, государство, владея всем национальным доходом, способно концентрировать капиталы для форсированного распространения образования и профессионального обучения и быстрого развития тех отраслей индустрии, которые необходимы для создания независимой экономики и сильной армии.

В результате, страна может войти в число промышленно развитых держав, но, конечно, далеко не по всем параметрам. Отсталыми остаются производство средств потребления, сектор услуг и сельское хозяйство. И вся индустрия в целом страдает от низкого качества продукции и недобросовестной эксплуатации оборудования и техники, от замедленного развития производительности труда и прикладной науки. В ходе такого развития не создается и предпосылок для постепенного становления демократических и правовых порядков, как то было в истории стран I мира.

В целом, можно сказать, что на таком пути страна может войти в число промышленно развитых держав, но не в число цивилизованных.

Однако, если не будет найдено иного пути, то все новые и новые страны III мира будут поддаваться соблазну «коммунистическим» путем выбиться в число независимых и относительно развитых государств.

Что же касается перспектив для стран II мира в случае их возвращения на капиталистические рельсы (если бы это было возможно!), то, думаю, их ожидало бы скорое прибытие в... III мир! Не в первый.

При открытии границ и присоединении к мировому рынку (без чего переход к капитализму немыслим) выяснилось бы, чего стоят все их промышленные «достижения» — большая часть их индустрии оказалась бы никому не нужным железным ломом. Полное отсутствие к тому же у людей навыков к капиталистическому хозяйствованию, более того наличие, я бы сказал, контрнавyków («вторая» экономика дает лишь навыки паразитирования на государственном секторе и «конкуренции» с ОБХСС) — все это поставило бы бывшие страны II мира в худшее даже положение, нежели то, в котором находятся сейчас страны III мира. (Если не считать уж самых нецивилизованных из них, только что вышедших из «первобытного коммунизма»).

Иными словами, «социалистические» короли оказались бы голыми и беззащитными, по крайней мере, в экономическом смысле.

Но подробно об этом говорить бессмысленно, ибо подобный переход — чистая утопия.

*

Доброкачественное и быстрое развитие стран II и III мира возможно, видимо, лишь на основе строя самоуправляющихся коллективных предприятий и учреждений (как преобладающей формы).

Отвлекаясь пока от неоднородности третьего мира, рассмотрим схему возможного развития отсталой страны на основе самоуправления.

Как известно, важнейшими задачами для большинства таких стран являются образование народа, улучшение медицинского обслуживания, часто — землеустройство, развитие энергетики, транспорта. То есть общенародные и гуманитарные задачи.

При буржуазно-демократическом строе государство, особенно в отсталых странах, не имеет для решения этих задач необходимых средств. Частный же капитал привлечь к общенародным целям очень трудно. Тем более, в III мире, откуда большая часть частных доходов так или иначе утекает в мир первый: кредиторам, инвеститорам, совладельцам.

При самоуправлении (я имею здесь в виду социалисти-

ческую концепцию самоуправления, при которой расширенным воспроизводством — созданием новых предприятий — должно заниматься государство) в руках правительства будет находиться значительная доля национального дохода, а именно та, которая предназначена на расширенное воспроизводство. И часть этих средств государство сможет выделять на общенародные цели (сейчас на это идут главным образом пожертвования от правительств и различных благотворительных учреждений I мира, которые, конечно, совершенно недостаточны).

Целенаправленно сможет вести государство и расширенное воспроизводство, развивая в первую очередь те отрасли народного хозяйства, которые необходимы для создания здоровой и самостоятельной экономики.

Может показаться, что у государства при самоуправлении будет все-таки намного меньше средств, чем при тоталитарном социализме, когда государство владеет всем народным хозяйством и всем национальным доходом. Но так может только показаться. На самом же деле львиная часть государственных доходов при тоталитарном социализме расходуется впустую, распыляется, разворовывается. В частности, уходит на поддержку нерентабельных предприятий, на чрезмерные военные нужды, на раздутый государственно-партийный аппарат. Теряется непроизводительно и значительная часть тех средств, которые идут на расширенное воспроизводство.

Далее. При самоуправлении невозможна такая эксплуатация рабочих, которая имеет место при тоталитарном социализме или существовала при молодом капитализме, но этот «недостаток» сможет восполняться и перекрываться высокой производительностью труда, характерной для самоуправляющихся предприятий. В США, стране наивысшей производительности труда, самоуправляющиеся предприятия (их там сейчас уже около 8 тысяч) показывают вдвое более высокие темпы роста производительности и доби-ваются значительно большей прибыльности (до 50%), нежели сравнимые с ними капиталистические предприятия.*

---

* Я опираюсь здесь на данные обследования самоуправляющихся предприятий финансовой комиссией Конгресса США и Национального исследовательского центра принадлежащих рабочим предприятий.

Это означает, что, вместо расходования огромных средств на поддержание нерентабельных предприятий (как то имеет место при тоталитарном социализме), государство при самоуправлении будет со временем получать все больше средств за счет налогов с быстро богатеющих самоуправляющихся предприятий. И сможет соответственно наращивать темпы индустриализации и решать гуманитарные общенародные задачи.

Государство при самоуправлении сможет также успешно ограждать в период становления свое народное хозяйство от экономической экспансии I мира с помощью таможенных барьеров и контроля над притоком капиталов.

Здесь важно не упускать из виду, что самоуправляющиеся предприятия сравнительно меньше, чем капиталистические, заинтересованы во внешней торговле, и меньше нуждаются в притоке капиталов извне. Причина этого состоит в том, что они не ведут расширенного воспроизводства и, следовательно, не находятся под давлением агрессивной конкуренции (конкуренции в накоплении капиталов). Расширенное воспроизводство требует больших средств, капиталов, которых в отсталых странах не хватает, и предпринимателям этих стран приходится занимать их у стран I мира и, следовательно, попадать к ним в кабалу. (А не займешь, так проиграешь в агрессивной конкуренции с теми соседями, которые займут!).

Хороший пример независимости самоуправляющихся предприятий от внешнего мира дает история создания федерации самоуправляющихся предприятий «Ульгор» (другое название — Mondragon) в Испании. Предприятия эти начали создаваться в 40-х годах, когда Испания была изолирована от западных капиталов (и от конкуренции западных товаров тоже!). Испания в то время, и особенно провинция Баскония, где зарождалась федерация, почти полностью подходила под понятие «страны III мира». Население провинции, очень сильно пострадавшей во время гражданской войны, не могло рассчитывать ни на помощь государства, ни на капиталы отечественных предпринимателей, которые были тогда весьма бедными да и не интересовались нищей провинцией. В результате в Басконии свирепствовала безработица, особенно среди молодежи.

Это-то, видимо, и подтолкнуло местного священника Аризменди Ариетта попробовать путь самоуправления и групповой собственности!

Начал он с создания «самодеятельного», кустарного технического училища (!), так как в провинции мало было не только капиталов, но и квалифицированных людей. С помощью первых выпускников этого училища была создана поначалу небольшая мастерская по ремонту бытовых приборов. К середине 50-х годов она уже выросла в крупный завод, получивший название «Ульгор», выпускавший холодильники, стиральные машины и другую бытовую электротехнику. Сейчас изделия «Ульгора» считаются лучшими в Испании.* Вслед за «Ульгором» стали создаваться другие самоуправляющиеся предприятия, объединившиеся в федерацию «Мондрагон». В настоящее время эта федерация насчитывает уже около 100 предприятий различного профиля и величины, на которых трудится более 20 тысяч человек. Эти люди имеют наивысшие в Испании заработки и показывают самую высокую производительность труда. Правительства многих стран III мира уже обращаются к федерации с просьбой помочь в создании подобных самоуправляющихся предприятий. В 1983 г. «Ульгор» подписал контракты с Мексикой и Тунисом о такой помощи. Между прочим, расширенное воспроизводство федерация «Ульгор» ведет централизованным образом, близко к описанной выше схеме, с помощью созданных предприятиями на паях собственного банка. Этот банк (исполнительная власть!) под контролем Наблюдательного Совета, состоящего из избираемых представителей всех предприятий федерации (законодательная власть) финансирует создание новых предприятий или модернизацию действующих (техническая оснащенность предприятий федерации — наивысшая в Испании), а также поддерживает и расширяет сеть своих профессионально-технических училищ и выдает ссуды-стипендии молодежи, которая хочет получить высшее образование, обязуясь потом работать в системе федерации.

---

* Я опираюсь здесь на материалы американских социологов Дж. Пауэра и Р. Каттнера. Подробнее в кн. «Самоуправление», München, 1985, гл. 3, сс. 93-96.

И пример Испании, разумеется, не единичен. Другого рода пример — история создания кибуцев в Палестине (до образования Израиля), когда она представляла собой типичную страну III мира, и евреи там не имели серьезной материальной помощи со стороны.*

Очень интересна и история возрождения польской промышленности после второй мировой войны, которая, к сожалению, очень плохо известна. Как я узнал от зарубежных представителей «Солидарности» Ежи Милевского и Иоанны Пиларской, с 1945 г. и до 1948 г., т. е. до тех пор, пока еще не установилась прочно в стране коммунистическая власть, производство самостоятельно восстанавливали и налаживали рабочие, инженеры и служащие. Расчищали развалины, ремонтировали оборудование, пускали предприятия в ход. В Польше за время войны было разрушено более половины производственного потенциала, большинство хозяев покинуло страну и капиталов никаких не было. Люди работали бесплатно, даже отдавая часто на восстановление своих предприятий личные сбережения как кооперативный взнос. Впоследствии коммунистические власти, национализировав все предприятия, не выплатили обратно этих взносов, обокрав таким образом своих трудящихся!

Пущенные в ход предприятия находились под контролем коллективов и руководились избранными ими специалистами и рабочими. Таким образом, в течение первых двух-трех лет после войны развитие производства в Польше шло в значительной мере на основе самоуправления. И шло весьма успешно: ситуация на рынке выглядела лучше, чем тогда, когда в Польше установился режим тоталитарного социализма. «Когда в 81 г., — рассказывали представители «Солидарности» — мы добивались введения самоуправле-

---

* Разговоры о том, что кибуцы существуют лишь благодаря льготам, предоставляемым государством, ничего не стоят. Экономическая картина в Израиле чрезвычайно осложнена перманентными военными расходами и связанными с этим явлениями. К тому же, экономические льготы имеют и крестьяне большинства развитых стран (дотация при определении цен на многие продукты и т. д.); эти льготы защищают их от конкуренции со стороны сельского хозяйства более бедных стран с дешевой рабочей силой.

ния, как основы экономической реформы, то оно не было для нас утопией!»**

Здесь хотелось бы отметить, что я привожу все эти примеры вовсе не для того, чтобы сделать вывод о необходимости полной изоляции отсталых стран. Помощь со стороны, не на хищнических условиях, может, естественно, ускорить и облегчить создание самоуправляющихся предприятий в странах III мира и их поступательное движение. Примеры показывают лишь, что защита от чрезмерной экономической экспансии здесь возможна, так как возможно обходиться и без притока капиталов извне.

Обратим, наконец, внимание и на еще одно чрезвычайное преимущество развития III мира на пути самоуправления. Суть его в том, что работа в самоуправляющихся коллективах даст возможность преобразования культурного и морального облика людей. В самоуправляющемся коллективе, не получающем никакой дотации от государства и конкурирующем с другими трудовыми коллективами на свободном рынке, судьба людей и их благополучие целиком зависит от их добросовестности в труде и соблюдении внутренних правил и интересов коллектива и предприятия (или учреждения).

Здесь меркантильность совмещается с альтруизмом, а стремление к самоутверждению — со стремлением к единению, солидарности.

Здесь эгоизм или честолюбие заставляют человека вести себя добропорядочно и честно. (А кто не умеет — должен уйти!)

Здесь, наконец, необходимо постоянно расширять свой кругозор, чтобы активнее и увереннее следить за ходом дел и управлением предприятием — своим предприятием!

На мой взгляд, только с помощью самоуправления имеют шанс страны III (и II!) мира цивилизовать свое население и преодолеть таким образом отставание от I мира.

Для стран второго мира, мира тоталитарного социализма, самоуправление вообще, видимо, единственная альтернатива (демократическая!), судя хотя бы по опыту массовых

** См. «Самоуправление», Мюнхен, 1985, сс. 135-152.

движений в Восточной Европе (Венгрия — 1956 г., Чехословакия — 68, Польша — 56 и 81).

Нужно, однако, оговориться, что эффективное и жизнеспособное самоуправление может быть установлено далеко не во всех странах мира, а только в наиболее уже развитых и культурных из них. Притом с культурой, открытой к восприятию нового. Но даже и в этих странах самоуправление вряд ли может возобладать, сделаться преимущественной формой без серьезной помощи извне, прежде всего помощи примером и опытом. То есть до того времени, когда самоуправление возобладает в ряде крупных стран I или II мира. (Во II мире — это, практически, в СССР).

Строй самоуправления в полном объеме, с соответствующей государственной структурой, — это строй «посткоммунистический» и постиндустриальный, и поэтому самостоятельно он может, наверное, установиться только в странах I или II мира. А уж потом и в III мире. Но то обстоятельство, что самоуправление в конце концов — единственное, видимо, что может дать человечеству шанс ликвидировать пропасть между «мирами», представляется одним из решающих аргументов в его пользу. Ведь из всех апокалиптических проблем нашего времени проблема «пропасти» между мирами, наверное, самая трудноразрешимая.

Между прочим, *теоретически* допустимо, что и развитые капиталистические страны проявят мудрость и будут способствовать развитию самоуправления в III мире. Способствовать экономически, политически и с помощью уже имеющегося в развитых странах опыта по самоуправлению (при желании и наличии средств можно найти много людей, которые стали бы изучать, обобщать и распространять этот опыт). Но это возможно лишь в том случае, если влиятельные круги в развитых странах поймут, что демократия может существовать не только на капиталистической основе и что лучше жить в соседстве с демократическим самоуправлением, нежели с агрессивным тоталитарным социализмом, который к тому же, утверждаясь в странах III мира, вынуждает их искать опору либо у Советского Союза, либо у Китая. Самоуправление же — смертельный враг тоталитарного социализма. Доказательство этому можно видеть в той поспешности, с которой

подавлялись ростки самоуправления в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 и в Польше — в 1981. Или в той тщательности, с которой советские власти стремятся скрыть от людей в СССР какие-либо сведения о самоуправлении и борьбе за него.

Строй самоуправления — синтез между капитализмом и тоталитарным социализмом, и только синтез может вытеснить антисинтез (тоталитарный социализм). Утверждение строя самоуправления хотя бы в одной стране любого из «миров» станет, наверное, началом конца тоталитарного социализма.

Говоря иными словами, словами Андрея Сахарова, самоуправление — «это некий конкретный аспект *здоровой* конвергенции.»* А «сближение-конвергенция стран с различным строем», — процитируем вновь Сахарова, — «альтернатива всеобщему уничтожению»**

---

* См. «Русская мысль», N 3191, 1977 г.

** А. Сахаров, «На присуждение премии имени Лео Сцилларда», 1983 г.

ИСТОРИЯ

Сергей Максудов

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ — ПРОЛОГ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В этом году исполняется семь лет с начала геноцида в Афганистане и семьдесят лет со времени кровавого подавления восстания в губерниях Туркестана.

Поводом к выступлению местного населения была мобилизация восточных инородцев на принудительные работы. Не понимая «великих» задач далекой европейской войны, киргизы и казахи взбунтовались, перестали подчиняться царским чиновникам, напали на русские поселки, разбросанные по территории края. Несомненно, русская сельскохозяйственная колонизация — продукт Столыпинской реформы — была одной из главных причин возмущения коренного населения. В руки переселенцев попали 45 млн. десятин лучших земель (около 20 % всего земельного фонда) и наиболее удобные источники водоснабжения. Кочевое скотоводство — традиционный способ существования казахов и киргизов — было резко стеснено. Выход из положения царские чиновники видели в переходе всего населения к оседлому образу жизни. Об этом, в частности, говорилось на совещании в Петербурге 20 мая 1907 г. при генерал-губернаторе Степного края. (Степной край охватывал территорию современного Казахстана). В документах этого совещания говорится:

«Окончательное поземельное устройство всего киргизского (т. е. казахского) населения будет возможно только тогда, когда оно само и все поголовно перейдет от кочевого быта к оседлому».

Еще решительнее высказывался директор департамента

земледелия Н. А. Крюков. Он считал, что на пути осуществления переселенческой политики Столыпина стоит

«кочевой быт инородцев Сибири, поэтому с этим тормозом надо покончить: кочевой быт должен быть уничтожен, и все кочевники должны быть выдвинуты в определенные границы земельных владений».

(Отметим в скобках, что «покончить с вопросом» сумел лишь Сталин в 1931-33 гг., уничтожив кочевое земледелие вместе с 95 % скота и почти миллионом самих казахов-кочевников.) Как образно описывает этот процесс казахский историк,

«с помощью советского государства, великого русского и других народов подавляющее большинство кочевого и полукочевого населения перешло к оседлому образу жизни.»¹

Другой исследователь добавляет:

«численность казахского населения в сельской местности уменьшилась... проблема скрытого массового относительно аграрного перенаселения в ауле была снята ... степи очистились для земледельческой колонизации.»²

Царскому правительству не дано было окончательно решить эти проблемы восточных районов страны, однако приводимые ниже документы показывают, что и оно старалось это сделать. Бросив на подавление восстания казаков и вооружив местное русское население, генерал-губернатор Куропаткин подавил вооруженные выступления «инородцев». Орды киргизов бежали в Китай, где в конце 1916 года скопилось около 300 тысяч кочевников. Одновременно часть русского населения этих областей бежала на северо-запад, в европейские районы страны.

Обострив и без того натянутые взаимоотношения между различными национальными группами в Туркестане, восстание 1916 года явилось для среднеазиатской части страны прологом революции и гражданской войны.

---

1. Н. Кийкбаев, Торжество ленинской национальной политики в Казахстане, Алма-Ата, 1968, с. 176.

2. Г. Ф. Дахшлейгер, Изменение социальной структуры казахского аула в период перехода к социализму. В сб. «Изменение социальной структуры народов СССР», М., 1982, сс. 52-81.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ СБОРНИКА «ВОССТАНИЕ 1916 В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ»*

1916 г. августа 23. — Приказ генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина о порядке призыва на тыловые работы №220, г. Ташкент.

Великая война, которую ныне ведет Россия и ее союзники, не может быть закончена ранее полной победы русских и союзных России войск. Для обеспечения победы все население как России, так и ее союзников, напрягает все силы, не жалеет никаких жертв. Все народы империи, обязанные воинской повинностью, уже выставили для действующей армии и ее непрерывного укомплектования значительную часть мужского населения в призывном возрасте. Дальнейшие призывы более зрелых возрастов желательны возможно замедлять, чтобы в лучшей мере обеспечить нужды как самого населения, так и нужды армии, которую обслуживает еще не призванное в ряды армии население. Такое замедление станет возможно, если в ряды армии будут призваны те нижние чины или рабочие, подлежащие воинской повинности, которые ныне работают или служат в тылу армии по устройству и охране железных и иных дорог, проведению канав, устройству тыловых укреплений, заготовке топлива, охране и пастьбе войскового скота, служат рабочими в предприятиях, работающих на армию, и др.

Все эти работы и службы жизненно необходимы для армии, поэтому снятие с этих работ нижних чинов или рабочих, обязанных, воинской повинностью, может быть произведено только в том случае, если на место нижних чинов и рабочих придут другие рабочие.

Государю императору 25 июня сего года благоугодно было повелеть произвести такую смену рабочих, взятых с населения Российской империи, не привлеченного еще к отбыванию воинской повинности, в том числе и из Туркестанского края.

В заботах о Туркестанской окраине е. и. в. повелел взятым рабочим производить плату за работу и довольствовать их от казны.

Общес число рабочих, которое должно быть выставлено всеми пятью областями Туркестанского края, определено лишь в 220 000 чел. Такое число рабочих, назначенных из многочисленного туземного населения Туркестана, является весьма льготным, сравнительно с тем, что при такой же численности выставлено коренным русским населением в ряды армии.

---

* Изд. АН СССР, М., 1960.

Так как перевозка всей массы выставленных рабочих потребует значительного времени, то уборка урожая сего года не может пострадать. Тем не менее, дабы обеспечить сбор урожая даже передовым эшелонам, государь император милостиво разрешил отсрочить начало призыва рабочих до 15 сентября.

Населению Туркестана при завоевании его оставлялись в его владении и пользовании земли, сохранялось свободное отправление веры, уважался местный уклад жизни, но до сих пор на туземное население не было распространено отбывание воинской повинности за дарованные ему милости.

За период 40-50 лет владения Россией бывшими среднеазиатскими ханствами туземное население под защитой русских штыков жило мирной жизнью, развивалось и богатело. Экономический рост завоеванных областей в значительной части был обязан жертвам коренного русского населения, на средства которого содержались войска, проводились железные дороги и пр. В тяжелую годину, переживаемую русским народом, туземному населению Туркестана надлежало вспомнить эти заботы об них русского правительства, вспомнить жертвы, принесенные для их процветания коренным русским населением, и без колебаний и сомнений послушно отозваться на призыв державного вождя великой России и выставить в полном порядке назначенное для тыловых работ число рабочих. В большинстве местностей Туркестана, надо надеяться, так и произойдет, но оказались и такие местности, в которых население отказалось дать рабочих, возмутилось, напало с оружием в руках на должностных лиц и беззащитное русское население, производило насилие над ними и даже убийства.

Большая часть таких выступлений уже усмирена силой оружия, виновные наказаны или будут наказаны, а земли, на которых совершены убийства людей, отобраны навсегда в казну.

Государю императору благоугодно было в 22-й день минувшего июля поручить мне управление Туркестанским краем, возложив на меня исполнение воли е. и. в. о призыве туземцев на работы, наказание виновных и восстановление мирного течения жизни в крае.

Вступив в управление высочайше вверенным мне краем, я ознакомился как с происшедшими прискорбными событиями, так и с причинами, их вызвавшими.

Озабочиваясь успешным выполнением воли августейшего монарха, я всеподданнейше ходатайствовал через военного министра перед е. и. в. о предоставлении мне права определять, в зависимости от местных условий, порядка и сроки призыва рабочих, а также освобождать от поставки отдельные трудно доступные местности края, дабы этими мерами, с одной стороны,

дать возможность населению управиться со своим полевым хозяйством и подготовиться исподволь к предстоящей отправке на работы, а с другой, — выполнить и исправить допущенные первоначальные ошибки по наряду и разверстке.

Изъясненные предположения мои 28 июля сего года удостоились всемилостивейшего государя императора утверждения. Вместе с сим государю императору благоугодно было на время состояния Туркестанского края на военном положении предоставить мне право главнокомандующего армиями.

Сообщая о такой высочайшей воле во всеобщее сведение по вверенному мне краю, я на основании высочайше данных мне полномочий объявляю:

1) Призыв инородцев на работы в тыловых районах действующих армий начнется с 15 наступающего сентября и будет продолжаться последовательно в течение 3-4 ближайших месяцев, причем при установлении очереди отправления рабочих из разных местностей края будут приняты во внимание их хозяйственные интересы.

2) Отpravку рабочих начать производить с 18 сентября ежедневно по одному поезду в 1000 чел. Расписание отправления поездов на первый месяц отправки при сем прилагается.

На военных губернаторов и на начальника Закаспийской области возлагается обязанность сообразно сему расписанию подготавливать к отправке эшелоны рабочих. Дабы самая отправка совершалась в полном порядке и рабочие могли прибыть на работы здоровыми и бодрыми, предлагаю к непрерывному руководству меры, указанные в приложении к сему приказу.

3) При разверстке указанных выше 220 000 рабочих в предположении немедленной отправки было допущено в охрану интересов местностей, производящих хлопок, значительное уменьшение следуемых по разверстке рабочих с Ферганской области и некоторых уездов Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей, общей численностью около 40 000 чел. Вместе с сим эти 40 000 были распределены на местности преимущественно с кочевым населением, в которых хлопок не производится.

Я не признал возможным, ввиду достаточной охраны сбора хлопка самыми сроками призыва, переложение такого числа рабочих на местности, в сравнении с производящими хлопок, бедные, и посему все добавочное количество рабочих исключил с местностей, на которые таковое было начислено.

В то же время, дабы не изменять уже составленных списков в местностях, производящих хлопок, увеличение числа назначенных с них рабочих может быть произведено впоследствии, если в том представится необходимость.

Поэтому в настоящее время общее число рабочих определяется, согласно составленным спискам, в 200 470 чел., в том числе на Сыр-Дарьинскую область — 60 000, на Самаркандскую — 32 407, на Ферганскую — 51 233, на Семиреченскую — 43 000 и на Закаспийскую — 13 830. Подробное распределение рабочих по уездам, волостям и городам областей края объявляется в отдельных к приказу приложениях № 3, а, б, в, г, что же касается Семиреченской области, то наряд рабочих по уездам, городам и волостям в ней будет объявлен особо, вслед за успокоением вспыхнувших в названной области серьезных беспорядков.

4) Работы, к которым привлекаются туземцы, будут производиться в тыловых районах армии и фронтов.

Цель призыва на эти работы туземцев состоит в том, чтобы освободить для службы в войсках нижних чинов, а также рабочих, еще не призванных в войска, но на которых воинская повинность распространена.

5) Работы, возлагаемые на туземцев, будут состоять в проложении и починке дорог, проведении канав, устройстве укреплений, заготовке дров, пастьбе скота, заготовлении для него корма и пр. Все работы будут производиться вне района военных действий.

6) На работы, указанные в п. 5 сего приказа, будут привлекаться туземцы всех областей Туркестанского края, кроме Закаспийской, что же касается туркмен Закаспийской области, то ввиду того, что народ этот в настоящее время принимает участие в рядах наших доблестных войск в составе Текинского конного полка, совершившего славные подвиги, привлеченные от него по наряду рабочие будут назначаться с оружием в руках для несения сторожевой службы, как то: охраны пленных, охраны лесов, железных дорог и пр. Киргизы Закаспийской области будут назначаться на работы на общем основании с киргизами прочих областей.

7) Возлагаясь на туземцев работы, равно как несение туркменами сторожевой и караульной службы, будут оплачиваться казной в размере рубля в день, кроме продовольствия на счет казны, что составит до 50 коп. в день на человека.

Заработная плата может быть увеличиваема или уменьшаема, смотря по старанию рабочих; плата считается со дня посадки рабочего в поезд (или на пароход).

8) Отправляясь на работы, туземцы обязаны запастись за свой счет теплой одеждой и обувью, так как им придется работать осенью и зимой в холодном климате.

9) В случае недостатка у рабочих своих средств на заготовку одежды или обуви им могут быть выданы в счет заработной платы задатки в размере не свыше 30 руб. каждому. В счет выданной

вперед суммы производится, где то потребуется, и обеспечение семей назначенных на работы. Означенная плата вперед выдается на руки самим рабочим с отметкой о том в их расчетных книжках.

10) Наряд рабочих в волостях и аулах производится самими туземными обществами по их приговорам.

11) От наряда может быть освобождено самое ограниченное число лиц, список освобожденных от наряда по их занятиям и положению объявляется в отдельном приложении № 2 к настоящему приказу. Кроме того, признано необходимым вовсе освободить от наряда:

а) население Памирских волостей и

б) население Матчинской волости Ходжентского уезда, Фальгарской и Искандеровской волостей Самаркандского уезда.

12) Туземцы, не принадлежащие к русскому подданству, наряды не подлежат.

13) Привлечение туземцев на работы производится по месту их приписки.

Для содействия населению и администрации по выполнению призыва туземцам предоставляется учреждать особые порайонные комитеты, деятельность которых по организации рабочих партий (их снаряжению, отправлению и установлению сношений с родиной) определяется в особом к настоящему приказу прил. № 1.

Конечной целью указанных мною мер ставлю, чтобы рабочие отправлялись на тыловые работы успокоенными и уверенными в том, что как о них, так и об оставляемых ими семьях будут постоянно и всемерно заботиться власти, входя в их нужды и нужды их семей, и чтобы туземцы вернулись на родину лучше, чем ныне, ознакомленными с могуществом и величием русского государства, с более ясным, чем ныне, сознанием, что они должны составлять одну дружную семью со всем великим русским народом.

Изложенные меры, надеюсь, должны рассеять в среде туземцев всякие опасения и тревогу по поводу поставки рабочих, потому я уверен, что высочайший указ 25 июня сего года о призыве туземцев Туркестанского края на работы в тылу наших доблестных войск будет выполнен ими успешно и с сознанием долга, лежащего на них, как на русско-подданных.

Прошу военных губернаторов и начальника Закаспийской области принять настоящий приказ к точному исполнению и широкому оповещению среди населения вверенных им областей, предварив туземцев, что высочайшее повеление государя императора о призыве рабочих подлежит точному исполнению.

Подлинный подписал: Туркестанский генерал-губернатор,
генерал-адъютант Куропаткин

1916 г. сентября 10. — Телеграмма генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина военному министру Д. С. Шуваеву о действиях карательных отрядов в Семиреченской области и об отходе восставших к китайской границе.

Из Ташкента в Петроград, N 7187

Дополнение телеграммы 7157. В Пишпекском уезде 10 мятежных волостей сосредоточились (в) ур. Джумгал (к) западу оз. Сон-Куль и долине р. Кочкор. От Токмака по тракту на Пржевальск через Буамское ущелье восстановлено телеграфное сообщение до ст. Турангир. В Пржевальском уезде появление войск вызвало отход до 6000 пржевальских киргиз(ов) на сырты, а из района северо-восточного берега Иссык-Куля и Каркары (к) китайской границе в долину р. Текес, где, по донесению нашего консула, мятежников собралось до 20 волостей. Шайка киргиз(ов), двинувшаяся с долины р. Кочкор по неизвестному перевалу, была рассеяна нашим отрядом в районе Токмака. Высланные из отряда Бурзи небольшие отряды разбили в долине р. Караходжур, (к) северу (от) Нарына, и (в) ур. Тарагай шайки мятежников с большими (для) них потерями, захватив скот. В Джаркентском уезде, (в) окрестностях Джаркента, возникли волнения киргиз(ов). (В) Аулие-Атинском уезде вооруженные киргизы 2-х волостей Чуйского участка угнали почти весь скот крестьян с. Гуляевки и, по полученным сведениям, намерены, как и киргизы горного участка, оказать сопротивление набору рабочих. (В) прочих местах края без перемен. В Кульджинском районе пока спокойно. 7187.

Куропаткин

1916 г. сентября 19. — Телеграмма начальника Пишпекского уезда Г. Ф. Путинцева военному губернатору Семиреченской области М. А. Фольбауму о необходимости прекращения дела об убийстве 138 и 517 пленных киргизов в г. Пишпек и с. Беловодском.

Из Пишпека в Верный

Военная

3845 и 2801. Дело о переколотых конвоем в Пишпекке 138 и убитых в Беловодске 517 киргиз(ах), как мне сказал прокурор палаты, (он) не оставит и привлечет виновных (к ответственности). Доношу до вашего сведения по случаю беседы с прокурором палаты, что русское население сильно возбуждено против киргиз(ов), то же замечается и в войсках. Поэтому полагал бы, во избежание выступления со стороны русского населения и войск, осторожно и осмотрительно прибегать к репрессиям в отношении крестьян, тем более, что из действующей армии в связи с киргизским мятежом поступают запросы о благополучии семей и

даже, на почве защиты своих семей, есть побеги солдат из частей — это с одной стороны, с другой, — уничтожение 517 бунтовщиков сразу положило конец начинающемуся в Беловодском уч(астке) мятежу, иначе, несомненно, пострадали бы русские люди и села. 5066.

Подполковник Путинцев

1916 г. октября 17. — Телеграмма генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина военному министру Д. С. Шуваеву об итогах восстания в Пржевальском уезде Семиреченской области и ходе мобилизации населения на тыловые работы.

Из Верного в Петроград, N 1013

(В) Семиреченской области сопротивление мятежных киргизов можно признать сломленным. Кроме Пржевальского и южных частей Пишпекского (и) Джаркентского уездов, наши отряды уже действуют (в) направлении пограничных перевалов. (По) имеющимся сведениям, до 25 волостей перешли (в) пределы Китая, каждую волость можно (в) среднем считать до 3000 душ мужского пола. С началом киргизского мятежа до подхода подкреплений можно было опасаться полного разгрома всего русского населения Семиречья. Принятыми семиреченским военным губернатором энергичными мерами удалось отстоять при относительно малых жертвах население Пишпекского и Верненского уездов и удержать от восстания население уездов Копальского и Лепсинского. Защитить своевременно русское население Пржевальского уезда не было сил, и население этого уезда сильно пострадало. Зверски убито (в) этом уезде русских до 2000, в подавляющем числе мужчин, уведено в плен и без вести пропало около 1000, преимущественно женщин. Сожжено 1300 усадеб, разграблено около 1000 усадеб. Г.Пржевальск отстояли, и он уцелел. Потери войск убитыми, ранеными, без вести пропавшими ставили по 17 октября 3 офицера, 184 нижних чина. В настоящее время все русское население области обеспечено охраною прибывших подкреплений, но с уходом их снова станет беззащитным. Требуется скорее вооружить все русское население, ружья были отобраны даже от казаков для отсылки в армию. Мне тяжело было смотреть, как население, имеющее до 2000 душ беззащитных русских, охраняется 15 нижними чинами. Вместе с военным губернатором и чинами Министерства земледелия обсудил, какие земли там, где пролита русская кровь, должны быть отняты от киргиз(ов) и зачислены в казну. Это наказание необходимо, кроме суровой казни главарей. К массе, охваченной стадным чувством, можно быть снисходительным. Видел по пути и в Верном представителей старшин и часть киргизского населения

около 30 волостей. Настроение даже невиновных (в) беспорядках подавленное. Всюду подтвердил о неуклонном выполнении высочайшей воли по поставке рабочих и лошадей и всюду отвечали полною готовностью выполнить эти требования, просили о прощении, ссылаясь на темноту неправомерное толкование злонамеренными людьми поставки рабочих. Работа в уездах, кроме Пржевальского, по составлению списков рабочих и заготовлению теплой одежды производится. По сделанным предварительным подсчетам можно ожидать поставки от всей области 26 000 рабочих. Часть рабочих первых партий в Пишпек и Верном мною осмотрены, снаряжены заботливо. Отправка первой партии из Пишпека назначена 29 октября, из Верного 1 ноября, из Джаркента 1 ноября и из Копала 15 ноября. Рабочие из Лепсинского уезда первая тысяча уже в пути (в) Сергиополь. Рабочие, ввиду огромных расстояний (до тысячи верст грунтовой дороги), суровой погоды и полного неумения киргизов делать большие переходы пешком, будут следовать на обывательских подводах или верхом. Дальним придется, даже при движении на подводах до 40 и 50 верст (в) сутки, быть (в) пути около месяца времени до головных станций железной дороги. Ближним Пишпекского уезда при следовании на подводах придется быть (в) пути около двух недель. 1013.

Куропаткин

1916 г. ноября 3. — Рапорт полковника В. П. Колосовского военному губернатору Семиреческой области А. И. Алексееву о состоянии Пишпекского и Пржевальского уездов после восстания и о положении киргизского населения, бежавшего во время восстания в Китай.

Исполняя поручение, возложенное на меня приказом по области 6 октября N..., я в сопровождении надворн(ого) сов(етника) Корсака и кол(лежского) ассессора Шебалина прибыл в с. Нарын 13-го прошлого октября. Вслед за нами ожидался приход туда же главных сил Семиреченского отряда полковн(ика) Слинко.

Начиная от русского с. Кара-Булак Токмакского участка Пишпекского уезда, вплоть до с. Нарын, вся пройденная нами местность носила характер полного разрушения и, как следствие этого, совершенного запустения. За все время движения нам попалась только особая «оказия», следовавшая из казенной почты, беженцев, торговых людей и казенных чиновников, да встречались небольшие войсковые партии, имевшие специальные назначения; признаков обычной мирной жизни нигде не существовало.

В Нарыне выяснилось, что из 15 волостей Атбашинского участка Пржевальского уезда налицо находилось лишь 8 волостей да и то некоторые из них неполностью. Остальные бежали в Китай, увлекаемые мятежными манапами или гонимые страхом наказания

со стороны русских карательных отрядов, причем часть их падала по недоразумению под ударами русских шашек и пуль, а часть гибла в горных щелях от голода и внезапно наступивших морозов. По прибытию в Нарын полковника Слинко выяснилось, что военные действия частей Семиреченского отряда можно было считать оконченными, а потому 15 октября много было выпущено воззваний к туземному населению, коими киргизы местностей, охваченных мятежом, осознавшие свою вину и покорившиеся требованиям, предъявленным к ним генералом Соколинским, призывались к возвращению на свои места и к приступу к мирным занятиям. На несколько дней раньше, а именно: с дорожной остановки на месте бывшего Столыпина, по соглашению с полковником Слинко мною было послано несколько мирных почетных лиц Токмакского участка с таким же поручением в Загорную часть Пишпекского уезда, а из с. Нарына командированы заслуженные старики за хребет Кокшаал (Тянь-Шань) в китайские пределы.

В результате, при дружном содействии сопутствовавшего мне надвор(ного) советника Корсака и чинов семиреченской администрации колл(ежского) ассесс(ора) Шебалина с колл(ежским) советн(иком) Хахалевым удалось рассмотреть на местах, отведенных для киргизского населения воен(ным) губернатором области, волости, наименованные мною Нарынским отделом, организованные из различных остатков в силу объединенного землепользования или родовых связей.

Все данные по этому вопросу могут быть усмотрены из дополнительных донесений, высылаемых одновременно с почтой. Вернувшиеся и устроенные волости, безусловно подчинившиеся всем требованиям, предъявленным к ним бывш(им) воен(ным) губернатором генералом Соколинским в том, что выставляют рабочих по первому требованию и немедленно высылают в Токмак контрибуционных лошадей.

Оставляя в стороне вопрос о причинах происшедшего восстания туземцев Иссык-Кульского района, я позволю себе обрисовать лишь современное положение его для наилучшей ликвидации его в будущем, так как в настоящее время только что разыгравшееся печальное событие нельзя считать вполне законченным. В настоящее время за границу Китая бежало через перевал Бедель в Тянь-Шаньском хребте 32 киргизских волости Пишпекского и, главным образом, Пржевальского уезда. Все они расположились биваком по долине китайской р. Кара-Булак от ур. Акчий под самыми вершинами Кокшала на протяжении 3-дневного перехода вниз до г. Уч-Турфана, при них находится свыше 50 главарей

манапов, главных виновников восстания и организаторов истребления русских поселков.

Главнейшими из них молва признает манапа Сагалы и 3-х детей Шабдана (четвертый Кемал, по слухам, непосредственно участия в восстании не принимал), 1-й из них держится под Беделем на китайской стороне в ур. Ақчий, а последние находятся в Уч-Турфане и хлопочут об устройстве своих сородичей в Китае.

Китайская власть относится к мятежным русским киргизам вообще благосклонно. Приняли от манапов подарки и, хотя сделали распоряжение о доставлении в Кашгар имеющихся у беглецов оружия и пленных, сами не настаивают на выполнении этого требования. В Уч-Турфане сосредоточили около 1 тысячи конных всадников, а в Кашгаре до 6 тыс. пехоты, прибывшей недавно из провинций внутреннего Китая, под самый перевал Бедель свозится провиант и фураж. Там, по слухам, устраивается китайский пост численностью в 100 чел.

1917 г. января 2. — Письмо канцелярии начальника Закаспийской области и. д. пограничного в Персии комиссара Михайлову с изложением резолюции Н. К. Калмакова о предстоящей аннексии территории Персии, на которой происходило восстание туркмен.

№ 1298

На подписи вашей от 13 декабря 1916 года за № 177 и. д. начальника области 31 декабря положил следующую резолюцию: «Сообщить полковнику Михайлову, что его взгляд на отображение оружия неправильный. Русское правительство до тех пор разрешало иметь оружие иомудам, пока они были лояльны, но когда они это оружие подняли против русских же, то тем лишили себя права иметь таковое в будущем. Страна уже оккупирована вводом в нее русских войск и в дальнейшем остается последний акт — аннексировать страну с полным подчинением ее русской власти.

Поднятый мною вопрос о переносе границы по Хоросанскому хребту получил положительное разрешение и в недалеком будущем нужно будет подумать о новой организации управления сначала оккупированной страной, а затем и аннексированной.

Все иомуды и гокланы должны быть подчинены русской власти, стать подданными русского государя. Не будет ни персидских подданных, ни двухподданников. Кто не покорится русской власти — пусть уходит, избегнет; тем больше останется свободной земли. Для нас будет лучше, если мы заселим ее беспрепятственно русскими.

Страна еще долго будет под охраной войск России. Вопрос о Гюргене должен быть решен раз навсегда в нашу пользу, и старые взгляды должны отойти назад. Генерал-майор Калмаков».

1917 г. — января 8. — Телеграмма помощника генерал-губернатора Туркестанского края М. Р. Ерофеева и о. военного губернатора Семиреченской области А. И. Алексею с предложением срочно представить объяснения по поводу проявленных жестокостей при подавлении восстания в Семиреченской области в связи с запросами в Государственной думе.

Из Ташкента в Верный, N 56

В обоснование запроса в Государственную думу о беспорядках в Семиречье депутатами высказаны следующие возбуждающие сомнения положения: Администрация не принимала никаких мер к разъяснению киргизам указа о реквизиции, а занималась вымогательством: откупная система возбудила вражду между богачами и бедняками, почему начались волнения. Отдельные эпизоды беспорядков в запросе освещены, по-видимому, неправильно: 1) киргизы не имели никакого вооружения, кроме отбитых из транспорта винтовок; 2) жертвы со стороны русских, исключая Пржевальский и Джаркентский уезды, были единичные; 3) отряды истребляли планомерно и систематично женщин и детей, загнанных в ущелья, обреченных на голодную смерть, желавших только одного — бросить старую родину и уйти в Китай; 4) в с. Беловодском из 500 привезенных киргиз большая часть палками и камнями уничтожена, остальных везут в Пишпек, где вечером на соборной площади добивают на глазах начальства под звуки музыки кинематографа; 5) в Токмаке начальник карательной экспедиции, посланной с приказом уничтожить все киргизские аулы и все население, в присутствии всей русской интеллигенции гордился тем, что блестяще выполнил приказ начальника и даже его молодцы заложников мирной волости, киргизов, пришедших добровольно, потопили, переходя одну речушку; 6) в с. Луговом отряд солдат оцепил толпу киргизов, погнав безоружных выстрелами, нагайками к утесу, внизу которого была река, и сбросил их туда. Имеются ссылки на «Семиреченские областные ведомости»: «Войсками перебито много тысяч киргизов, все мятежники загнаны в горные районы, они вскоре, вследствие голода и холода, в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания, но войскам приказано не давать врагу пощады»; другую заметку, которая одной из причин волнений называет разговоры

русских, дразнивших киргизов, что их поведут в окопы, будут убивать, кормить свининой, и третью, что во главе киргизов стоял турецкий генерал, называют анекдотом.

По всем этим вопросам представьте полное, обстоятельное, со ссылкой на документы, объяснение для представления военному министру в кратчайший срок.

Новая книга издательства «Сучасність»:

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Максим Ковалевский

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СВОБОДЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ.*

(Глава из истории прогресса).

Если бы люди понимали, что они живут не одной своей жизнью, а жизнью всех, то они знали бы, что, делая добро другим, они делают его себе.

Лев Толстой. О жизни и смерти

I.

Мы все еще живем традициями. Утверждение тех историков, которые полагают, что человеческое развитие представляет собою непрерывную цепь, не отвечая в строгом смысле слова фактам, отражает на себе наше сознание. Прислушайтесь к тому, что говорится с публичной трибуны и что на все лады повторяют журналы и газеты, брошюры и толстые книги. Свобода и равноправие и, в противовес им, опека и неравенство в обязанностях, а соответственно и в правах, владычество закона или правовой порядок, с одной стороны, спасение народа — высший закон, с другой, — да разве все это не понятия и нередко формулы, одинаково хорошо известные и древней Греции и древнему Риму? Ведь справедливость для Платона была немислима без равенства и не только формального, но и материального; его «дикиа» отвечает многим из тех требований, которые ставят современные общественные реформаторы. О том, что

---

* Статья из сборника «Интеллигенция в России», *Земля*. П., 1910. Максим Ковалевский (1851-1916) — видный общественный и политический деятель, идеолог русского либерализма, профессор государственного права Московского университета, член Украинской парламентской группы в Государственной Думе.

афинская гражданственность стремилась к изополитии, известно любому школьнику, а что то же тяготение существовало в Риме и нашло позднее удовлетворение себе в реформе Каракаллы, уничтожившего всякие средостения между людьми свободными, признается всяким, кто сколько-нибудь занимался историей. Когда с трибуны Государственной Думы г. Столыпин говорит, что законы должны молчать, раз того тебует интерес государства, он сознательно или бессознательно, подобно Робеспьеру, повторяет сложившуюся еще в древнем Риме поговорку.

Не все дошедшие до нас от древности по тому самому должно считаться кладезем народной мудрости; наряду с истинами уцелели и предрассудки или точнее предубеждения. К числу таких необходимо отнести представление о том, что свобода и равенство находятся между собой в необходимом, органическом противоречии. Я не берусь сказать, как возникло впервые такое представление. Мне легче ответить на вопрос, какими данными оно поддерживалось и поддерживается до наших дней. Деспотии Востока могли первые породить мысль о том, что равенство возможно в бесправи, а, следовательно, и при отсутствии свобод. Несомненно, однако, что и на Востоке были и продолжают держаться не только сословные, но и кастовые средостения. Не более спорен и тот факт, что покоренные племена обращались здесь в рабство и что те из них, которым дозволено было сохранить некоторую автономию, все же не уравниваемы были в правах с членами господствующей национальности. Но все это, по-видимому, забывают те, чье внимание приковано к одному бесправию подданного перед властителем. Восточный деспот располагал жизнью и смертью всех ему подвластных; неограниченность его произвола, говорящая только об отсутствии свободы, истолковываемая была в смысле равенства в бесправи; таким образом возникло ложное представление о том, что свобода в деспотиях уживается с отсутствием каких бы то ни было наследственных привилегий и преимуществ. В действительности же мы встречаем в деспотиях очень резкие сословные и даже кастовые неравенства при полном отсутствии свободы.

Более убедительным могло показаться противуположение друг другу государств эллинского мира, из которых

одни с аристократическим устройством сохранили республиканские порядки, а другие с демократическим, — подпали под владычество тиранов и олигархов. Особенно резко разошлись в этом отношении судьбы Спарты и Афин. Афинская демократия, как известно, продержалась недолго, каких-нибудь сто лет, если считать начальным ее периодом реформу Клисфена, а концом — установление правительства тридцати тиранов. Наоборот, аристократическая Спарта, с ее смешанным образом правления, оказалась жизнеспособной в течение ряда столетий. Немудрено, если и до Ксенофонта, и после него, считали возможным ставить спартанские порядки в образец всем тем, кто желал придать республике устойчивый характер; немудрено, если этим сознанием не раз проникались политические реформаторы, и если оно лежит в основе учения древних *о смешанных формах* политического устройства, как наилучших, учения, одинаково присущего Аристотелю, Цицерону и Полибию. Последние два писателя подкрепляли его примером не одной Спарты, но и республиканского Рима, в котором, при неравенстве в правах патрициев и плебеев, граждан и союзников, свободных и рабов, в течение столетий сохранилась смешанная форма политики. Современник ее падения, благодаря росту власти императора, Тацит, признавая эти исчезавшие порядки наилучшими из всех существующих, в то же время сомневался в их прочности и продолжительности. Наступали времена единовластия, при котором прирожденные неравенства не спасали народа от произвола, а, следовательно, и отсутствия свободы. Наступали времена, когда дальнейшее развитие всеобщности, при неограниченности императорской власти, стало поддерживать в свою очередь фальшивое представление о том, что равенство непримиримо со свободой. На самом деле факты, на которых опирались эти чересчур поспешные обобщения, нимало не оправдывали того предположения, что с ростом равенства гибнет свобода, и наоборот. Римляне, разумеется, были не менее свободны к концу Пунических войн, чем в эпоху отхода плебеев на Священную гору; а между тем, какая бездна отделяет эти две эпохи, если иметь в виду политическое бесправие плебеев в эпоху, предшествовавшую Гракхам. Не все средостения пали и с империей;

когда провинциалы впервые при Каракалле уравниены были в правах с квиритами, не этот факт вызвал упразднение свободы, так как она была потеряна значительно ранее.

Средневековая политическая мысль питалась мудростью древних. Плутарх, Цицерон и Полибий, в первый период схоластики были такими же авторитетами, какими с XIII века стала вновь открытая «Политика» Аристотеля, а с эпохи Возрождения — трактаты Платона «о республике» и «законах». Немудрено, поэтому, если и учение о том, что основанная на неравенстве в правах смешанная форма политического устройства всего более благоприятная сохранению свободы, одинаково встречается и у тех писателей, для которых высшим учителем политической мудрости был Цицерон и Полибий, и у тех, которые, подобно Фоме Аквинскому, заменяли обоих Аристотелем и пытались распространить его учение о преимуществах смешанного устройства на сословные представительные монархии, в частности на Священную Римскую империю. У Фортескью и Коммина в XV веке, как и у Маккиавелли и Бодэна в следующее за тем столетие, мы равно находим отголосок тех взглядов, какие в древности высказывались по поводу Спарты и Рима, как типов смешанного политического устройства. Английские и французские писатели одинаково опирались при защите, один — парламента, другой — генеральных и провинциальных штатов, на уподоблении отстаиваемого ими строя сословной представительной монархии с аристократическими республиками древности, несравненно более жизнеспособными, утверждали они, чем едва продержавшееся одно столетие «владычество черни» или охлократия в Афинах. Стремление к равенству казалось поэтому исключаящим возможность свободы.

И когда к прежним фактам присоединился новый — падение Флорентийской республики благодаря тирании Медичей и, наоборот, упрочение свободных порядков в аристократической Венеции, или республике Св. Марка, доктрина, приписывавшая уравнительным стремлениям разлагающий характер по отношению к свободному государству, приобрела для себя новую пищу. Политические реформаторы Флоренции, как показывает пример Джанотти, стали проникаться желанием содействовать возро-

ждению свободы копированием венецианских порядков. Одновременно сами венецианцы, начиная с Контарини и Парутта и оканчивая Сарпи, на все лады распространяли тот взгляд, что республика Св. Марка со своим смешанным устройством, напоминающим одинаково Спарту и республиканский Рим, может служить новым доказательством тому, что свобода легче уживается с неравенством, чем наоборот.

Столетие спустя, когда, по свидетельству Гоббса, впервые зародилась в среде английских политиков ненавистная ему мысль о разделении властей и политических противовесах, как условиях, благоприятных свободе, к числу фактов, долженствовавших содействовать упрочению доктрины об антагонизме последней с равенством, присоединен был еще один — исчезновение сословных представительных учреждений на континенте Европы и в частности во Франции, благодаря уравнительной политике континентальных самодержцев, и сохранение свободных учреждений в Англии бок о бок с господством аристократии и сословного неравенства. Один из родоначальников этого нового учения, Альджернон Сидней, прямо говорит об Англии как о смешанной форме политического устройства, во многом сходной с порядками римской республики, а Джон Локк, ранее Монтескье построивший доктрину разделения властей с оговоркой, что законодательная имеет перевес над исполнительной, ранее же Монтескье пишет рассуждение о судьбах Рима и ставит их в связь сперва с наличностью, а затем с потерей свойственной ему системы распределения государственных функций между сановниками, сенатом и народными комициями. Зародившееся еще в Англии учение о связи свободы с сохранением сословных средостений и политических привилегий дворянства получает мировое признание, благодаря включению его Монтескье в число тех законов или «необходимых отношений, вытекающих из самой природы вещей», раскрытию которых должна была служить его книга. Автор «Духа законов», поставившего впервые в образец всем народам, ищущим свободы, политические порядки Англии, в то же время издает трактат «О величии и падении Рима», в котором красною нитью проходит его любимая мысль о связи свободы с разделением властей и смешанным

порядком политического устройства. Эти смешанные порядки, по его мнению, общи были одно время всем тем народам, которые призваны были к жизни германскими нашествиями. Свобода зародилась в лесах Германии, говорит он, и на расстоянии более ста лет ту же мысль повторяет за ним английский историк Фриман, связывающий существование этой свободы с наличием у германцев в первые периоды их жизни смешанной формы политического устройства — короля, совета и народного собрания. Они кажутся ему зародышами трех составных частей английского парламента — короля, лордов и общин. Признавая за сто с лишним лет до Фримана готическую «монархию» порождением первобытной свободы германцев, Монтескье полагал, что всюду на континенте она упала под ударами уравнительной политики абсолютных правителей. Сохранилась же она и процвела только в Англии, да еще в немногих странах им прямо не названных, но в которых легко признать Швецию, Венгрию и Польшу с их уцелевшими сеймами, составленными из сословных представительных палат. Для Монтескье Англия — одновременно и смешанная монархия, постигшая ту истину, что дворянство, как представляющее меньшинство народа необходимо бы исчезло под ударами уравнительной политики, если бы ему не обеспечена была привилегия служить тормозом по отношению к мерам, принимаемым народными представителями. Отсюда необходимость разделить законодательные функции между палатою общин и палатою лордов; иначе нивелирующая политика монархов, образец которой представили короли Франции, упразднившие штаты и грозящие дальнейшему существованию политических прав высших судебных палат, сотрет с лица земли существование в Англии и сословного неравенства, и тесно связанной с ним политической свободы.

Французская революция воспринимает далеко не в чистом виде доктрину Монтескье. Она отбрасывает все сказанное им о связи разделения властей с политическими привилегиями сословий и строит здание нового государства на почве народного суверенитета. Демократическая монархия, созданная конституцией 1791 года, вскоре оказывается неустойчивой. Она уступает место уравнительной республике, которая, при главенстве «комитета общественного

спасения», в свою очередь руководимого якобинским клубом, постепенно вырождается в тиранию. Таким образом, людям, пережившим тот ряд событий, который открылся переворотом 10 августа, положившим конец монархии, и далеко не закончился 9-м термидора и наступившим затем белым террором, вполне могло показаться утверждение, что оба начала — свободы и равенства — противоречат друг другу.

Одним из первых истолкователей такого учения надо считать Бежамэна Констана, а наиболее полным выразителем его в применении к судьбам французской революции явился никто иной, как Редерер, одно время выдающийся ее деятель, а впоследствии сотрудник Наполеона Бонапарта при создании им консульства и империи.

Вот приблизительно тот путь, каким шло развитие доктрины, слабый отголосок которой можно найти и у авторов «Вех». Они не задаются мыслью об ее обосновании, считая излишним всякую аргументацию, когда дело идет о таком трюизме. Но трюизм ли это? Мы старались показать, что нет. Из всего нами сказанного с очевидностью вытекает то положение, что отсутствие свободы совпадало с неравенством, и что исчезновение последнего не только не умалило ее, а наоборот пошло с нею рядом. Восточные деспотии построены были на неравенстве, как на неравенстве держалось владычество эвпатридов и патрициев. Нивелирующая политика, императоров ли древности, или средневековых королей, имела в виду упразднение не гражданского неравенства, а только политических прав высших сословий. Неравенство исчезло одновременно с упрочением свободы: в 1789 году — благодаря декретам Учредительного Собрания, предшествуемым освободительными указами Людовика XVI, в числе других эдиктом о веротерпимости, в Наполеоновскую эру — под влиянием насильственного распространения в большей половине Западной Европы, под именем наполеоновских идей, начал гражданского кодекса, подготовленного деятелями революции и «декларации прав человека и гражданина», восходящей к той же эпохе. Революции 1830 и 1848 года, с их отражением и на островах Великобритании, содействовали упрочению, в одинаковой степени, начал свободы и

равенства. Так называемые французами необходимые вольности, т. е. публичные права граждан, не подверглись, следовательно, ограничению по мере умаления избирательного ценза и увеличения как функций представительных палат, так и их независимости по отношению к власти.

Я сказал, что тот же процесс параллельного развития свободы и равенства известен и Англии. В подтверждение этой мысли мне остается сослаться на то, что акт эмансипации католиков в 1829 году только тремя годами предшествовал избирательной реформе 1832 года и демократизации местного управления законом 1835 года. Весь последующий ход развития и избирательного права, я разумею реформы 1867 и 1884 годов, и местного управления в графствах и городах, в смысле все большего и большего расширения круга лиц, призываемых к участию, как в общем управлении государства, так и в местном, нимало не сопровождался в Англии ограничением свободы личного самоопределения, а, наоборот, совпал с отменой последних законодательных ограничений, связывавших эту свободу.

Если во второй половине прошлого столетия изредка еще слышался перезвон старинного напева об антагонизме равенства со свободой, то, по-видимому, главным образом в связи с тем фактом, что всеобщее голосование не помешало упрочению во Франции Второй Империи, неблагоприятно относившейся к автономии личности, свободе ее физических, а тем более нравственных, проявлений. Но всеобщее голосование, восстановленное Наполеоном III, само же подготовило сперва реформу империи на либеральных началах, а, со времени франко-прусской войны, и замену ее республикой. Таким образом, уравнительное движение на некотором расстоянии оказалось естественным союзником свободы.

Новейшая русская действительность не идет наперекор этой истине: стоит только напомнить, что сокращение размера недавно дарованных нам вольностей следует за контр-реформой нашего представительства на началах указа 3 июня 1907 года.

Итак, ни в древней, ни в новой истории, нельзя найти оснований для утверждения, что развитие свободы шло в ущерб равенству, а равенства — в ущерб свободе. Этому

предубеждению пора положить конец. Вот почему меня немало поразили в «Вехах» фразы вроде следующей: «тирания общественности искалечила личность». Не менее приведен я был в смущение высказанной авторами «Вех» надеждой, что «тирания гражданственности сломлена ныне, после неуспеха освободительного движения, надолго». и что «в русском человеке мораль альтруизма и общественности растет». Целый ряд других столь же туманных фраз прикрывают собою в «Вехах» какое-то смутное представление о том, что за служением обществу теряется из виду неоцененное благо, каким несомненно является свобода личного самоопределения.

II

В противность еще по-видимому модному у нас учению о противоречии равенства и свободы, западно-европейская мысль, идет ли она по руслу развития индивидуализма, или примыкает ко все более и более развивающемуся потоку социалистического движения, признает почти аксимой, что прогресс личности немыслим без прогресса общественности, и что в частности эмансипация индивида связана с развитием опирающейся на равенство солидарности. Эта солидарность, как показали одновременно — в Германии Зиммель, а во Франции — Дюркгейм, подчеркивая более резко мысли, давно проникшие в сознание социологов положительной школы, сводится к тому, что в обществах первобытных, не знающих разделения труда, группы людей составлены из единиц, однородных и связанных между собой весьма тесно, тогда как сами группы чужды и враждебны друг другу. Прогресс общественности сказывается в том, что тесный круг переходит в более широкий, включающий в себя несколько прежде обособленных общественных единиц. Этот процесс происходит параллельно и в зависимости от другого. Первоначальная однохарактерная по своему составу группа все более и более дифференцируется благодаря разделению труда. Общественная солидарность начинает опираться на новом начале — распределения функций, создающем большую зависимость между лицами, отправляющими каждый только одну из этих функций. Эти мысли,

еще крайне отвлеченно изложенные Зиммелем в его небольшой монографии «Soziale Differenzierung», несравненно выпуклее выступают в сочинении Дюркгейма «О разделении труда». Отправляясь от той мысли, что солидарность — феномен нравственного порядка, не допускающий поэтому ни прямого наблюдения, ни тем более арифметического подсчета. Дюркгейм полагает, что при решении вопроса о том, в какой степени отдельные человеческие общества проводят это начало, необходимо поставить, вместо внутреннего факта солидарности, ускользающего от нашего наблюдения, внешний его символ — право. В эпоху разобщенных и обыкновенно враждебных между собою мелких групп, связанных представлением о действительном или мнимом родстве их членов, сила общественного сознания, говорит Дюркгейм, сказывается одинаково и в умственном единении, и в имущественном, а также в строго репрессивном характере тех карательных норм, которые рассчитаны на удержание от действий, противных солидарности. По мере того, как общественное сознание становится менее интенсивным, исчезают указанные особенности архаических обществ. Что же в этом случае служит им заменой? Что продолжает связывать между собою членов все растущей в своем объеме общественной среды, которой ранее был род, теперь племя и союз племен, — народ государства? Дюркгейм отвечает: разделение труда. Так как, пишет он, механическая солидарность слабеет со временем, то произойдет одно из двух: или последует упадок общественной жизни, или новая солидарность займет место прежней. Этот последний исход в действительности и имеет место, благодаря тому, что разделение труда становится той связью, которая объединяет собою членов социального агрегата высшего типа. Историческим законом надо считать, по мнению Дюркгейма, тот, в силу которого механическая солидарность первоначальных, разобщенных групп, заменяется органической.

С переменой в характере солидарности изменяется и сама общественная структура. Двум различным типам солидарности отвечают и два различных социальных уклада. При отсутствии или слабом развитии разделения труда численно небольшая группа представляет собою одно-

родную массу. Дюркгейм выбирает для нее название *орды*. Группа, которую он имеет в виду, отвечает однако несравненно более понятию «стада», чем тому историческому явлению, каким были татарские орды. В доказательство существования таких недифференцированных сообществ Дюркгейм ссылается на быт американских краснокожих и негритосов Новой Голландии. Помимо различий, порождаемых возрастом и полом, индивиды, входящие в состав названных народностей, не знают между собой никаких иных. Руководительство их группами принадлежит старейшинам или советам старейшин, при чем решающим обстоятельством при выборе тех и других лиц является один возраст. Ни переход от материнства к отечеству, ни обособление правительственных функций, не изменяют характера связывающей членов группы солидарности: она остается по-прежнему механической; она остается ею даже тогда, когда власть начальников становится неограниченной. Ее отличительный признак тот, что отношения как власти к подданным, так и подданных между собой, не основаны на принципе взаимности, предполагающем существование договора или соглашения.

Не в личных, а в общественных условиях, лежит, по мнению Дюркгейма, ключ к пониманию причин, по которым разделение труда прогрессирует с течением времени. Этот прогресс идет рука об руку с упадком общественных структур, построенных, на начале механической солидарности, а отсюда естественное основание искать причинной связи между обоими явлениями. Исчезновение групп, построенных на механической солидарности, ведет к разделению труда, потому что между членами, составляющими их, происходит более интимное сближение. Разделение труда, пишет Дюркгейм, прогрессирует по мере того, как растет численный состав самой группы. Решающим обстоятельством является в данном случае сгущение населения, сделавшее возможным активный обмен услуг между членами группы, и происходящее отсюда сближение их. Свою мысль автор доказывает ссылкой на общеизвестный факт, что первобытные общества живут рассеянно, тогда как в культурных происходит концентрация жителей. Та же концентрация, как последствие большего разделения труда,

выступает при сравнении города с селом. Но если общество, сгущаясь, тем самым вызывает разделение труда, то в свою очередь — это разделение увеличивает сплочение общества. Причина, по которой разделение труда в более численных обществах развивается быстрее, лежит в том, что борьба за существование в них, более интенсивна. Но если индивиды, живущие бок о бок, принадлежат к различным родам и видам, они менее стесняют друг друга, так как находят различный источник для поддержания своей жизни. Этот закон установлен был Дарвином по отношению к животному царству; люди, говорит Дюркгейм, одинаково подчиняются его действию. В одном и том же городе разные профессии могут существовать рядом, не причиняя вреда друг другу, но чем ближе сходятся функции двух профессий, чем более между ними общего, тем вероятнее становится их столкновение и соперничество. Понятно, что при таких условиях рост населения, сопровождающийся большей его густотой, необходимо вызывает дальнейшее разделение труда. Но не одной густотой населения обуславливается все большая и большая специализация общественных функций. Дюркгейм указывает и на другие причины. С упадком общественного сознания, поддерживавшего единство в обществе, построенном на механической солидарности, разделение труда становится источником новой. Можно поэтому видеть в упадке общественного сознания причину, благоприятную разделению труда.

В тесной связи с только что намеченной, разумеется, в самых общих чертах доктриной стоит недавняя попытка Дюги показать, что нет коллективного интереса противоположного индивидуальному. Социализация, рассуждает он, возрастает в прямом отношении к разделению труда. Разделение же труда развивается в полном соответствии с его индивидуализацией. Отсюда следует, по мнению Дюга, что социализация и индивидуализация не исключают друг друга. Противоположение индивидуального коллективному не отвечает действительности, пишет он на странице 81 своей книги «Государство, объективное право и положительный закон». — Человек не может сохранить своего существования вне солидарности с себе подобными: только при ней он способен уменьшить сумму своих страданий. Всякий акт

индивидуальной воли, клонящийся к реализации общественной солидарности, должен необходимо вызвать к себе уважение, т. е. признание. Первое правило поведения — это уважать всякий акт индивидуальной воли, преследующий реализацию общественной солидарности. Смутно это правило уже проводится на низших ступенях общественности. Но из этого первого правила вытекает и второе; оно гласит, что никто не должен совершать действий, преследующих цели, не отвечающие общественной солидарности, или противные ей. Остановилось ли на этом развитие человеческого сознания, спрашивает себя Дюги, или в это сознание проникло и третье правило — обязанности для каждого из таких действий, которые бы отвечали общественной солидарности? Дюги дает утвердительный ответ. Рано или поздно, пишет он, люди приходят к убеждению, что обязаны содействовать реализации общественной солидарности. К этому и сводится требование права. Такой запрос обращен ко всем людям. Но так как их способности различны, то это третье правило поведения предъявляет требование разумных действий, направленных к упрочению солидарности, сообразно способностям каждого. Содействовать разделению труда, как необходимому элементу общественной солидарности, равнозначительно на деле затрате личных дарований так, чтобы сделался возможным обмен услугами. Ведь от такого обмена и происходит солидарность. Каждый служит обществу, кооперируя с другими по мере своих личных возможностей. Правило поведения, вытекающее из сознания солидарности и которое для Дюги составляет норму права, одинаково обязательно и для властвующих, и для подвластных; им подчиняются как правительство, так и подданные. Отсюда следует, что правительство может пользоваться силой, поставленной в его распоряжение, только в интересах общественной солидарности. Нормы поведения, обязательные в равной мере для властных и подвластных, не отличаются косностью: они и постоянны, и изменчивы, постоянны в том смысле, что их содержанием всегда является требование кооперировать с другими в интересах общественной солидарности; изменчивы же потому, что сама эта солидарность проявляется в разных формах. В прошлом она выдвинулась сперва в форму орды, позднее —

рода, еще позднее — города-государства, а в наши дни она выступает в форме народа-государства. Будущее может поставить нас лицом к лицу с новыми типами общежития. Но всем им одинаково было и будет присуще требование солидарности и отвечающего ей поведения, а следовательно и права, как обнимающего собою нормы этого поведения. Дюги относится отрицательно к учению естественного права, будто нормы поведения установлены с самого начала и навсегда. Правило поведения, обусловленное интересами общественной солидарности, должно считаться нормою права, по его мнению, а не морали. Различия по существу между тем и другим провести нельзя, но следует признать, что нормы, еще не успевшие настолько проникнуть в общее сознание, чтобы в соблюдении их все видели необходимое условие общественной солидарности, должны считаться нормами нравственности, все же остальные — нормами права. Мораль имеет в виду оценку действий со стороны их внутреннего достоинства, но когда мы говорим о правилах поведения, вызываемых требованиями общественной солидарности, мы имеем в виду ту или другую их оценку с точки зрения общей пользы. А из этого следует, что мы имеем в данном случае дело с нормами права, а не с нормами нравственности. Всякий индивидуальный акт воли, преследующий цели, согласные с нормами права, может считаться актом юридическим. Если акт индивидуальной воли не вызывается общественной солидарностью, он лишен юридического значения. Организованная и сознательная воля общества не становится в его распоряжение: наоборот, она должна обнаружить свое вмешательство или с целью воспротивиться вытекающим из него последствиям, или с тем, чтобы подавить его и сделать невозможным повторение в будущем.

Такова в общих чертах новейшая доктрина о тесном отношении между правом и требованием общественной солидарности. Ее конечный вывод не расходится с тем, к какому приводит нас сравнительное изучение права на различнейших ступенях общественности. Он гласит, что гораздо ранее возникновения государства, в эпоху существования сперва материнских, а затем патриархальных родов, уже имелись нормы прав. Все они имели в виду упрочение и

укрепление того, что мы обнимаем понятием общественной солидарности, в частности сохранение и развитие существующих групп. Отсюда заботливость этих норм о том, чтобы изъять эти группы от действия того обычая кровной мести, который являлся проявлением в международных отношениях начала борьбы за существование. Только этим можно объяснить, почему убийство человека, не принадлежащего к одному роду с убийцей, считалось похвальным, тогда как убийство родовича недозволенным и сильно осуждаемым действием, почему та же мера применялась к охранению чужого имущества, смотря по тому, принадлежит ли оно постороннему роду, или члену одного сообщества с похитителем. Если враждебный акт совершенный чужеродцем, требует отмщения, то однохарактерный поступок, раз он исходит от родовича, отнюдь не вызывает собою кровной мести; он сопровождается одним лишь удалением виновного из той замиренной среды, какую образует род.

Таким образом задолго до возникновения государства в интересах устойчивости общежительных союзов, т. е. из-за заботы о сохранении солидарности, возникают уже общеобязательные нормы, которыми индивидуальные поступки признаются дозволенными или недозволенными действиями сообразно тому, отвечают ли они требованиям общественной солидарности, или не отвечают. Те действия, которые не согласны с устойчивостью родового союза, его дальнейшим существованием, осуждаются, другие же наоборот. Поэтому присвоение чужого, будет ли им женщина, или имущество, признается похвальным, раз дело идет о лицах, стоящих вне родового общения, и считается наоборот предосудительным, когда сторонами являются родовичи. Причина очевидно та, что в первом случае нет опасности для целости союза, а в последнем такая опасность существует. Из всего этого следует, что уже на низших ступенях общественности право совпадает с понятием нормы, приводящей свободу индивидуальных лиц в соответствие с требованиями общественной солидарности.

Итак, сравнительно-исторический метод в применении к занимающему нас вопросу вполне подтверждает то основное положение, по которому первоначально не было и не могло

быть противоположения коллективного индивидуальному. Ведь индивид заинтересован в существовании той общественной группы, которой он является членом; без нее он оставлен был бы на произвол судьбы в борьбе с более сильными, чем он, врагами. Чтобы обезопасить себя от окружающих их опасностей, людям необходимо войти в состав той замиренной среды, какой является материнский или отеческий род. На этой стадии развития закон сохранения энергии требует от каждого члена родового сообщества того сокращения сферы проявления своей мощи, при котором возможно поддержание мира в родственной среде. Отсюда запрет частного присвоения и жен, и имуществ, отсюда первобытный родовой коммунизм и возникновение одного из распространеннейших в мире правил поведения — обычая экзогамии, при котором постоянное брачное сожитие возможно только с чужеродкой. Все эти нормы, с которыми тесно связана и организация начальствования в границах родовых сообществ, положение старейшины, как первого между равными, и отсутствие всяких различий между лицами, ему подчиненными, вызваны также к жизни частным проявлением общего закона сохранения энергии. В условиях охотничьего и рыболовного хозяйства кровные или родовые сообщества, очевидно, могут иметь лишь весьма ограниченный личный состав. Для защиты от врагов, членам их надо тесно сплотиться между собой, стать едиными телом и духом. Но это предполагает между ними отсутствие всяких средостений, всяких различий во влиянии и власти, помимо тех, каких требует подчинение общему руководительству. Отсюда равенство в правах и обязанностях, отсюда тесное общение живых поколений с усопшими, построенное на начале взаимного обмена услуг. Совершение поминок и отмщение обид, нанесенных чужеродцами, входит в состав вынуждаемых обычаям норм, в такой же степени, как и правила, руководящие выбором невесты или размером имущественного пользования отдельных семей. Равенство прав и обязанностей существует бок о бок с равенством в хозяйственной деятельности. Все входящие в род семьи одинаково участвуют в охоте и улове, нередко производимом большими партиями, при чем добыча поступает в большей или меньшей степени в общее

пользование. Если разделение труда и сказывается, то только в распределении занятий между полами. Военные походы и охота на дикого зверя — более обычное занятие мужчин.

При увеличении числа членов путем естественного роста, добровольного или насильственного сближения отдельных родов и образования тем самым племенных союзов, первобытные промыслы оказываются неспособными поддержать существование возросшего в своей плотности населения. Удачные опыты приручения некоторых животных ведут к развитию скотоводства. Для ухода за стадами оказывается возможным приставить к ним ранее истребляемых пленных. Обладание движимым имуществом и рабами вносит начало неравенства и ведет к дальнейшему росту разделения труда. Когда к другим видам наживы присоединяется утилизация почвы под посев злаков, садоводство и огородничество, рабы приобретают особую ценность, и насильственное применение их труда дает возможность отдельным семьям расширить пределы своего земельного пользования и не приспособлять его к удовлетворению одних неотложных потребностей. Таким образом, возникает обособление профессий; оно присоединяется к начальному разделению труда между полами.

Рост духовного и светского руководства, обособляющегося в особые касты и сословия, только усиливает и ускоряет процесс дифференциации занятий. С переходом от родовых порядков к государственным, хотя бы в тех скромных размерах, какие представляли греческий *Polis* и латинская *civitas*, индифференцированные группы людей сменяются такими, в которых общественная солидарность построена на обмене услуг между лицами разных профессий, разного экономического положения. В них закон сохранения энергии требует связанного с разделением труда неравенства, но только в тех размерах, при которых оно не препятствует общественному единству или солидарности всех граждан. Отсюда запрет обращать в рабство единокровцев и присваивать себе превышающую семейную нужду долю в общих полях. Еще в XVII веке, строя трудовую теорию возникновения собственности, английский мыслитель Локк указывал, что апроприация, производимая этим путем, находит свой предел в требовании, чтобы «для

присвоения другими членами гражданского общества или государства оставалось достаточное число равнокачественных предметов». Говоря это, Локк высказывает отвлеченное начало, но сравнительная этнография и сравнительная история права вполне подтвердили его теорию. Захватное пользование в пределах неразделенных земель — этот древнейший тип мирского владения — оканчивается там, где новое присвоение сделало бы невозможным утилизацию общей собственности всеми прочими сленами *civitas*, т. е. городской или сельской общины, в границах их действительной нужды. Поддержание в этом отношении требований общественной солидарности ведет к замене захватного пользования уравнительными переделами. Убедиться в этом можно на примере, представляемом историей землевладения в южной России среди казаков донских, черноморских, кубанских и уральских, и в равной мере в северо-западных провинциях Индии и Пенджабе. Новейшая эволюция сибирского землевладения, так обстоятельно изученная А. Кауфманом, служит новым подтверждением сказанного.

Только что описанный процесс находит необходимое отражение себе и в праве. Общий обычай регулирует порядок подчинения женщин мужчинам, рабов — хозяевам, съемщиков скота — его владельцам, съемщиков земли — ее собственникам. Но проводимое правом неравенство еще относительное. Оно не исключает возможности равной защиты общих всем названным группам интересов, — интересов сохранения жизни их членов. Отсюда сравнительно поздно возникающее различие в выкупах за убийства и ранения, смотря по месту, занимаемому обиженным на общественной лестнице. Так, например по «Русской Правде» повышенное «головничество» взимается только в случае, когда обиженным является огнищанин, т. е. человек, принадлежащий ко двору князя; все же остальные свободные пользуются равной защитой по отношению к нарушителям мира. Сказанному не противоречит и то, что выкуп за раба всегда ниже, чем за свободного. Ведь раб по своему происхождению чужеродец. На него, следовательно, не распространяются нормы защиты, которыми пользуются граждане *civitas*. Первоначальное отношение обычая к

убийству раба — как к пропаже имущества, возмещаемого хозяину равноценным предметом.

Мы не продолжим этого по необходимости краткого очерка развития общественной солидарности и его отражения в праве по мере дальнейшей дифференциации и интеграции общественных функций. Оно совершается неизменно и далее в направлении, указанном законом сохранения энергии. Удовольствуемся также простым замечанием, что проводимая здесь точка зрения применима одинаково к организации и входящих в состав государства союзов: общины и поместья, а равно и общежительных братств, торговых гильдий, ремесленных цехов, каст, сословий и классов. Но когда речь заходит о только что перечисленных группах, задача исследователя осложняется от того, что в них не легко выделить сторону самостоятельного развития и то, что привносится в него извне параллельной эволюцией государства из городского и феодального в национальное. Я полагаю, однако, что и без дальнейшего настаивания на связи, какую разделение труда при кастовом, сословном и классовом строе, сохраняет с необходимостью правовой защиты требований общественной солидарности, каждому будет ясно, что с сравнительно-этнографической и сравнительно-исторической точки зрения переход от самодовлеющих хозяйственных групп, какими является расширенная семья и род, к группам, нуждающимся в обмене, каковы касты, сословия и классы народа-государства, предполагает в интересах сохранения столько же хозяйственного, сколько политического союза, сочетание автономии личности с общественной солидарностью.

III

Защищаемая нами точка зрения еще недавно принуждена была считаться с тем возражением, будто самое понимание свободы, как относительной автономии личности, совершенно недоступно было ни древности, ни средним векам. Ходячим было утверждение, что античное государство поглощало собою личность. Чтобы доказать это, не считали нужным ссылаться на одни деспотии Востока, но также на пример греческого полиса и латинской *civitas*.

Бенжамэн Констан и Эдуард Лабулэ, на расстоянии немногих десятилетий, сумели одинаково заинтересовать широкие круги читателей рассуждениями о причинах, по которым древнее государство, в отличие от современного, обеспечивало личной самодеятельности меньший простор. Один настаивал на той мысли, что самое понятие о свободе у древних народов было иное, чем у новых. Они разумели под ней участие в политической власти, а не автономию личности. Другой полагал, что источник различия лежит прежде всего в религии. Христианство провозгласило независимость внутреннего человека; оно впервые ввело в мир понятие о свободе совести, свободе религиозной. По образцу же последней сложилось представление и о всех других видах индивидуальной свободы. Недавно одним немецким профессором сделана была даже попытка приурочить к одной реформации почин этой перемены в отношениях личности и государства. Еллинек старался доказать, что учение о естественных правах человека восходит самое большое к эпохе разрыва народов Западной Европы с римской или католической церковью. Говоря это, он понимает время появления лютеровской ереси и зарождения кальвинизма, у английских представителей которого — пресвитериан, впервые возникла мысль о составлении и своего рода декларации прав, если не человека вообще, то свободно рожденного англичанина, в частности. В противность всем этим учениям я полагаю заодно с большинством социологов и политиков нашего времени, что причина, мешавшая широкому развитию индивидуализма в древних обществах, лежит не во всемогуществе государства, а в той тесной зависимости, в какую личность была поставлена от семьи, рода и племени, или той «филе» и «трибы», о которой заходит речь в греческих или римских источниках. Сказанное применимо в равной мере и к средним векам, к быту кельтов, германцев и славян, как до, так и после обращения их в христианство. Нет, следовательно, основания противопоставлять в этом отношении античную и языческую культуру культуре новых народов, культуре христианской. Упадок того влияния, какое кровные союзы оказывали на руководство индивидом не только в детстве и отрочестве, но и в периоде его возмужалости, достаточно объяснят нам

причину, по которой сфера самодеятельности личности несравненно шире в государствах нового времени, нежели в первых столетиях Спарты, Афин и Рима, а также в раннем средневековье. Но одного сказанного недостаточно, чтобы понять причину расширения сферы личной самодеятельности в наше время. Нужно принять еще во внимание следующее. Не одно древнее общество, но и средневековое, приближалось по своему типу к военному лагерю. Интересы завоевания и защиты имели в нем решительный перевес над интересами мирной культуры, торгового, умственного и художественного обмена. Но военный строй общества необходимо предполагает строгую дисциплину, подчинение индивида чужому руководительству снизу доверху, на всех ступенях общественной лестницы, вплоть до верховного сюзерена-государя, вождя народа и войска. Таким повелителем мог быть одинаково и царь гомерической Греции, и афинский архонт-базилевс, и римские консулы, и средневековый король и герцог в любом феодальном обществе.

С упадком милитаризма и постепенной заменой его индустриализмом сфера самодеятельности человека расширяется обратно пропорционально правительственной опеке. Те политические тела, в которых военные интересы остаются преобладающими и в новое время, представляют доселе наибольшее подавление личности государством. Это можно было сказать, например, о Пруссии еще в эпоху прямых предшественников Фридриха Великого, когда, по словам посетившего эту страну Монтескье, никто не был уверен, что его насильно не забреют в солдаты, и жизнь каждого протекала под бдительным и докучливым надзором явных и тайных агентов правительства. Так было не только в Московском царстве, но и в Российской Империи, где вплоть до Петра III каждый дворянин прикреплен был к службе, как крестьянин — к земле и тяглу.

Военный строй общества необходимо вызывает к жизни группировку людей не по одному характеру занятий и роли их в производстве, но и соответственно тому, какое участие кто принимает в наступательной и оборонительной деятельности государства по отношению к соседям. Отсюда расходящаяся во многом с классовой сословная организация. Первая отличается относительной подвижностью,

вторая — несравненно большею косностью. Чем совершеннее сословный строй, тем он более приближается по своей инертности и постоянству к кастовому. Замкнутость служилого сословия, разумеется, менее значительна, чем военной касты в Индии или Египте; но она все-же существует, и ею объясняется относительная непроницаемость и русского дворянства — этого наследника служилых людей Московской Руси. Упадок замкнутости сказывается по мере того, как все новые и новые элементы вводятся в состав сословия. Укажем для примера хотя бы на следующее. Французское дворянство в то время, когда о нем писал Мирабо Старший, уже перестало быть тем чистокровным рыцарством, каким оно было в эпоху крестовых походов. Включение в него так называемых «облагороженных» и лиц, приобревших его за деньги или покупкую судебной должности, сделали его столь же открытым, как и современное «благородное сословие в России», доступ к которому дает государственная служба в связи с государственным экзаменом или награждением определенными знаками отличия.

Поддерживаемая милитаризмом сословная организация необходимо ограничивает свободу личности. Ведь каждое сословие наделено по отношению к входящим в его состав лицам известными правами, стесняющими их самостоятельность. Чтобы не ходить далеко за примерами, укажу на те уродливые проявления, какие еще в наши дни принимает опека сословия в отношениях дворянских губернских обществ к лицам, неполитичное поведение которых, вопреки истине, подводится ими под понятие бесчестного поступка. Сопровождающее такое признание постановление «исключить из своей среды» провинившегося сочлена влечет за собой сокращение его прав гражданина, как-то: права выбирать и быть выбранным, права исполнять обязанности опекуна и присяжного поверенного; другими словами, оно сокращает сферу его самостоятельности. Если в наши дни, при включении в основные законы основного принципа всякого правового государства — равенства всех перед законом, — еще держатся такие порядки, то можно судить, каким бременем падала на подданных сословная организация в древности и в средние века, в то время, когда

военные интересы имели решительный перевес над гражданскими. Вся жизнь человека регулировалась кастовыми запретами и представлениями о сословной чести. Индивид в такой же, если в не большей, степени был связан нравами и предрассудками, сколько законодательством. И в семейном быту, и при выборе профессии, над ним тяготело понятие о сословном долге. Еще в 1789 году, когда депутаты, посланные в Париж, снабжались наказами со стороны избирателей, среднее сословие напоминало дворянству о необходимости жить благородно — *vivre noblement* — и выводило отсюда то правило, что дворяне не должны сами хозяйничать в своих имениях, а сдавать их в аренду членам буржуазии и крестьянства. Французская поговорка «noblesse oblige» была не пустой фразой в то время, когда вступление в неравный брак, — так называемый *mésalliance*, — приравнивалось маркизом Мирабо к желанию «удобрить свои поля» — *fumer ses terres* — и с точки зрения дворянской чести считалось действием крайне предосудительным.

Говоря о причинах, какие в прошлом стесняли свободу индивидуальной жизни, мы не сказали пока ни слова о религии. Тесная связь ее с государством открывала последнему возможность карать людей, отступивших от ее догматов и культа, как повинных в государственном преступлении. Сократ в такой же мере пал жертвою этого представления, как и христианские мученики, не желавшие участвовать в культе императоров. Пока христианство оставалось государственной религией и там, где оно еще остается таковой, оно отнюдь не устраняло и не устраняет возможности такого же стеснения государством свободы личного самоопределения. И чтобы доказать это, нет необходимости восходить ко временам герцога Альбы или еще выше к эпохе альбигойских войн, а тем более к эпохе искоренения последователей Ариева учения. Не нужно также останавливаться на драгонадах, с помощью которых Людовик XIV пробовал вернуть в лоно вселенской католической церкви не успевших бежать из Франции гугенотов. Достаточно вспомнить казнь де Ла-Бара за мальчишеский акт кощунства и красноречивое разоблачение этого законного убийства Вольтером. Достаточно вспомнить несчастную участь попа Аввакума и ряд преследо-

ваний, которым еще недавно подвергались, наряду со старообрядцами, и наиболее передовые секты протестантизма, известные в России под именем штундистов, молокан и духоборцев.

Причины, по которым самодеятельность личности была более или менее парализована внешними вмешательствами, не могут быть сведены поэтому к одному ошибочному представлению о том, что в Греции и Риме понимали под свободой одно участие в государственной власти. Вечевой строй древней гражданственности держался на более или менее полном устранении от всякой политической жизни трудового населения, рабов, вольноотпущенников и покоренных туземцев, все равно, были ли ими сельские обыватели — илоты, или городские мещане, ремесленники и торговцы — перизки. Прибавьте к этому сведение до минимальных размеров политических прав жителей покоренных городов. В Римской империи до времен императора Каракаллы они самое большее признаваемы были только союзниками, а не гражданами — «*cives*». Все это вместе взятое позволяло в Афинах двум десяткам тысяч граждан и не большему их числу в римской республике владычествовать, одним — над Аттикой и Архипелагом, другим — не только над Италией, но и над доброй частью цивилизованного мира (*orbis romanus*). Тем самым до минимума сведена была свобода самоопределения тех, кто слыл под названием провинциалов. Но что такие порядки известны были не одной классической древности, но и тому продолжению античной городской культуры, каким является средневековая итальянская гражданственность, доказательство этому может дать нам одинаково и флорентийская республика с массой завоеванных ею городов и селений, и республика венецианская, известная под наименованием «республики св. Марка». — Вплоть до 1797 года — эпохи подписания Наполеоном I договора в Кампо-Формио, которым Венеция и ее владения на далматинском побережье уступлены были Австрии — несколько сотен дворянских семей, из которых большинство было уроженцами Венеции, одни призываемы были к заведыванию интересами многомиллионного населения, занимавшего и значительную часть современной Ломбардии, и Адриатическое побережье, и Морею, т. е. древний

Пелопонес, и острова Архипелага, наконец, Отдаленные колонии, расположенные на Черном море, в том числе теперешний Азов, — средневековую Тану.

Заявление нашего начального летописца — «на чем старшие (города) положат, на том пригороды станут» — в применении ко всем городским республикам верно не только в смысле первенства главных городов, но и поглощения нередко гражданством политических прав жителей подчиненных им общин и местечек.

Государство, развившееся благодаря соединению воедино кровных союзов и перенесшее на своих наследственных или избираемых вождей те смешанные функции светского и духовного руководства, которые дотоле принадлежали племенным и родовым старейшинам и членам зарождающегося жречества, — а таким государством, как мы знаем, были одинаково в начальный период их истории и афинское, и римское, — очевидно, должно было смотреть на индивида несколько иными глазами, чем те, какими смотрит на него современное государство, вполне секуляризированное и ставящее себе поэтому чисто мирские задачи, задачи стража независимости и правосудия, а также проводника культуры. При том союзе круговой поруки, который связывает между собою членов рода и образующего государство соединения родов, жертвование индивидом в интересах целого неспособно было встретить того отпора, какой бы выпал ему в удел в наши дни. Агамемнон, приносящий в жертву свою дочь Ифигению в интересах всего вверенного ему народа, действует под влиянием того же представления, какое в позднейшие годы и на расстоянии столетий побуждало афинский демос изгонять из своей среды даже честнейшего из своих граждан, Аристида, ради общего мира и спокойствия, а следовательно и общего спасения. Римское «sacer esto» — да будет предан богам, т. е. казнен, нарушитель государственного правопорядка, в корне своем имеет ни более, ни менее, как обычай насильственного удаления из родственной среды нарушителя мира, этого древнегерманского «vargus», которого народный эпос сравнивал с блуждающим, нигде не находящим себе приюта волком, и которому в этом отношении вполне отвечает кавказский абрек. В обществе, еще живущем идеалами родственной солидарности, слива-

ющейся с тою, которая связывает членов одного войска, понятно зарождение учения о государственной необходимости, перед которой на задний план отступают всякие соображения об уважении к личности, к праву и справедливости, так как забота о спасении всего народа, — «salus populi» — первенствует над всеми прочими задачами. Немудрено, если то, что мы называем «raison d'état», — понятие, завещанное политикам XVI и XVII вв. классической древностью. Высказывающие его писатели Возрождения, Маккиавели, а за ним Ботеро, одинаково орудуют примерами Рима. Классический образец рисуется еще воображению французских якобинцев 1793 года в момент устройства ими «комитета общественного спасения» и революционных трибуналов. Но чистым анахронизмом, смешной и в то же время возмущающей душу карикатурой надо было бы считать ссылку на ту же государственную необходимость и заботу об общественном спасении в устах министра любой конституционной державы нашего времени, для которой всякая репрессия находит себе предел в законе и в страхе ответственности перед судом за его нарушение.

Из всего сказанного нами до сих пор надо придти к тому заключению, что противоречие, в каком современный государственный порядок стоит с прошлым, не может быть сведено к одной какой-либо частной причине, а вызывается той глубокой бездной, которая отделяет индустриальную и потому самому сильно индивидуализированную гражданственность наших дней от непорвавшего еще своей связи с кровными союзами военно-сословного государства.

Представленный нами очерк, как мы полагаем, лишний раз доказывает, что ограничение свободы столько же личной или гражданской, сколько и политической, стояло в прошлом в тесной связи с неравенством, порождаемым разнообразнейшими видами опеки, какие тяготели над личностью, — опеки религиозной, сословной и родовой. Происходившее отсюда неравенство подданных, сказывавшееся, между прочим, в устранении от политической жизни главного класса производителей, пребывавшего в узах рабства или крепостной неволи, сводило к скромным рамкам ту изополитию, какой кичились наиболее демократические республики древности и о которой снова заходит речь у

учителей естественного права XVII и XVIII вв. с Альтузием, Спинозой и Жан-Жаком Руссо во главе. Таким образом, подходя к вопросу с другой стороны, чем та, какая имелась нами в виду в начале этой статьи, спрашивая себя о том, по какой причине древнее и средневековое государства слабо обеспечивали свободу личности, мы снова приходим к тому же заключению о тесной связи ее с равенством и о возможности утверждать, что там, где отсутствует последнее, нет благоприятных условий для развития личной автономии. Немудрено поэтому, если и англичане середины XVII века, и французы 1789 и следующих годов, одинаково толковали об уравнительной свободе, сливая оба понятия — равенства и автономии личности — в одно. В таком смысле высказывались предшественники современного радикализма в Англии, так называемые «левеллеры» или уравнители, и то же на все лады повторяли одинаково и Камил Демулэн, и Кондорсэ, другими словами, столько же якобинцы, сколько и жирондисты. Уравнительная свобода потому не является химерой, а положительным требованием современной гражданственности, что ею автономия личности признается не препятствием, а условием развития общественной солидарности. Все будущее человечества зависит от согласования этих двух, как мы показали, далеко не противоречащих друг другу, начал. Как бы широко ни понимали своей задачи общественные и политические реформаторы, ни один из них не может рассчитывать на проведение в жизнь своей схемы, если в ней требование общественной солидарности — справедливость, не будет признано в равной степени с требованием автономии личности — свободой ее физических и нравственных проявлений. Вот почему демократический цезаризм может быть только временной и преходящей формой, вот почему и так называемая диктатура пролетариата не заключает в себе постоянного решения, и прочным порядком политического устройства могут быть только те образы правления, при которых народ обладает свободой самоопределения в такой же степени, как и входящие в состав его члены, т. е. под условием соблюдения норм права, в свою очередь являющихся вынуждаемыми властью требованиями общественной солидарности.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Марко Царинник

ПОЭЗИЯ И ПОЛИТИКА*

Итак поэзия и политика. Вальтер Беньямин сказал когда-то, что фашизм «эстетизирует политику», а коммунизм «политизирует искусство».

Романтизм, который возник в Западной Европе в конце 18 столетия и не замедлил распространиться в Восточной Европе, в частности на Украине, оставил нам в наследство, грубо говоря, два вида поэзии: дидактический и чистый, иными словами — утилитарный и эстетический. Возможно нам нелегко будет вывести правило, при помощи которого мы сможем безошибочно различить эти поэтические категории, но все мы почувствуем разницу, если сопоставим, например, стихи Бориса Гринченко или Якова Шеголева со стихами Евгена Плужника или Владимира Свидзинского.

Вначале романтизм признавал оба вида поэзии. Вспоминая английских романтиков, мы чаще всего вспоминаем оды, в которых Уордсворт воспевал природу, однако романтикам не чужда и поэзия острого социального протеста — такая, например, как стихотворение Блейка «Лондон». Но со временем романтизм начал отталкиваться от дидактической поэзии. Сегодня на Западе афоризм Шелли о том, что поэты — это непризнанные законодатели мира, воспринимается только в переносном смысле, а его стремление проводить в жизнь социальные и политические реформы кажется многим поэтам непристойным.

Современные западные поэты понимают поэзию как выражение чисто личных переживаний. Американская,

---

* Доклад, прочитанный в октябре 1985 г. в Оттавском университете на симпозиуме, посвященном современной украинской поэзии.

канадская или английская поэзия нашего времени отрицает все, что вне человека, все общественное и политическое. «Политика, то есть внешний мир», заявил один американский критик, «не служит ни источником, ни центром поэтического воображения и поэтического языка, а скорее является плавильной печью общественных вопросов, которые рационально и риторически обсуждают политики». Поэзия, которая гордится своей «народностью», своим служением народу или отечеству, не находит у читателей в Нью-Йорке или Торонто ни малейшего эмоционального отклика. Американский поэт Рандел Джарел продемонстрировал именно такое предубеждение, когда заявил, что Шевченко не написал ни одного хорошего стиха. Английский поэт В. Г. Одэн выражал подобное же отношение к поэзии, утверждая, что «характерная черта современной поэзии — это интимный тон, голос одного человека, что обращается только к одному человеку. Современный поэт, если он повышает голос, всегда звучит искусственно». Эзра Паунд склонялся к тому же, когда советовал поэтам избегать абстракций.

Это пренебрежение ко всему, что не является непосредственным и личным, распространено в основном в англоязычных странах. Бернард Шоу, Г. Уэллс и Джон Голсуорси ездили на международные конференции и подписывали заявления в защиту прав человека, но Т. С. Элиот, Вирджиния Вульф и Д. Г. Лоуренс презирали такую деятельность как проявление вульгарной общественной жилки. Однако по другую сторону Ла-Манша писатели не стеснялись принимать ту или иную сторону, и участие французских литераторов в политике — явление обычное еще с предреволюционного времени. По их мнению, художник в политике не изменяет делу чистого искусства.

В Восточной Европе, особенно среди «неисторических народов», наследие романтизма проявилось иначе. При отсутствии парламентов, свободной прессы и общественной мысли, в условиях острого национального и социального гнета, как у нас привыкли говорить, поэты отказались от одного из аспектов западного романтизма (от попытки найти адекватный язык для подсознательных или полусознанных переживаний) и приняли другой его аспект —

протест против подневольной жизни и призыв к лучшему будущему. Своими ранними романтическими произведениями — романтическими в первом, а не во втором смысле — в частности «Причинною» и «Гайдамаками», Шевченко явил образец протеста против существующих порядков, которому украинские поэты следуют до сегодняшнего дня.

В своем предисловии к еще не изданному сборнику Васыля Стуса «Палімпсести» Юрий Шевелев называет эти два вида поэзии «программная» и «непрограммная». Программная поэзия — Шевелев приводит как пример Мыколу Руденко — выражает определенную идеологию или программу и имеет склонность к эпосу. У непрограммных поэтов, пишет Шевелев, тоже есть своя идеология, но их творчество отражает ее лишь косвенно, в колебаниях настроений и переживаний. Уже заранее сформированная, программная поэзия нуждается в постоянной смене тем и сюжетов, чтобы не стать однообразной. Напротив непрограммная поэзия может варьировать бесконечно одну и ту же тему и все же оставаться лирической. Ее богатство — в меняющихся переживаниях.

Каждому, кто хоть немного знаком с украинской поэзией, ясно, что она почти вся программна. Шевелев утверждает, что он различает эти два вида поэзии не для того, чтобы восхвалять один и обесценивать другой. Личный вкус, мол, определяет, кому какой вид поэзии больше нравится. Я смотрю на это иначе. Поскольку программная поэзия трактует явления, существующие помимо индивидуума, и выбор их зависит от идеологии поэта, она имеет опасную тенденцию превращаться в закодированные абстракции. Поэзия соцреализма является ярким примером убийства поэзии абстракциями, но поэты, которые будто бы противятся и соцреализму, и политической системе, породившей его, тоже порой убивают поэзию. Примером этого в современной украинской литературе может служить Василь Симоненко, который, хотя и был честным и отважным и имел подлинный талант, ошибочно полагал, что создает поэтическое произведение, рифмуя газетные передовицы.

Я не открою Америку, если скажу, что украинские читатели в большинстве своем консервативны во вкусах и предпочитают программную поэзию. Причину этого явле-

ния следует искать в глубоко укоренившихся традициях. Особенно важна здесь привычка видеть в поэте не столько художника, сколько барда, vox populi, рупор для социальных и национальных лозунгов. К тому же тут действует ощущение осадного положения, которое овладело многими украинцами и на родине и за рубежом. Нация, убежденная, что ее окружают враги, что под угрозой само ее существование, не хочет позволить себе такую роскошь, как искусство для искусства. *Молодая муза* в начале века и *Нью-Йоркская группа* в наши дни были исключением, которое не смогло изменить основного направления украинской поэзии. В. Мороз выразил общее отношение, когда он недавно осудил украинских модернистов как поэтическую группку, члены которой в шестидесятых годах курили марихуану и бегали по улице без штанов.

Убеждение, что поэт — это голос оскорбленного народа, защитник национального духа, перенесено с Украины в Северную Америку. Украинцы диаспоры почитают Шевченко больше как национального героя, чем как поэта, и обвиняют в клевете тех, кто пытается применять к нему новейшие критические теории. К живым поэтам, особенно если они отказываются преподносить национальные истины в легкодоступной форме, эмиграция относится не лучше. *Нью-Йоркская группа* никогда не имела больше, чем несколько десятков читателей. Тодось Осьмачка, Олекса Веретенченко и Игорь Костецкий провели свои последние годы в изоляции, граничащей с остракизмом.

Глубокая укорененность понятия, что поэт — это национальный пророк, объясняет тот факт, что «*Берег чекань*» Симоненко стал, по украинским критериям, бестселлером. Это случилось, кстати, сразу после его смерти в молодом возрасте — легко было признать его мучеником. Сейчас мы являемся свидетелями того, как в последние несколько месяцев создается подобный культ Василя Стуса. Для меня было бы большой неожиданностью узнать, что при жизни Стуса стихи его читало больше, чем сто человек. Теперь же, после его смерти, мы заговорили о нем словами, взятыми прямо из терминологии культа Шевченко. «Похоронили теперь Василя Стуса, красу украинской поэзии, верного духовного сына Шевченко и ученика его — так же на

47 году его трагической жизни», писала недавно «Свобода» в редакционной статье о гибели Стуса. «Помянем же мы великого поэта и героя мученика Василя Стуса не злым, тихим словом теперь в своих молитвах..., а в сердцах своих выжжем имена тех палачей, которые замучили еще одного украинца».

Может ли поэт быть одновременно воплощением духа своей родины и преданным своему творчеству художником? Так ли упомянутые мною два полюса поэзии отдалены друг от друга? Чтобы разобраться, обратимся к жизни Стуса.

Факты биографии Стуса достаточно известны. Родился он 8 января 1938 года на Винничине. Первые стихи напечатал в 21 год. Через пять лет стал аспирантом Института литературы Академии Наук УССР, но уже годом позже присоединился к оппозиционному движению, возникшему на Украине после того, как Хрущев частично разоблачил сталинские преступления. 4 сентября 1965 года, во время дискуссии после премьеры фильма «Тени забытых предков» в кинотеатре *Украина* в Киеве, Иван Дзюба сообщил присутствующим об арестах, проредивших ряды украинской интеллигенции в конце августа. Стражи порядка не позволили договорить, согнали его со сцены и включили сирены, чтобы заглушить его голос. Тогда сорвался с места Стус и бросил в преполненную аудиторию призыв: «Кто против тирании — встаньте!»

Реакция режима была стандартной: Стуса выгнали из аспирантуры и внесли в список писателей, которых нельзя печатать. Но Стус не исправился и на протяжении нескольких последующих лет писал острые заявления в защиту преследуемых коллег. Этого власти не могли простить ему: в январе 1972 года, когда КГБ получил задание разгромить оппозицию и арестовал многих украинских оппозиционеров, Стуса обвинили, по странной формулировке советских уголовных кодексов, в «антисоветской агитации и пропаганде». После десяти месяцев заключения и допросов его осудили на пять лет лагеря и три года ссылки.

Вероятно потому, что он был одним из наиболее откровенных критиков режима — однажды он назвал КГБ фашистской организацией — к Стусу относились в лагере особенно жестоко. Хотя он страдал язвенной болезнью, из-за

которой ему удалили три четверти желудка, Стусу отказывали всякий раз в необходимом лечении. К тому же, кагебисты забрали большую часть его рукописей — около шестисот стихотворений и переводов.

Этот удар был для Стуса особенно тяжелым, т. к. он был не только политической жертвой режима, но и поэтом, и биографические факты, которые я только что привел, ничего не говорят о тех трех сборниках его поэзии — «*Зимові дерева*», «*Свіча в свічаді*» и «*Палімсести*», — которые попали на Запад. Прочитав даже одно стихотворение Стуса сразу понимаешь — он поэт непрограммный. Его творчество интенсивное, а не экстенсивное, лирическое, а не эпическое. В своих ранних произведениях Стус сатирически представлял окружающую действительность — «Живу, як мавпа серед мавп», например, — или обращается к истории (я имею в виду его поэму «Костомаров в Саратове»), но в зрелой своей поэзии — в стихах из сборника «*Свіча в свічаді*» и, особенно, в «*Палімсестах*» — темы сужаются, как бы концентрическими кругами, к одной: разговору «Я» с неназванной «ТЫ», которая в равной мере может быть женой, матерью или родиной поэта. Или ими всеми одновременно. В поэме «Смерть поэта», писал я в предисловии к сборнику «*Свіча в свічаді*», — Райнер Мария Рильке дал законченное выражение одной из наиболее важных идей своей эстетики: сущность художника — в неразрывной связи с миром и предметами этого мира, такой полной, что она кажется взаимопроникновением. Эта же тема — воспринятая и разработанная совершенно самостоятельно — господствует и в поэзии Стуса. Природа и душа сливаются в единый поток. Внешний мир становится внутренним, внутренний — внешним. Это и есть подлинный голос поэзии.

Эта насыщенная, герметичная, оксиморонная* поэзия привлекла к себе мало внимания. Читателям на Украине она была доступна только в самиздате. Читателям на Западе, в том числе и некоторым поэтам, поэзия Стуса казалась искусственной, «неукраинской», слишком трудной для

---

* Оксиморон — стилистический оборот с использованием семантически контрастных слов, неожиданно создающих смысловое единство (ред.).

восприятия. Стуса почитали как политического бойца, но поэта Стуса не читали.

Все же судьба поэта привлекла внимание его коллег на Западе. «Международная Амнистия» заинтересовалась его делом, американские университеты приглашали его читать лекции, английская секция ПЕН-клуба предоставила ему почетное членство, а на съезде «Писатель и права человека», состоявшемся в Торонто в 1981 году, Стус был одним из семи поэтов-заключенных, для которых отвели почетные места возле трибуны.

Когда Стус закончил лагерный срок, его перевезли этапом на место ссылки — в необъятный колымский край арктической Сибири, где погибло от трех до четырех миллионов человек в сталинских концлагерях тридцатых годов. Тут, несмотря на очень плохое состояние здоровья, Стуса заставили работать в шахте. Он выразительно описал условия жизни ссыльного в «Лагерной тетради», которая попала на Запад три года назад. Бригада, в которую его определили, — писал Стус, — была:

ударная, коммунистическая. Чуть ли не половина рабочих — партийные. Они должны были меня воспитывать. Страшная пыль в забое, так как вентиляция отсутствует: бурят вертикальные глухие штреки. Молоток весит около 50 кг. штанга — до 85... Респиратор (марлевая повязка) за полчаса становится непригодным: он намокает и покрывается толстым слоем пыли. Тогда снимаешь его и работаешь без защиты. Говорят, молодые парни сразу же после армии за полгода такой адской работы становятся силикозниками. Из-за пыли не видно лопаты, которой работаешь. Когда кончаешь работу — нет сухой нитки — выходишь в клеть под ледяной воздух, который не подогревается. Пневмония, миозит, радикулит — преследуют каждого шахтера. А к тому же вибрация и силикоз. Травматизм на шахте — довольно высокий. То обрушился потолок, придавив жертву «заколом», то бурильщик упал в «лунку», то попал под вагонетку; перебитые руки, ноги, ребра — чуть ли не у каждого второго...

Я возвращался в общежитие и падал, как убитый. Была работа и сон. Промежутков не существовало.

В дополнение к таким физическим мукам, власти издевались над Стусом еще и морально. За ним постоянно

свели, к нему подсаляли пьяниц, которые не давали ему покоя, его бесконечно вызывали на допросы, на него натравливали местных жителей, и когда его отец умирал, Стус добился разрешения поехать домой только тогда, когда начал голодовку и прикрепил на своих дверях объявление: «Прошу не мешать. Голодовка с требованием дать возможность похоронить отца». Все эти издевательства (я не перечислил даже половины того, что Стус пережил) довели его до такого состояния, что в конце 1978 года он отказался от советского гражданства. Вот как объяснил Стус свой поступок:

запрет заниматься творческой работой, постоянное унижение моего человеческого и национального достоинства, положение, при котором я чувствую себя вещью, государственным имуществом, которое КГБ записало на своеkonto; ситуация, когда мое чувство украинского патриотизма возведено в ранг государственного преступления; национально-культурный погром на Украине — все это вынуждает меня признать, что иметь советское гражданство — для меня невозможно. Быть советским гражданином — это значит быть рабом. Я же для такой роли не гожусь. Чем больше мучений и издевательств я претерпеваю — тем сильнее мое сопротивление системе надругательства над человеком и его элементарными правами, сопротивление рабству.

Отбыв срок ссылки, Стус возвратился в августе 1979 года в Киев. О работе по специальности не могло быть и речи. Стусу предоставили изнуряющую работу в литейном цеху, а потом на обувной фабрике. К тому времени Украинская хельсинкская группа, которую основал Микола Руденко, была розгромлена почти окончательно. Сознывая, что за этим последует новый арест, Стус вступил в группу и начал собирать для нее информационные материалы. «Психологически я понимал, что тюремные ворота уже открылись для меня, что на днях они закроются за мною — и закроются надолго», писал Стус. «Но что я должен был делать? За границу украинцев не выпускают, да и не очень хотелось в эту за границу: ибо кто же здесь, на Большой Украине, станет горлом возмущения и протеста? Это уже судьба, а судьбу не выбирают. Стало быть, ее принимают — какая уж она ни есть. А если не принимают, она силой выбирает нас.»

Стусу не пришлось долго ждать ареста. 14 мая 1980 года кагебисты пришли к нему на работу, а в октябре того же года его осудили на десять лет заключения и пять лет ссылки и отправили в лагерь в Пермскую область.

И вновь власти принялись пытаться Стуса физически и психически. «Таких условий, как здесь», — писал Стус в своей «Лагерной тетради»,

люди не помнят в Мордовии — ни на черных зонах, ни в Сосновке. Одним словом, режим, установленный в Кучино, достигает полицейского апогея. Любая апелляция к верховной власти остается без ответа, или — чаще всего — за ней следует наказание. Буквально за полгода меня трижды лишали свидания, чуть ли не через месяц так наз. ларька, подряд три раза отсидел в изоляторе... Москва дала здешним властям все полномочия, и кто сохраняет иллюзию, что какой-то закон должен регулировать наши отношения с администрацией, очень ошибается. Закон полного беззакония — вот единственный регулятор наших так наз. взаимоотношений... Так долго продолжаться не может — такое давление возможно перед гибелью. Не знаю, когда придет погибель на них, но лично я чувствую себя смертником. Кажется все, что я мог сделать за свою жизнь, я сделал... Заниматься творчеством здесь невозможно абсолютно: каждую стихотворную запись отбирают.

Гибель действительно приближалась. 4 сентября 1985 года жена Стуса Валентина Попелюх, которой ни разу за пять лет не пришлось увидеть своего мужа, получила коротенькую телеграмму от властей: «Ваш муж умер». Когда же она через день прибыла в лагерь, чтобы забрать тело поэта, ей сказали, что его уже похоронили.

Почему погиб Стус? Я вижу две причины.

Во-первых, он был честным и отважным человеком, отстаивающим свободу и честь своего народа и, тем самым, свободу и честь человечества. «Вечным позором этой страны», писал Стус в «Открытом письме к Ивану Дзюбе», «будет то, что нас распинали на кресте не за какую-то радикальную гражданскую позицию, а лишь за наше желание уважать себя, свое человеческое и национальное достоинство». За двадцать лет, что прошли между его первым гражданским протестом и смертью, Стус написал

ряд обращений и писем, которые занимают одно из первых мест в украинском самиздате. Власти не могли простить человеку, который призывал встать всех, кто против тирании, и который совершенно дословно придерживался принципа, протестом и смертью, Стус написал ряд обращений и писем, которые занимают одно из первых мест в украинском самиздате. Власти не могли простить человеку, который призывал встать всех, кто против тирании, и который совершенно дословно придерживался принципа, провозглашенного Генри-Дэвидом Торо в памфлете «Гражданская непокорность»: «При правительстве, которое держит кого-то в заключении несправедливо, у справедливого человека есть тоже только один дом — тюрьма... единственное место в рабовладельческом государстве, где свободный человек может быть честным».

Во-вторых, Стус был поэт, к тому же — украинский поэт. Мы одновременно слишком близко и слишком отдалены от него, чтобы окончательно оценить его творчество, но я убежден, что мы уже сегодня можем сказать — и это без каких бы то ни было скидок на его национальность и на условия в которых ему приходилось творить, — что он был очень хороший поэт и мог бы стать великим поэтом. За свою жизнь он написал по меньшей мере полдесятка подлинно лирических стихотворений, а написать даже одно настоящее стихотворение — большое достижение. Но даже самая чистая лирика имеет отзвук в политическом мире. Элиот обратил внимание на то, что «поэзия прежде всего выражает ощущения и эмоции, а ощущения и эмоции всегда специфичны, в то время как мышление общо. Человеку легче думать на чужом языке, чем чувствовать на нем. Поэтому из всех искусств поэзия наиболее неисправимо национальна. Вы можете отобрать у народа его язык и навязать в школе другой, но если вы не научите этот народ чувствовать на другом языке, вы не искорените родной, и он всплывает снова в поэзии... Люди находят наиболее сознательное выражение своих самых глубинных чувств в поэзии на родном языке».

Мир не признает такого уважения к истинному предназначению языка. Но как сказал Камю, когда ему вручали Нобелевскую премию: «Функция писателя не

свободна от тяжелых обязанностей. Он не может служить тем, кто творит историю; он должен служить тем, кто подвластен ей».

Стус знал это. «За мной стояла Украина, мой угнетенный народ, честь которого я должен отстаивать до смерти», — писал он. И словом и делом он отстаивал свой язык и свой народ. И мы долго еще будем вдохновляться его словами.

В начале этой статьи я писал о разнице между утилитарной и эстетической поэзией, Стус прекрасно чувствовал эту разницу, и он отказался поставить свое поэтическое слово на службу партиям и идеологиям. Он знал, когда надо составлять политическое заявление и когда писать стихи. Но в мире, который убивает поэтов, разница эта оказалась в конце концов иллюзорной. Ганс Магнус Энценбергер был прав, когда сказал: «Поэзия утверждает то, что она не подвластна политике. В этом ее политическое содержание». Поэзия есть политика.

Алина Бабаева

«ГДЕ ОНИ, ПУТИ НАШИ?!»

(О повести Валентина Распутина «Пожар»)

Долго молчавший Распутин напряженно высмотрел, накопил и представил полный реестр поражений и неисправимых бед на родной земле.

«Пожар» — SOS, тревога. «Загорелись склады — направо и налево от складов застроено густо, значит и огонь мог начать гулять. История, значит, выходила нешуточная». Символ наглядно прост и безыскусен, разговор пойдет о таком неустройстве и недосмотре, что уж край — горит. Спасать надо.

Вот о том, что, как и во имя чего спасать, — и ведет нелегкий разговор Распутин.

Иван Петрович, глазами которого увидено происходящее, высказал наболевшее (причем сложно, с дальним подкопом — часто голос его переливается в прямой голос Распутина), — человек простой, работяга.

Как и почти все в этой повести, Иван Петрович застигнут в «момент острого недоумения и недовольства». Близкая пенсия — в марте, рифмуется у него с близкой смертью. Март — смерть. Жизнь прожита, но так, что «страшное разорение чувствовал он в себе, будто прошла в нем иноземная рать и все вытоптала, выгадила. Нутро взбунтовалось и озлобилось». Человек устал, устал смертельно. Из оцепенения вырывают Ивана Петровича крики: «Пожар! Склады горят!» И словно прозрел Иван Петрович. Неуютный и неопрятный поселок, выветлился заревом пожара, и мысли нахлынули, одна безутешней другой.

Двадцать лет сошло, как переехали, но не проходило и дня, чтобы не вспоминал Иван Петрович деревню. Деревня, триста лет копившая тепло, ушла под воду. «Там каждый камень еще до твоего рождения предчувствовал и ждал тебя.., каждая травка несет тебе что-то в остережение или

поддержку — от былых времен». Родина. Не та, что «широка страна моя родная», а действительно родная тебе земля, на которой родился и вырос.

Невзрачная и обделенная, деревенька эта дорога была Ивану Петровичу — человеку с памятью и сердцем — общим и слаженным бытием. Там веками крепилось все на не вчера придуманных порядках и привычках. «Единой грудью» спасались и в войну и после; держались вместе и исхитрялись, чтобы выстоять. «А времена были такие, что запрашивали и такую службу, чтобы донести, да навести». Но такого деревня не прощала. Было там правило — вдовых баб и стариков без помощи не оставлять, друг другу помогать, жить солидарно. Такой там был общий неписанный закон.

И вот всего этого нет. Нет деревни, и законы той деревенской жизни превратились в пережиток, ненормальность. Все вдруг замутилось, перевернулось с ног на голову.

Поля и луга, которыми жил народ, затопили. Осталось — лес рубить. Хоть и собирались поначалу жить все теми же общинами (миром), но не получилось — все перемешалось. Понаехали чужаки, без роду и племени, люди легкие, не обзаводящиеся хозяйством, одна дорога у них — в магазин. И вот уже общины другого толка — ничего не боящиеся и не стыдящиеся пьянчуги, с атаманом, что «правит власть». Пришлые эти, архаровцы, держатся не на лучшем, а на худшем в человеке. Гонимые словно «сектантским отвержением» и безразличием к любому делу, не имели они ни семьи, ни друзей, ни привязанностей, ни обязанностей. Сезонники, шабашники. Приехали то ли за длинным рублем, то ли, чтобы жизнь отбыть. Имена у них, как клички лагерные — Девятый, Соня, и речь на лагерный манер — «гражданин законник». Нраву они веселого, живут лихо, «араписто». И работа по ним. Лес рубить — не хлеб сеять. Разрушать — не строить.

Вот и говорит Распутин — «не всякая перемена во благо». И поселок на замен старой затопленной деревни ничем не лучше, а во всем хуже — «люди разошлись всяк по себе, отвернулись и отбились от общего слаженного существования». Нет в их действиях ни единства, ни плана. Нет никого, кто организовал бы их в единую твердую силу;

ни одно дело до конца довести не в силах. С лесопилки тащут, тащут всё и все, кому не лень. «Научились косо смотреть на всякого, кто по старинке качает права и твердит о совести». Пьянство беспросветное, «стрельба, поножовщина, утонувшие и замерзшие, задавленные на лесоповале. Жертвы почти сравнялись с военными — вот тебе и мирное время!» А начальство «во все встречается, ни в чем себе не отказывает» — «неробеи и причиндалы». Как получилось, что сдались мы на их милость? — спрашивает Распутин.

Нет, не получилась новая жизнь, хоть и неизменно поощряет плакат — «Правильным курсом идете, товарищи!» Мир расшатался, «расшатался и на старых основаниях — а возводят все новые, раскачивающиеся на незакрепленных низах».

И вот пожар. В эту минуту беды ярко представилось все, что происходит. Пришел момент «разгрести навороченное — тут и выкладывай, что накопилось.» Эти слова могли бы быть эпиграфом к повести. «Разгребание», кажется, началось. Это чувствуется поразговорам о реформах в советских газетах, по почти таким же откровенным, как во времена хрущевской оттепели, выступлениям то Евтушенко, то Окуджавы, а то и по письмам в газету «простых труженников». Но вопрос: всё ли собираются разгрести, или только с краешку зацепить, по верхам пройти?

*

Распутин выложил, что накопилось. Перечислил, что плохо — оказалось, плохо все. И бежать некуда. А Иван Петрович не раз уж хотел бежать. Но куда? Вот брат Гошка уехал на стройку («лукавый увлек» — не одобряет Распутин), а там спился. Дочь — в город, но «от вызверяющих граждан городских удобств» слегла в больницу.

Чтобы чувствовать себя в жизни сносно, — говорит Распутин, — нужно быть дома, где все на устоявшемся месте. Если где и хорошо, так это у сына, что живет в красивом, богатом поселке «своим домом, при доме сад с разной ягодой и самделишной яблокой.., жизнь не надрывная, порядка больше, и держался порядок не на окрике и штрафе, а на издавна заведенном законе».

Если кто и сохранил доброе, так это дядя Кампо (с детства парализованный, рука не действует и говорит с трудом, но силы был могучей — делал все одной левой). А первый его устав — чужого не трожь! Да Афоня Бронников — работает честно, не ворует, не ловчит, знает, что «жить надо правильно, пример жизнью подавать». Да Алена — жена Ивана Петровича, в ней, «как во всеединой троице, сошлось все, чем может быть женщина» с ее «опрятным, мягчительным миром», пониманием и теплом, «все без насады и жертвы исходило из натуры ее и души, все до капельки выносила в общую жизнь». Русская женщина, что любую тяжесть взвалит на себя и вынесет — непреходящая ценность, неразменный пятак и в самые плохие времена. Все из затопленной в Ангаре Егоровки.

Четыре основы есть, на которых и вся жизнь держится, четыре важнейшие ценности: «дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь и праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом», — утверждает Распутин. Но вот вместо дома — барак на раздорожье, дети разъехались, работать приходится с архаровцами, а земля, на которой стоял дом, — затоплена.

Что же мешает жить хорошо? Распутин пытается ответить:

Работают плохо. Нет ни у кого ни ответственности ни заинтересованности. Ведь и загорелось потому, что поставили на хапок, и потушить не могут — нет слаженности в работе, нет единого плана. Никто не подумал наперед, не предусмотрел возможной беды — живут одним днем.

Ко всему относятся потребительски, опять же — завтрашнем дне не думают. И к земле, и к лесам. «И техника пошла такая, что никакого подросту после себя не оставит. Тот же самосвал вытопчет и выдавит все под чистую».

Потерян интерес к труду, потеряны и эстетические идеалы — корней не пускают, не охорашиваются. Живут без будущего. И поселок стоит «стыло, ни березки — ни рябинки».

Люди опустошены — ни семьей не обзаваются, ни друзей, ни привязанностей ни имеют — «всебятились». Жизнь личная и общий интерес взаимно не проникаются.

Жить нечем — и пьют беспробудно.

Воруют — потому, что не знают ни закона, по какому жить, ни правил.

Начальство занято своими шкурными делами. Во все встречается без толку и самоуправствует. Главная забота — себе тащить беспрепятственно, что получше.

Похоже, все правда. Но вся ли? Обо всем ли, что накопилось, говорит Распутин? В архаровцах ли беда? Чувствует и Распутин, что они — всего лишь жертва развороченной кем-то жизни. И досталось им сполна — не один, по всему видно, узнал почем лагерная баланда и лагерный закон. «Гражданин законник» — вряд ли кто-то заподозрит, что сказано это с почтением.

Начальство Распутин называет только местное — хапуги и бездельники, но прямо на слом жизни не повлиявшие. Искалечено все какой-то неназванной силой. В газетных очерках Распутин изъясняется определеннее. Он знает на каком уровне принято решение об уничтожении Байкала, хищническом истреблении собирского леса, он мог бы назвать и тех, кто призывает молодежь бросать родной дом, семью и отправляться «за туманом и за запахом тайги» — в бараки и палатки, где за ночь «волосы примерзают к пологу», — рубить лес, ту самую тайгу, топить Егоровку, губить Байкал. Они осваивают, а не обживают Сибирь. Они нужны. Нужны эти армии беспокойных и беспечных, но легко управляемых единой волей, людей. Их, ни к чему не привязанных, не прикипевших душой, «бросают» то на коллективизацию, то на «Великие Стройки Коммунизма», заболотившие и погубившие тысячи и тысячи гектаров плодороднейшей земли.

В повести Распутин не подводит черту и не обобщает, не делает выводов, в которых можно было бы увидеть критику режима, системы. И, может быть, не потому, что ему не хватает мужества, — Распутин один из самых честных русских писателей. «Пожар» — все же не очерк, а повесть, хотя и с большим креном в публицистику (в художественном отношении она из-за этого сильно потеряла). Но и без обобщений ясно: Распутин бьет тревогу не ради спасения складов или барачного поселка. Вся жизнь по-советски не получилась. А как случилось, что дошло до пожара?

У Распутина ответа нет.

Но есть постоянный мотив — люди бессильны, когда они оторваны от корней. А корни в родной земле. В той самой, на которую бросился Алеша Карамазов в тяжелую минуту «слабым юношей», чтобы встать «твердым на всю жизнь бойцом». В этом суть этической и эстетической концепции Распутина. И повод для спекуляций. Новое «почвенничество»?

*

Казалось, с Матерой попрощался Распутин навсегда, отдал последний поклон своим старухам. Много времени прошло — и Матеры нет, и старухи повымерли. Но новой темы не нашел Распутин. Ждал, видно, — старые корни прорастут в новую жизнь. Когда стало ясно, что не проросли, появился «Пожар».

Старый дом ушел под воду, а новый поставили не так, чтоб крепко стоял, а чтоб легко загорелся. Так же, без прочной основы, вот-вот рухнет, построена «новая жизнь». С прошлым не связанная. Солженицын утверждает, что перелом хребта русской жизни произошел в феврале 17-го. По Распутину, после этого еще долго держались. Рухнуло все, ушло под воду каких-то двадцать лет назад, уже после сталинщины. Важно, что и тот и другой видят опору в традициях старой жизни, которую оба почему-то идеализируют.

Деревня не только при Сталине, но и до 1917 года не была такой, какой видит ее Распутин. Ностальгией окрашены наши воспоминания.

В эмиграции написал Бунин «Косцы». Почти стихи в прозе — гимн русским крестьянам, которые и работают и поют так хорошо, как только на Руси и умеют. Сплошная патока — по мнению самого автора. А десятью годами раньше тот же Бунин — когда ближе был и видел крестьянскую жизнь в упор — написал «Деревню». Совсем не патока. Как сам же пишет, обращаясь к будущему историку: «верь мне, я взял типическое». О тех же русских крестьянах, но уже совсем по-другому. И «пашут целую тысячу лет, да что я! больше! — а пахать путем — то есть ни единая душа не умеет! Единственное свое дело не умеют делать! Не знают,

когда в поле надо выезжать! Когда надо сеять, когда косить!.. А песни? Все одно, все одно: мачеха — лихая да алчная, свекор — лютый да придирчивый...» И нравственные качества не из лучших: «...все враги друг другу, завистники, сплетники...» Говорит не сам Бунин, а его герои, но ведь «типическое» же!

И у Лескова — кто уж больше любил и лучше знал русских крестьян? — пахать они тоже не мастера, живут в черных курных избах (не лучше баракон).

Может быть в Сибири и крепче люди, но чтоб так уж, все без греха, выстояли в сталинские времена, — не верится. Вот и в распутинской же повести «Живи и помни» не потому ли погибла затравленная Настена, что некому было ей открыться в родной Атамановке? Неспроста боялась она односельчан — знала, что могут «донести и навести».

Главное же, люди сегодня по своей воле уходят от земли. Не все хотят своей «ягодой и яблокой» жить. Везде, во всех странах, люди уходят в города, а у нас тем более не задержались бы, потому что и земли-то своей нет. Держит силой новое крепостное право. И все-таки бегут — кто не видел опустевших деревень, где доживают свой век без детей и внуков старики?

Это естественно. Вопрос — с чем придут эти люди в город, чем будут там жить? Сохранит ли силу закон деревенской жизни на новом месте? даст ли опору?

Новым «почвенникам» нужен Распутин. Они его числят своим. Лучше бы обойтись Распутину без таких союзников. Едва ли не все «патриоты» из русской партии выступают охранителями режима. И враг у них с режимом общий — те, кто критикует имперские порядки: «очернители», «клеветники», разрушители великодержавных мифов, деидеологизаторы. На словах — за восстановление исторической преемственности, против всеохватывающего скепсиса и цинизма выступает «русская партия», на деле — за «сохранение и упрочение» консервативной, убивающей все живое, советской системы. Она-то и порождает безверие и цинизм. Юрий Бондарев, например, — он теперь с ними — уверяет нас, что советская Россия вот-вот преподаст урок «загнивающему Западу». Но Распутин знает — его родина в

беде. Время — не других учить, а спасать от огня свой дом. Но как?

*

«Хозяин в эту ночь вышел на пост, загодя выбранный на ближнем бугре, откуда было удобно и безопасно наблюдать пожар. И он видел все от начала до конца... Хозяин видел, как бежали люди, как метался на виду у первых прибежавших Петруха, размахивая руками и показывая ими на объятую пламенем избу... И пока изба горела в рост, Хозяин смотрел на деревню. В свете этого щедрого пожарища он хорошо видел блеклые покуда, как нарисованные, огоньки над живыми еще избами — только он мог их видеть и видел, отмечая, в какой очередности возьмет их огонь. И он видел возле них чужих людей — их было много... На то он и был Хозяин, чтобы все видеть, все знать и ничему не мешать... Еще раньше, выглядывая из норы,.. он видел, что с вечера взошли и скоро погасли звезды... Он не любил смотреть на небо, оно вводило его в неясное, беспричинное беспокойство и пугало своей грозной бездонностью.»

Это из распутинского «Прощания с Матерой». Хозяин — «маленький, чуть больше кошки», лесной зверек. Он же домовый, деревенский божок, хранитель законов этого маленького кусочка земли. Пока стояла деревня, мог человек как-то жить по закону Хозяина. Деревни уже нет, жители ушли на новое место. Чуть в сторону — и законы не действуют. Вроде такие же люди вокруг, а законы — не те. А какие нужны, никто не знает. Иван Петрович понимает, что закон должен быть, помнит каким он был в Егоровке, хотел бы сохранить его же на новом месте, да не получается — а другого у него нет. И от этого обрывается душа. Думая, что делает добро, помогает злему: работает хорошо и других призывает работать хорошо,... *уничтожая тайгу*. «Егоровский дух» дядя Хампо, «сторож-самостав», на пожаре из-за орсовских тряпок, *порядка ради*, убивает архаровца и погибает сам.

Честность, добросовестность, соблюдение уставного правила «Чужого не брать!» могут служить и злу — если человек слеп. На них, слепых, еще больше, чем на архаровцах, держится это зло.

Закон Хозяина дает мало света. Он и сам боится вглядываться в даль. И люди, живущие по его закону, не видят далеко, все скрывается от них в сером сумеречном свете и рождается «беспричинный страх перед грозной бездонностью».

Недостаточен закон земли. «И правда не правда и совесть не совесть, а только ищущая и страдающая душа. И как быть ей, если совесть и правда скособолены по ее милости? В чем найти ей поддержку?» — спрашивает Распутин.

Ориентация лишь на групповые ценности — шоры, ограничивающие поле зрения. Закон Хозяина действует в пределах узких границ, когда чувство общественной солидарности обусловлено характером личных взаимоотношений человека со своими родными (дом, семья), со своими соседями (односельчане или коллеги по работе, или близкие друзья), интимным отношением к месту, где родился и вырос (родина — деревня, поселок, городской район). Вне этих границ отношения человека к другим людям и миру теряют свою непосредственность, становятся безличными. И законы Хозяина перестают действовать. Но как же в таком случае ориентироваться?

Вероятно, нужно изменить ракурс. Не распространять групповой опыт на новые отношения, не оценивать все расширяющийся мир по закону Хозяина, а пытаться познать общий закон и уже от общего идти к частному.

Познать «объективные, не зависящие от воли и сознания людей законы». Так, кажется, по марксистской терминологии? Гегель же — «исправляя» которого, создавал свою науку Маркс — назвал эти законы законами саморазвития абсолютной идеи. Дело не в названии — дело в том, что абсолютная идея развивается и через нас, и именно это дает нам надежду, что мы можем *в себе* почувствовать дух всеобщего закона. Но только, если наши глаза будут открыты и мы будем готовы свободно, без языческих табу, познавать себя и мир.

Наши «вожди» всегда утверждали, что только им ведомы «объективные закономерности», а остальные должны им верить на слово и послушно за ними следовать. Вожди

совершали ошибку за ошибкой (преступление за преступлением), но продолжают убеждать нас, что только они близки к истине. А между тем, как раз у них возможности познания истины меньше, чем у других людей. Потому, что они смотрят на всё с колокольни своих догм, оценивают происходящее по меркам своего Хозяина.

Да, сплошь и рядом правда представляется скособоченной по милости нашей души. Душа наша — сосуд с бесценным содержимым, частицей абсолютного духа. Но форма этого сосуда определяется нашими представлениями о жизни, ограниченными законами того или иного Хозяина. Чем более свободными (внешне и внутренне), чем более открытыми миру мы будем, тем больше вместит в себя наша «ищущая и страдающая» душа. Чем отчетливее явит нам себя всеобщей закон, тем яснее будет, какому правилу жизни следует подчиниться, а какому оказать сопротивление.

Перед тем как обняться с землей, Алеша Карамазов смотрел на небо. «Душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол... Тишина земная как бы сливалась с небесной, тайна земная соприкасалась со звездною... Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его... С каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков». И тогда земля дала ему силу отличать доброе от злого.

А хозяин — это, наверное, всего лишь хорек.

Раиса Орлова

ДУШИ ВЫСОКАЯ СВОБОДА...

Всегда вспоминаю эту ахматовскую строку, читая Некрасова, думая о нем.

В подзаголовке книги Виктора Некрасова «Саперлипопет» — «Если б да кабы...»

Биография писателя известна: родился в Киеве, учился в Архитектурном институте, стал актером, с театральными труппами разъезжал по стране. На войне был сапером.

Первая книга «В окопах Сталинграда», — лучший военный роман, широкое признание, Сталинская премия.

Потом были другие книги, их ругали, были поездки за границу, начался медленный путь к инакомыслию, к поступкам, выходящим за официальные рамки. 29 сентября 1966 года Некрасов выступил на стихийном митинге в Бабьем Яру, где гитлеровцы уничтожили в сентябре 41 года десятки тысяч евреев. Некрасов защищал арестованных, его исключили из партии, у него был обыск. С 1974 года Некрасов живет в Париже.

Но ведь все могло пойти и по-иному: а, что если бы мать не вернулась бы из Швейцарии в Киев, и Некрасов родился бы в Париже?

Подзаголовок-вопрос становится действительностью. Лирический герой раздваивается: Виктор Некрасов с его реальной биографией, но минус эмиграция. И Алексей Никитин, родившийся в Париже (вот что было бы, если бы...), ставший французским писателем.

Каждый проигрывает иной вариант. Полностью или частично.

«Некрасову» давно невтерпеж унижительный страх, слежка, насилие над мыслью. Приехавший в Париж как член советской делегации он мучается вопросом: а не остаться ли? Мысль эта приходит не впервые, она оживает, и в долгих разговорах с Никитиным он разрывается между «за» и

«против». В последний момент, когда в делегации уже началась паника. Некрасов возвращается в отель и улетает со всеми в Москву.

Никитин же — отчасти и под влиянием «Некрасова» — едет в СССР как турист. Ему дают адреса друзей и потому ему открывается часть настоящей жизни. У него ни на мгновение не возникает мысль: не остаться ли навсегда на своей исторической родине. Но и он ощущает, что потерял, или, вернее, какого человеческого опыта он оказался лишен.

У Некрасова, как у любого советского гражданина, возможность пробовать отнять: решить можно только один раз и навсегда. Условие же, как в сказках: направо пойдешь, коня потеряешь, налево пойдешь, царство потеряешь...

Так и советский писатель взвешивает: окажешься на Западе — обретишь свободу; уедешь на Запад — потеряешь родных, большинство друзей, потеряешь читателей, язык, родину...

«Что было бы, если бы...» Эта вариантность — в основе художественного построения повести. И это условие приводит Виктора Некрасова в Кремль, к Сталину.

...Сидим у нас в кельнской квартире. Автор читает нам только что законченную повесть. Поток воспоминаний «Некрасова»:

Он получает диплом лауреата в том самом окошечке, которое прославил Булгаков в «Театральном романе». Как и у Булгакова, администратор долго разговаривает по телефону. А новый лауреат нетерпеливо ждет и досадует: такое торжественное событие, и все так буднично! На улице машина: «Виктор Платонович, Вас приглашают в Кремль, к товарищу Сталину». Едет. Входит в кабинет. Боится, но пытается подавить, хотя бы скрыть страх. Выпивка помогает, начинается разговор.

Я не хочу прерывать чтение, но не выдерживаю: «Почему же ты никогда об этом не рассказывал?»

Он обрадованно смеется: «Да, никогда этого не было». Но, ведь, могло бы быть... Звонил же Сталин Пастернаку, Эренбургу, Булгакову. Мог бы позвонить и Некрасову.

Сколько советских людей в те годы думали: «Что я

скажу Сталину, о чем его попрошу, за кого попрошу, если чудо произойдет и я с ним встречу?»

Сталин у Некрасова — это не еще один портрет тирана. Это порядочный человек перед тираном, это обычные люди при Сталине, перед Сталиным.

Незадолго до того, как слушала эту повесть, прочитала я рукопись романа Андрея Синявского «Спокойной ночи!» и дивилась: два русских писателя, оба изгнанники, оба в Париже, оба пишут книги, где есть и Сталин. Когда же этот труп, вынесенный из мавзолея в 1961 году, будет вынесен и из наших душ?

...Никитин не обещает «Некрасову» никакого рая в Париже, он соблазняет его отсутствием гнета, возможностью не лгать, не приспособливаться, оставаться верным себе.

Мне жаль, что важный и плодотворный поворот избранного условия «что было бы, если бы...» разработан недостаточно. Что же потерял бы «Некрасов», реши он остаться, что приобрел бы Никитин, если бы родился в Киеве?

В 1958 году, прочитав «Первое знакомство», я написала Некрасову одно из первых читательских писем в моей жизни. Была уверена, что и я тогда точно так же увидела бы Европу.

Потом снова писала ему из Москвы в Париж, прочитав «Записки зеваки». Опять мое, опять мне интересно было и про сорта колбасы, и про пляжи, и прежде всего про судьбы, московские, киевские, парижские. И долго смеялась я над вылинявшей вывеской, которую автор видит в безлюдной степи: «Да здравствует нерушимая дружба между народами Советского Союза и Непала!»

Печальное, страшное, трогательное, смешное — все вместе, все правда, и разнородные куски не склеены, а связаны, органически объединены личностью писателя.

«Маленькая печальная повесть» в сущности — продолжение «Сапперлипопета». Продолжение той самой главной мысли-образа «что же было бы, если бы...»

Ее герои, три «мушкетера», оставили дома не просто молодость, а самое в ней драгоценное — дружбу. Судьба их разбросала. Одинок Сашка, талантливый артист балета,

перебравшийся на Запад, одинок и на вершине мировой славы. Одинок звукооператор Ашот, женившийся на француженке и живущий в Париже. Кинорежиссер Роман все более одинок в Москве.

Сашка и Ашот могут встретиться, но по-настоящему не встречаются, и это больно обоим. Болит ампутированная дружба. А с Романом Ашот может встретиться украдкой, на коротке, их разделяют границы и страх. Роман остался дома, но тоже утрачивает дружеспособность — и родина не гарантирует прочности дружбы, хотя общие горести сбивают прочнее.

«Маленькая печальная повесть» еще более автобиографична, чем лирическая публицистика, где рассказ — от первого лица. Можно было бы, наверно, и обойтись без прямой речи автора в конце — Некрасов словно не доверяет себе-рассказчику, не доверяет читателю. А напрасно.

Да, повесть печальная. И потому, что стареть печально всегда и везде. Терять друзей печально. Быть от них отрезанной — горько. Читая, разделяла я авторскую печаль, но передавался мне и ее свет. Могла ли я представить себе, читая «Первое знакомство» на страницах старого «Нового мира» и отождествляя свое возможное восприятие Европы с некрасовским, что пройдут года, и эта метафора реализуется, и Виктор Некрасов будет показывать нам свой Париж, свое кафе «Эскуриал»..

В обеих повестях Некрасова есть поэзия. То, что не поддается переводу на язык критики, мне во всяком случае не перевести. «Некрасовская» атмосфера — это неизменность присутствия друзей в твоей жизни. С этим богатством многим пришлось расстаться.

Общность протеста толкает писателей-эмигрантов к черно-белым схемам, к обоготворению одних, к демонизации других.

Некрасов в свое время не поддался проработочной критике, требовавшей, чтобы писатель определил, где у него положительные, а где отрицательные герои.

На Западе он не поддался иному, не административному, но весьма могущественному давлению, тоже требующему однозначного ответа на вопрос: «С нами или против нас?»

Жизнь не делится на белое и черное.

В осеннем смещении красок, в мягкости и размытости тонов — особенность и прелесть некрасовской прозы, наследие Чехова, наследие импрессионистов.

Виктор Некрасов наделен еще одним редким талантом, талантом дружбы, неразрывно связанными с тем, что Ахматова назвала «души высокая свобода».

В 1949 году в «Литгазете» появился грозный очередной пасквиль «Двурушник Борщаговский». Некрасов в тот же день послал из Киева в Москву телеграмму, слова поддержки и перевел крупную сумму денег своему тогдашнему другу. В этом не только смелость, хотя и смелость тоже, а и благородная верность дружбе.

По прихоти своей скитаться здесь и там...

Прихоть, тоже часть внутренней свободы.

Можешь ты днем лечь на диван и перечитать «Попрыгунью»?

Пришлось признаться, что замотанная обязательствами, я — не могу. А он может. По прихоти.

Постаревший мушкетер остался верен чести и дружбе, тому, что было заложено в душе, что было воспитано бабушкой, матерью и теткой, друзьями, книгами, улицами Киева, окопами Сталинграда.

Из верности этому Некрасов эмигрировал.

Из верности этому остался самим собой и на чужбине.

Четверть века тому назад Виктора Некрасова поздравляла «Литгазета», и автор статьи неподдельно удивлялся: «Неужели уже пятьдесят?..» К сожалению, поздравляя сегодня Виктора Платоновича Некрасова, я не удивляюсь — да, уже семьдесят пять...

Его голос, достоверность интонации многим из нас по обе стороны берлинской стены необходимы все больше и больше. Голос прекрасного писателя, чистого, легкого человека, нежного и верного друга.

март 1986

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Весной 1956 года редакция журнала «Иностранная литература» решила напечатать роман Ремарка «Время жить и время умирать». Публикации зарубежных авторов полагалось тогда сопровождать предисловиями или послесловиями именитых советских писателей.

Предисловие к Ремарку попросили написать Виктора Некрасова, которого еще недавно проработчики обвиняли в «ремарковщине». Он колебался: «Читал только два ранних романа — „На западном фронте без перемен” и „Возвращение”, готов прочесть и рукопись перевода. Но, ведь, Ремарк написал еще много другого...»

В редакции знали, что я читал все книги Ремарка, которые в библиотеке Иностранной литературы были лишь недавно переведены из «спехранения» на общедоступные полки. В те месяцы все шире расходились круги, вызванные докладом Хрущева «О культе личности». И, хотя я еще не был реабилитирован, меня попросили обстоятельно пересказать Виктору Платоновичу содержание нескольких романов Ремарка.

Встреча была назначена в ресторане ЦДЛ. Два дня я готовился к ней и шел основательно робея. «В окопах Сталинграда» я прочитал в тюрьме. Перечитывал несколько раз и убедился: эта книга правдивее, добрее, лучше всего, что написано о войне. И, вот, предстояло познакомиться с автором.

Виктор Платонович сидел за столом с худошавым юношей и пил водку. Я почтительно представился.

— Садитесь. Этот товарищ камарадо-переводчик, командированный из ЦК. Через час нам нужно давать интервью итальянскому корреспонденту, какой-то не то лево-правокоммунистической, не то левосоциалистической газеты. А пока я буду Вас интервьюировать.

Едва сев, я начал бормотать, что горд и счастлив, и что-то про лучшую военную книгу.

— Ладно, ладно, слышали. А вы на фронте были?.. Так, так, все ясно. Тогда какого же хрена, товарищ майор, ты говоришь «лучшая военная книга»? Ведь ты должен знать, что в ней только часть правды.

— Пусть часть, но ни слова брехни.

— Пожалуй... Но часть правды — тоже брехня. А раз ты фронтовик, то всухую разговаривать не положено. Дорогой камарадо, распорядитесь насчет пол-литра.

Мы пили за погибших товарищей, за то, чтобы наконец писать и говорить полную правду...

Я пытался что-то рассказывать о Ремарке.

— Так значит эту войну он знает только по газетам, по рассказам.. Скажи честно, этот роман «Жить — умирать» сравним с тем, первым — «На западном фронте», или пониже, пожиге будет?... Нет, нет, разумеется, я считаю, что нужно публиковать, издавать. Он — честный писатель... А как ты считаешь: великий или середняк? ...Не можешь судить? Так какой же ты, к хренам собачьим, критик?.. Впрочем, наверно честный критик должен именно так признаваться. А то у нас привыкли ярлыки лепить.

Лекция-рассказ о Ремарке не получалась. К столику то и дело подходили приятели и знакомые Некрасова: одному он подносил чарку, с другим разговаривал сухо, иногда матерно. А я глядел, слушал, хмелел и очень радовался. Особенно радовался тому, что он так похож на свои книги. Я узнавал голос, который слышал, читая «В окопах» и «В родном городе». Приятен был мягкий киевский говор. И уже в первые минуты я ощутил и понял: он открыт настежь, ничего не прячет, говорит именно то, что вот сейчас думает, именно так, как чувствует. И когда он ругался, это было тоже естественно... всплывали словесные пласты, которые наслаивались в окопах.

Юный переводчик тарасился на него влюбленно. Тоже ругнулся... Некрасов цыкнул:

— Не попугайничай. У тебя для таких выражений во рту нет места. Не будь пижоном.

Я пытался уговорить отложить интервью.

— Разве ты не чувствуешь, что перебрал? Я меньше выпил, а у меня уже уши горячие, и в голове пульсы.

— Не робей, майор. Ты политработником был, только словами стрелял, фрицам ума вкладывал. Тебе и на передовой меньше, чем нам водки доставалось. А мы воевали и трезвыми и пьяными одинаково. Меня никаким спиртом не возьмешь. А сейчас я — начальник. Едем без никаких!

В такси я стал трезветь от страха. Боялся, что предстоит скандал: международные осложнения, ущерб достоинству советского писателя. А у меня еще и паспорт с «ограничениями», без московской прописки. Переводчик то задремывал, то просыпался очень радостный. «Едем без никаких» ... Не мог же я их покинуть; не мог и не хотел. Все страхи были слабее, чем симпатия, любопытство и гордость — помогаю Виктору Некрасову.

В гостиннице переводчик позвонил из вестибюля: «Очень ждут, очень радуются».

Итальянец был тоже очень молодой, высокий, тонкий, большеглазый. А жена маленькая, худенькая, кудрявая, совсем девчонка. Они старались говорить по-русски — учились несколько месяцев перед поездкой. Говорили беспомощно, смешно, но очень приятно. Наш переводчик весело лопотал с ними, но переводить забывал. Немецкого они не знали и я стал наскребывать английские и французские слова, по-итальянски знал только песню «Бандьера Росса».

Виктор сразу же очень решительно сказал:

— Вы хотите интервьюировать, — очень хорошо. Согласен. Но только сначала буду спрашивать я. Хочу знать, с кем разговариваю.

А что необходимо для хорошей беседы?.. Нас тут пятеро, — значит два пол-литра. Объясни ему камарадо по-камарадски, что такое два пол-литра.

И корреспондент и жена смеялись. Пока переводчик звонил, заказывал водку, мы пытались разговаривать на таком салатном жаргоне из разноязычных слов, междометий, литературных имен. Они восклицали: «О, Толстой! О, Достоевский! О, Тургенев... О, Чехов... О, Горький...

И мы старались не отставать: «О, Данте! О, Петрарка! О, Боккаччо! О, Гольдони!...»

Официант принес водку и весьма скудную закуску — ломтики сыра и белой булки.

Виктор начал с вопроса: «Что знает сеньор камарадо про двадцатый съезд, про доклад Хрущева и что думает про Сталина?»

Журналист ответил многословно, отчаянно жестикулируя, и кашляя — поперхнулся водкой. Жена звонким голосом вставляла замечания. Переводчик стал возражать им, забывая переводить.

Все же я понял, что наш собеседник, корреспондент «Аванти» — левый социалист, вообще — противник коммунистов — «они — доктринеры, фанатики, догматики», — но сторонник единого фронта. Он против культа: Сталин делал ошибки, но и Хрущев не прав: его доклад — сенсация, вредная для международного рабочего движения, Сталин — символическая фигура для всех антифашистов. Такая критика Сталина помогает реакции.

После этого начался долгий, оглушительно шумный спор. Приносили еще водку. Я тоже кричал и очень радовался, что мы с Виктором оказались единомышленниками и вдвоем старались объяснять молодым: самое главное — правда, и никакое рабочее движение, никакой социализм не могут оправдать лжи и злодейств. А Сталин не только ошибался, но злодействовал и лгал, и сталинский культ вреднее, опаснее любой реакции.

Наш переводчик упился раньше всех, и орал громче всех: «Сталин — бандит, фашист!»

Интервью так и не состоялось. Не знаю, удалось ли нам в чем-то убедить наших оппонентов, но помню, что мы очень дружно пили за Россию, и за Италию, за Москву, за Рим, за Киев, за Милан, пели «Бандьера росса», долго прощались, обнимаясь, целуясь, и клялись в дружбе.

...В последующие тридцать лет мы встречались с Виктором Платоновичем в Москве, в Киеве, в Дубултах, в Переделкино. Потом в Париже, в Кельне, в Берлине. Встречались куда реже и разговаривать удавалось куда меньше, чем я хотел.

За эти годы я прочитал множество хороших и очень хороших книг о войне, написанных отечественными и

зарубежными авторами в прозе и в стихах. Но они не потеснили в душе и не затмили в памяти ту, самую первую и навсегда любимую «В окопах Сталинграда» — запечатленную художником правду о войне, которую мы не можем и не хотим забывать, чье горькое дыхание и сегодня живет в нас.

Сорок лет спустя после первой встречи с этой книгой и через тридцать лет после первого знакомства с Виктором Некрасовым я люблю их сильнее, чем раньше. Такая любовь как хорошее вино — крепчает с годами.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *Владимир Малинкович*. Разговоры о реформах — что дальше?
- 24 *Петр Абовин-Егидес*. Беспрограммная программа.
- 41 Свободный мир глазами эмигранта (*Михайло Михайлов, Игорь Шелковский*).
- 55 *Вилен Барский*. Вкус груши.
- 61 Так мы видим Запад (ответы читателей на анкету журнала «Форум»).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 74 *Семен Резник*. Карл Маркс — интернационалист или антисемит?
- 83 Мехмет Эмин Расул-заде — президент независимого Азербайджана.
- 90 *Эдуард Беккер*. Возвращение на круги своя (часть II).

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 122 *Эйтан Финкельштейн*. Узник совести Викторас Пяткус.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 127 *Михайло Михайлов*. Необходимо идеологическое противостояние.

СОЦИОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

- 137 *Рафаил Бахтамов*. Эта загадочная НТР.

ТРУД, РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

- 153 *Вадим Белоцерковский*. Самоуправление и пропасть между «мирами».

ИСТОРИЯ

- 166 *Сергей Максудов*. Восстание 1916 года в Средней Азии — пролог гражданской войны.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 180 *Максим Ковалевский*. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 207 *Марко Царинник*. Поэзия и политика.
218 *Алина Бабаева*. «Где они, пути наши?!»
228 *Раиса Орлова*. Души высокая свобода.
233 *Лев Копелев*. Первое знакомство.

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:	Годовая подписка:
Англия — 3 фунт.	10 фунт.
Германия — 15 н. м.	50 н. м.
США — 7 ам. долл.	25 ам. долл.
Франция — 40 ф. фр.	135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии   Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W 9

в Израиле   Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 877451

